

ЧИ(МОНГ)
Ш: 61
-53060-

А. М. ЩЕРБАК

**ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
В ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В Библиотеку КИУи РАН
42/1000/1
№ 61

25. VII, 2006

А. М. ЩЕРБАК

ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
В ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2005

Научная библиотека
КИУи РАН

УДК 811.512.1=512.3

ББК 81.2(5)

Щ61

Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / Ин-т лингвист. исслед. РАН; Ин-т гуманитар. исслед. АН Республика Саха (Якутия). — СПб.: Наука, 2005. — 195 с.

ISBN 5-02-027002-4

Данная работа является продолжением книги А. М. Щербака «Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII—XIV вв.)» (1997). Тюркско-монгольские контакты, продолжительные и интенсивные, имели важные последствия главным образом для монгольских языков. Учет и тщательный анализ их — одна из основных задач нынешнего этапа алтаистических исследований. В книге через описание последствий тюркско-монгольских языковых контактов путем сопоставления большого фактического материала определяется степень смешанности монгольских языков, с одной стороны, и характер, и размеры их собственного достояния — с другой.

*Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН,
Институтом гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)*

Ответственный редактор

И. Н. НОВГОРДОВ

Рецензенты:

В. Г. ГУЗЕВ, Е. А. КУЗЬМЕНКОВ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 03-06-96033 р 2003 арктика_a*

Предисловие

Предисловие к монографии следует начать пространной цитатой из статьи В.Банга, опубликованной за два года до его смерти.¹

Однажды она уже приводилась нами, и все же бесполезно воспроизвести ее еще раз, в более целостном варианте, так как содержание и глубокий смысл, заложенные в ней, могут облегчить понимание тех трудностей, которые неизбежно возникают при попытках объяснить обилие совпадений и сходств между тюркскими и монгольскими языками. Ценность высказываний В.Банга и их особая примечательность тем более высоки, что представляется возможность послушать суждения не начинающего специалиста, смело выдвигающего далеко не бесспорные гипотезы, а человека, своеобразно подводящего итог всей своей научной деятельности в данной области и дающего хотя и субъективную, но, тем не менее, взвешенную оценку достигнутых результатов. «Чем больше старею я, — пишет В.Банг, — тем больше считаю просто абсурдным сравнивать между собой два языка, скажем монгольский и тюркский, прежде чем мы установим, что заимствовано, дважды заимствовано и перезаимствовано. И как мы можем, не выставляя в смешном виде нас и нашу науку, сравнивать между собой два языка, если о сотнях слов не знаем даже того, образовались ли они при помощи какого-либо суффикса или без него». И далее: «Я могу только посочувствовать В.Котвичу, когда он, более или менее разочарованный после своих блужданий по «алтайским» числительным, проявляет склонность броситься в объятия Н.Я.Марра. Однако не прорастает ли как раз эта склонность из нашей навязчивой идеи, что родство, скажем мы опять, монгольского и тюркского, должно быть доказано любой ценой».

По существу, В.Бангом дана оценка всей ортодоксальной алтаистики, виднейшим представителем которой до конца жизни был он сам. Вместе с тем в его высказываниях можно обнаружить и то, что сле-

¹ См.: Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Sechster Brief: Varia varii momenti // UJ, 1932. XII, 1/2. S. 103.

довало бы воспринимать как более перспективный путь в алтаистических исследованиях, противопоставляемый всеобъемлющему сравнению. В. Банг не мог только предугадать аналогичную эволюцию взглядов умершего значительно позже В. Котвича, который критически отнесся к своим попыткам тотального сопоставления и в конце концов дал отрицательный ответ на вопрос о возможности существования алтайской генетической общности в составе тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Взаимодействие языков, их частичное смешение, более или менее значительное, — реальный исторический процесс, последствия которого зависят от многих обстоятельств, как внешних, так и внутренних. Трудно сказать, каковы пределы смешения языков разных семей, семей разных структурных типов, хотя считать допустимым образование чего-либо промежуточного, кажется, нет оснований. О взаимодействии и смешении языков высказано много мнений, небольшой обзор которых приведен в одной из наших монографий.² Именно в этом обзоре сформулирован подход автора к различным точкам зрения и отдано предпочтение той из них (И.А. Бодуэн-де-Куртенэ, Л.В. Щерба, В.А. Богородицкий, Б.Я. Владимирцов), согласно которой взаимодействие и смешение рассматриваются как исторический факт, обусловленный наличием географической смежности, культурных и торговых связей, а также столкновений племен и народов, но вместе с тем признается устойчивость языка, его непрерывность (согласно А. Мейе, каково бы ни было смешение, всегда можно выделить то вполне конкретное и определенное, что образует основу смешанного языка).

Монгольские языки безусловно относятся к числу смешанных, но смешанных именно в том смысле, в каком об этом говорилось выше. Частичным смешением охвачены все ярусы языка, что неоднократно подчеркивалось многими известными монголистами. Вместе с тем нет никаких сомнений относительно наличия таких своеобразных материальных и структурных особенностей монгольских языков, которые в совокупности характеризуют вполне самостоятельную языковую общность, имеющую глубокую историю. У монгольских языков есть собственный лексический фонд при несомненном наличии значительного иноязычного пласта, есть своя морфология, безусловно испытывавшая сильнейшее воздействие тюркских языков, есть, наконец, свой синтаксис, в котором многое заметно расходится с синтаксисом тюркских языков.

² См.: Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977. С. 12-14.

Описание последствий тюркско-монгольских языковых контактов, осуществляемое путем сопоставления большого фактического материала, позволит определить степень смешанности монгольских языков с одной стороны, характер и размеры их собственного достояния, с другой. Разумеется, это конечная цель подобных исследований и то, что предлагается ниже, — лишь начало большого и длительного пути.

Результаты проведенного нами исследования и сделанные выводы не исключают возможности поиска исконно общих черт, объединяющих тюркские и монгольские языки, однако автор данной работы не склонен заниматься такими поисками, будучи убежденным в их бесперспективности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что анализ приведенной в работе лексики и морфологических элементов тюркских и монгольских языков не имеет ничего общего с этимологическим исследованием. Этимологические экскурсы делаются эпизодически, когда возникают особые трудности при определении первоначальной языковой принадлежности слова. Именно этим объясняется малочисленность отсылок к существующим этимологическим словарям. Основная задача, поставленная нами, заключается в определении тюркского вклада в формирование и развитие монгольских языков, и становится явно излишним специальное исследование истории каждого слова с привлечением обширных лексических материалов.

И далее, об особенностях построения словарных статей в первой главе: стоящие в одном ряду с бурятскими словами слова других языков в случаях совпадения с ними по значению не выделяются точкой с запятой и не сопровождаются переводом. Нами использовались разные источники, перечень которых приведен в одном из предыдущих изданий, являющемся, по существу, первым томом двухтомной монографии.³

Сокращения

Издания текстов, грамматик и словарей

At-tuhfa Изысканный дар тюркскому языку. (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке). Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И.Фазылова и М.Т.Зияевой. Ташкент, 1978.

ДСЯЯ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. М., 1976.

³ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. С. 13-24, 65-66.

- ДСЯЯД Диалектологический словарь языка саха. (Дополнительный том) / Сост. Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Новосибирск, 1995.
- ДТС Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ЛОК Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.
- МА Монгольский словарь Мукаддимат Ал-адаб. I-II. М.; Л., 1938.
- МК (Махмуд Кашгари) T.D.K. Divanü luğat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I); 1940 (II); 1941 (III).
- Hy Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVE siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389: II. Vocabulaire-Index. Wrocław, 1959.
- Kałuż.1995 Kaluzynski St. Jacutica. Prace jakutoznawcze // Philologia Orientalia, 2. Warszawa, 1995.
- L Poppe N. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // ИАН, 1927. Сер. VI; 1928. Сер. VII.
- TMEN Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: II. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965.
- Без ссылок с указанием «сиб.-тат.» в работе использованы материалы «Словаря диалектов сибирских татар» Д.Г.Тумашевой (Казань, 1992).

Периодические издания и сборники

- ВЯ Вопросы языкознания, Москва.
- ДАН-В Доклады Академии наук, серия В, Петроград-Ленинград.
- ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
- ЗВО ИРАО Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, Санкт-Петербург.
- ИАН Известия Академии наук СССР. Сер. VI. Ленинград.
- УТА Ўзбек тили ва адабиёти, Тошкент.

- AOH Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
- BOH Bibliotheca Orientalis Hungarica, Budapest.
- CAJ Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
- HJAS Harvard Journal of Asiatic Studies, Cambridge (Massachusetts).
- JA Journal Asiatique, Paris.
- JSFOu Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
- KCsA Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest.
- MSFOu Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
- RO Rocznik Orientalistyczny, Lwów-Kraków.
- StO Studia Orientalia, Helsinki.
- UAJb Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden.
- UJb Ungarische Jahrbücher, Berlin-Leipzig.
- ZDMG Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig-Wiesbaden.

Названия языков, диалектов, говоров

аг. агинский	карач.-балк. карачаево-балкарский
аз. азербайджанский	кирг. киргизский
алт. алтайский (горно-алтайский)	ком. команский
ар. арабский	лат. латинский
бар. барабинский	м. монгольский (халха-монгольский)
башк. башкирский	ма. маньчжурский
бн. баоаньский	мнгр. монгорский
бох. боханский	мог. могольский
бур. бурятский	монг. монгольский
гаг. гагаузский	м.-п. монгольский письменный
даг. дагурский	нан. нанайский
долг. долганский	ног. ногайский
др.-тюрк. древнетюркский	орок. орокский
дунс. дунсянский	перс. персидский
каз. казахский	саг. сагайский
калм. калмыцкий	сиб.-тат. сибирско-татарский
кар. караимский	скр. санскрит

сол. солонский	тюрк. тюркский
ср.-монг. среднемонгольский	узб. узбекский
ср.-тюрк. среднетюркский	уйг. уйгурский
ст.-узб. староузбекский	фр. французский
сч. саньчуаньский	хак. хакасский
тат. татарский	чув. чувашский
тоф. тофаларский	шор. шорский
тув. тувинский	эвен. эвенский
тунк. тункинский	эвенк. эвенкийский
тур. турецкий	эхир. эхиритский
туркм. туркменский	як. якутский

Наименования научных учреждений

АН Академия наук

ИВ Институт востоковедения

ИИЯЛ Институт истории, языка и литературы

Прочие сокращения

АКД автореферат кандидатской диссертации

диал. диалектный

Изв. Известия

Сер. серия

Тр. Труды

Уч. зап. Ученые записки

Заметки об алфавите

Алфавит, используемый для передачи тюркизмов бурятского и других монгольских языков: *a, ā, ä, b, ċ, d, e, ē, f, g, h, i, ī, ï, î, j, ĵ, l (l'), m (m'), n (n'), η, o, ō, ö, õ, r (r'), s, š, t, u, ū, ü, ũ, x (x'), v, z, ž.*

Учитывая разные обстоятельства и прежде всего особенности парадигматической реализации *i*-дифтонгов, а также соответствие их до известной степени сочетанию гласных с *j*,⁴ мы обозначаем неслоговой элемент подобных дифтонгов как *j*.

⁴ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938. С. 33, 35, 36.

Введение

Общие замечания

Развитие языков от их первоначального состояния, обычно представляемого в реконструированном виде, или от какого-либо древнего, засвидетельствованного письменными источниками среза до современного состояния, о котором можно судить на основании самых разнообразных материалов, — чрезвычайно сложный и длительный процесс. Он заключается не только в постепенном раскрытии внутренних возможностей совершенствования и обогащения, но и в расширении и углублении тех же возможностей посредством учета контактов с другими языками, родственными и неродственными.

Языковые контакты оказывают влияние на фонетику, морфологию, состав лексики взаимодействующих языков и в известной мере определяют ход и направление эволюционных изменений. Примером может служить разрушение гармонии гласных в узбекском языке и преобразование шкалы вокализма, явившиеся следствием тесного и продолжительного взаимодействия его с иранскими языками. Об этом же свидетельствуют изменения в морфологии таких языков как якутский и долганский. Еще один пример — появление совершенно необычных для тюркских языков синтаксических конструкций в гагаузском, каримском и некоторых других языках. Здесь определяющим фактором преобразований было влияние славянских языков, ср.: гаг. *bän bundan sora istemedim bu zenginde qalmaa* ‘после я не захотел оставаться у этого богача’.

Изменения, обусловленные контактами языков, далеко не всегда очевидны и о наличии их мы, как правило, судим лишь по конечным проявлениям. Тем не менее нет необходимости доказывать, что такого рода изменения вполне реальная вещь и что в результате долговременных и интенсивных контактов нередко происходят очень глубокие преобразования. О масштабах изменений говорят сами факты существования понятий “смешение” и “смешанный язык”, которые независимо от степени их принципиальной правильности и приемлемости дают достаточно полное представление о том, как могут соотноситься в одном конкрет-

ном языке "свое" и "чужое". В конце концов, не важно, признавать ли возможность образования из двух разных языковых структур особенной, третьей, или считать допустимой лишь такую форму смешения, которая способствует значительному сближению их. Важнее всего то, что учет последствий взаимодействия создает дополнительные предпосылки для более точного и достоверного описания истории языка.

Что касается характера изменений, вызванных контактами, то они происходят в виде дополнений или замены собственных элементов "чужими" в любой области языка или в виде разного рода структурных новшеств.

В наибольших размерах подвержена изменениям лексика, однако не все тематические группы лексики легко поддаются воздействию "со стороны". Так, количественные числительные от 1 до 9 включительно характеризуются почти абсолютной устойчивостью. Проникновение в их состав иноязычных слов практически исключено. Частичные замены или полный переход от одной системы количественных обозначений к другой возможны лишь в условиях продолжительного и всеобъемлющего двуязычия. За количественными числительными следуют слова — названия космических тел и сфер, явлений природы, отрезков времени, времен года. Большой устойчивостью обладают также слова, обозначающие принципиально важные действия и состояния. Менее устойчивы термины родства, наименования частей тела и физиологических отравлений.

Несколько иначе обстоит дело с морфологией. Здесь дополнение языка "чужими" элементами происходит обычно путем заимствования ёмких словообразовательных рядов и последующего вычленения аффиксальных элементов, активизация которых в заимствующем языке зависит, в частности, от распространенности и важности соответствующего ряда.

Чрезвычайно интенсивное воздействие на морфологию со стороны оказывается в условиях двуязычия, открывающего широкие возможности для замены морфем одного языка морфемами другого.

Роль контактов в истории языков и в процессе изменения различных языковых ярусов более или менее подробно освещается в специально посвященной теории контактов главе монографии, так что нет необходимости подробно касаться этих вопросов здесь.

Наличие заметного тюркского пласта в монгольских языках в настоящее время не вызывает споров и признается широким кругом специалистов, независимо от подхода к решению алтайской гипотезы; между тем всестороннее исследование заимствований постоянно откладывается в силу сохраняющегося приоритета традиционных алтаистических

поисков, ориентированных на обнаружение новых параллелей и реконструкцию праформ. Сложившаяся ситуация ставит на повестку дня такое исследование монгольских языков, ближайшей целью которого являлось бы максимально полное выявление последствий тюркско-монгольских контактов для истории монгольских языков. Подобное исследование предполагает тщательное сопоставление лексики и морфологии в объеме всего доступного нам материала как древних, так и современных монгольских языков. В самом деле, нельзя не учитывать того, что общие с тюркскими языками материальные единицы и структурные черты присутствуют в монгольских языках наряду со специфическими, присущими только им, часто очень своеобразными чертами и элементами, и именно поэтому совершенно необходимо оценочное комментирование всех сходств и совпадений.

Разграничение собственного фонда и заимствований — обязательная предпосылка достижения важной промежуточной цели: определения исконных структурно-фонетического и морфологического типов монгольского праязыка, выявления в нем основных способов передачи грамматических значений, уточнения состава его базовой лексики и т.д.

Изучение последствий тюркско-монгольских контактов и определение их роли в истории монгольских языков представляют большой научный интерес и с общелингвистической точки зрения: полнее раскрывается механизм языкового взаимодействия, глубоко вскрываются различные факторы, способствующие проникновению единиц одного языка в другой, получает более конкретное и более четкое, взвешенное решение вопрос о границах и степени проницаемости тех или иных уровней языка.

Цель и задачи исследования

Смежность территорий, на которых расселялись тюркские и монгольские племена, — важное обстоятельство, подлежащее учету и заслуживающее самого серьезного внимания, независимо от отношения к алтайской гипотезе и, следовательно, независимо от того, как объясняется природа тюркско-монгольской языковой общности. Сам факт существования последней является, пожалуй, общепризнанным.

Контакты и взаимовлияния тюркских и монгольских языков не ограничивались ранним периодом, когда соответствующие этнические образования компактно расселялись на смежных территориях в Южной Сибири. Можно предположить, что они имели место на протяжении всего последующего периода вплоть до настоящего времени и что лишь характер и результативность их существенно менялись. Остается неяс-

ным, когда влияние тюркских языков на монгольские достигло максимальных размеров и когда сформировались те структурные черты последних, которые придали им отчасти тюркский облик.

Как неоднократно отмечалось в нашей предыдущей монографии, последствия тюркско-монгольских контактов оставили заметный след и в монгольских, и в тюркских языках; иными словами, влияния осуществлялись и в том, и в другом направлениях. Однако в период до XIII в. явно преобладала тюркско-монгольская направленность их: в древнетюркском языке слова монгольского происхождения встречаются в предельно ограниченном количестве, случаи заимствования их просто единичны. Что же касается элементов фонетической и морфологической структуры и морфологических показателей, которые можно было бы уверенно отнести к монгольским, то их вообще нет, если обойти молчанием два-три спорных случая. Разумеется, не следует переоценивать немногочисленные факты создания тюркских текстов путем переработки легендарных биографий Чингиз-хана и включения в них монгольских слов и форм. Такие тексты не получили широкого распространения в тюркской этнической среде и, осмеливаемся сказать, не имели никакого значения для последующего развития тюркских языков. Например, уйгурский список «Огуз-наме» — единственный в своем роде, не имеющий аналогий в языковом отношении среди других сходных по содержанию списков, а некоторые его языковые особенности не находят параллелей ни в древних, ни в современных тюркских языках.

Таким образом, в ранний период тюркско-монгольских контактов, т.е. до XIII в., общее в тюркских и монгольских языках представляет собой значительный пласт лексики и грамматических форм, образование которого происходило в ходе продолжительного и интенсивного одностороннего влияния, влияния тюркских языков на монгольские. Здесь еще раз особо подчеркнем, что в древнейших тюркских текстах, орхоно-енисейских рунических надписях, нет бесспорных случаев наличия монголизмов. Приблизительно так же обстоит дело в ранних памятниках древнеуйгурской письменности.

Обстоятельства, обусловившие одностороннюю направленность языковых влияний, способствовавшие ее закреплению и усиливавшие ее проявление, по-видимому, были связаны с историческими событиями, происходившими в V-VI вв. н.э. и завершившимися созданием тюркской государственности. Различные источники и прежде всего тюркские рунические надписи содержат косвенные указания на зависимое положение монгольских племен в Первом Восточном каганате тюрков. Это не могло не способствовать усилению культурного и языкового воздействия на монголов, которое становится постоянным, традиционным,

прослеживаемым во все последующие периоды времени, даже в период после монгольского нашествия. Распространение буддизма возвело его в ранг нормально действующего фактора, а заимствование переработанного уйгурами согдийского алфавита как бы закрепило это воздействие, подвело под него чрезвычайно важную материальную основу.

Говоря о последствиях тюркского влияния на монгольские языки в ранний период, нельзя не отметить, что относительная компактность расселения монгольских племен обеспечила тотальное распространение заимствованной лексики и поэтому в современных монгольских языках значителен пласт совпадающих слов тюркского происхождения при явно заметных расхождениях, обусловленных главным образом поздними автономными контактами. Совпадают также многие заимствованные морфологические элементы и структурные особенности, хотя и в области морфологии налицо определенные расхождения. Однако общемонгольский пласт не поддается детальному разбору и может быть охарактеризован лишь в целом. Трудности связаны с тем, что нередко велики фонетические различия, а хронологию возникновения их установить не удается.

В период после XIII в., когда монгольские завоевания принципиально изменили этническую карту Евразии и заменили ранее установившиеся приоритеты новыми, в тюркско-монгольских контактах намечаются важные сдвиги. Усиливается монгольское влияние на тюркские языки, причем размеры его и глубина проникновения монгольской лексики и аффиксальных элементов были предопределены конкретными историческими условиями, географическим положением тюркских народов, особенностями этногенеза. То обстоятельство, что монгольское влияние на тюркские языки приобрело ощутимую силу лишь в довольно позднее время, предопределило отсутствие общетюркского пласта монголизмов и своеобразие каждого тюркского языка в отношении количества и состава вошедших в его лексику и морфологию иноязычных элементов. Монголизмы в тюркских языках — тема специальных исследований, ориентированных на факты конкретных языков, прежде всего таких, которые подверглись наиболее сильному воздействию (якутский, тувинский и другие тюркские языки Сибири). Наша же задача заключается в определении роли тюркско-монгольских контактов в истории монгольских языков, формировавшихся в период после XIII в. При этом основное внимание сосредоточено на общей оценке изменений, происходивших в монгольских языках; отдельные же факты рассматриваются преимущественно на примере бурятского языка и, отчасти, калмыцкого. Последние, как можно предположить, находились под тюркским влиянием и в позднее время, однако наличие у

них специфических черт и автономного слоя заимствований, отличающих их от других монгольских языков, не является в достаточной мере очевидным. Из сказанного выше не следует, что другие монгольские языки в новый и новейший периоды времени не испытали воздействия тюркских языков. Есть факты, свидетельствующие, например, об интенсивном тюркском воздействии на монгорский язык, в котором ряд тюркизмов, судя по их внешнему облику, появился поздно.

В монографии пять глав. Первая из них, как уже было сказано выше, содержит относительно подробный список тюркизмов бурятского языка сравнительно с лексическими материалами всех других монгольских языков, древних и современных. Главнейшей причиной того, что наибольшее внимание уделяется бурятскому и калмыцкому языкам, явились их крайние позиции, занимаемые в монгольском языковом пространстве. Существенно также и то, что они продолжительное время не находятся на смежных территориях и обнаруживают наряду с древнейшими заимствованиями из тюркских языков заимствования, имевшие место в новейший период. Вторая глава посвящена анализу состава заимствованной лексики и особенностей фонетического освоения тюркизмов в монгольских языках. В третьей главе выделяются тюркские морфологические элементы в монгольских словоформах, в четвертой — рассматриваются особенности морфологического освоения тюркизмов. Пятая глава — о роли контактов в процессе изменения лексического состава и морфологической системы языков. Завершают монографию два экскурса, один из которых содержит фрагментарное описание специфических черт фонетики, морфологии и синтаксиса монгольских языков, тогда как другой, по существу, заменяет общее заключение.

Особенности пространственного фактора в историческом аспекте

Начиная с XIII в. многие монгольские племена переходят к такому образу жизни, который можно было бы назвать условно военнокочевым. Перемещения их на огромном пространстве приводят в конечном итоге к образованию нескольких крупных центров формирования монгольского этноса. Вновь образующиеся региональные центры, находясь в неодинаковом языковом окружении, подвергаются влиянию разных тюркских и нетюркских языков, вследствие чего в каждом из них проявляются свои особенности усвоения иноязычных слов и морфологических элементов и наращивания заимствованного фонда.

Нынешнее тюркское окружение монгольских языков достаточно хорошо известно, чего нельзя сказать о том тюркском окружении, которое существовало в XIII-XV вв. Например, распространена точка зре-

ния, согласно которой предки бурят, расселившиеся вокруг Байкала и оказавшиеся там вместе с тунгусами, были некоторое время соседями курыкан, предполагаемых предков якутов. Сами якуты испытали сильное монгольское влияние, о чем свидетельствуют факты современного якутского языка. Оказал ли древнеякутский язык какое-либо воздействие на бурятский, или же ранний пласт тюркизмов, обнаруживаемых в нем, — следствие контактов с каким-либо иным тюркским языком? Ответ на этот вопрос можно дать только после тщательного изучения и сопоставления всех тюркизмов бурятского языка. Трудности усугубляются отсутствием письменных памятников древнеякутского языка и нечеткостью наших представлений об относительной хронологии фонетических изменений, происходивших в якутском языке после его обособления от других тюркских языков. Нам неизвестны также подробности тюркского языкового окружения калмыков во время их пребывания в Джунгарии. Неясен, кроме того, состав тюркских языков, эпизодически контактировавших с калмыцким языком после расселения калмыков в прикаспийских степях. Все же сам факт наличия в калмыцком языке определенного количества поздних тюркских заимствований не вызывает сомнений. Есть темные пятна подобного рода и в истории других монгольских языков. Так, монгорский язык содержит немало число тюркских слов, которые в фонетическом отношении либо полностью совпадают с их тюркскими прототипами, либо незначительно отличаются от них. Ср.: *alima* 'яблоко', *bal* 'мед', *basa* 'еще', 'опять', *bos* 'хлопчатобумажная ткань', *bō-* 'связывать', 'завязывать', 'соединять', *bulaγ* 'родник, источник', *būdi* 'пшеница', *čičaγ* 'цветок', *gurǰag* 'лопата', *jāra* 'рана', 'язва', *jaγa* 'воротник', *jarim* 'половина', *ǰilā* 'лампа', *sana-* 'думать, размышлять', *taγū* 'курица', *tamaγa* 'печать, тавро', *tani-* 'знать, узнавать', *tari-* 'сеять', *taš* 'камень', *tašči* 'каменщик', *tavaγ* 'деревянная тарелка', *temur* 'железо', *temurči* 'кузнец', *terme* 'мельница', *torγu* 'шелк'. Есть основания считать, что такие слова как *bulaγ* 'родник, источник', *gurǰag* 'лопата', *taš* 'камень', *tašči* 'каменщик' были заимствованы непосредственно из уйгурского языка, ср.: уйг. *bulaq*, *güǰäk*, *taš*, *tašči*. Почти все остальные слова могут восходить к общемонгольскому языку, и следовательно, ничто не мешает рассматривать их как тюркизмы древнейшей поры, хотя вместе с тем не исключено, что некоторые из них относительно поздние заимствования из других тюркских языков. Таким образом, проблема разграничения ранних и поздних тюркских заимствований является сложной. При любом способе ее решения нельзя обойтись без учета границ использования заимствованных слов и результатов анализа их фонетического облика, морфологической структуры и т.д.

Лексические тюркизмы в бурятском и в других монгольских языках

Общий список лексических тюркизмов

Основным материалом, являющимся объектом исследования в данной и во всех последующих главах, служат разновременные заимствования из тюркских языков: собственно тюркская лексика, а также слова арабского, персидского и других языков, вошедшие в монгольские языки через посредство того или иного тюркского языка.

Первое место в списке занимают слова бурятского языка; для сравнения приводятся соответствующие параллели из ряда тюркских языков, древних и современных, и далее следуют примеры из разных монгольских языков, прежде всего из среднемонгольского и монгольского письменного. Наличие широких сопоставлений способствует уточнению как границ распространения тюркизмов, так и временной глубины заимствования, хотя получаемые результаты мы не вправе наделять категорической значимостью.

Бурятская лексика не только формально занимает первое место, она постоянно выступает в роли опорного звена, тогда как лексические материалы других монгольских языков оказываются вспомогательными звеньями, сопоставление которых с опорным звеном, кстати сказать, не является главной задачей автора. Целенаправленное и всеобъемлющее соотнесение заимствованной лексики конкретных монгольских языков с тем пластом заимствований, который выделен в бурятском языке, может быть успешно осуществлено лишь специалистами по соответствующим языкам. Наша задача ограничивается максимально полным выделением тюркизмов в бурятском языке и фрагментарным освещением заимствованного фонда остальных монгольских языков, кроме калмыцкого, в определенном смысле примыкающего к бурятскому.

В установлении бурятско-тюркских параллелей мы руководствовались следующим принципом: принимать во внимание как очевидные

и отчасти сомнительные случаи, так и явно спорные, чтобы не лишать никого возможности последующих поисков и выбора более или менее обоснованных вариантов окончательного решения. Почти все такие случаи отмечены в тексте. Не исключено, что отдельные параллели, например, бур. *xirē* и др.-тюрк. *qarγa* 'ворон(а)', бур. *xuhan* и др.-тюрк. *qadīŋ* 'береза', бур. *pōhon* и др.-тюрк. *jūŋ* 'шерсть', бур. *xma-* 'наблюдать, следить (за кем-л.)', 'проверять' и др.-тюрк. *qīna-* 'истязать', 'подвергать пыткам', а также некоторые другие будут в конечном итоге отвергнуты, однако количество их столь незначительно, что они не могут повлиять на вывод о степени тюркского участия в формировании словарного состава монгольских языков. Добавим к этому, что и ряд этимологий оставляет желать лучшего, например, ср.-тюрк. *qajcī* 'ножницы' и др. Природа таких параллелей как ср.-монг., бур. *aŋir*, др.-тюрк. *aŋit*, ср.-тюрк. *anγut* 'вид утки'; хак. *āt* 'красная утка, огарь', пока остается неясной.

Aba 'охота', 'облава', 'ловля', др.-тюрк., кар., крым.-тат., тур., м. *av*, туркм. *āv*, хак. *ab*, м.-п. *aba*. Ср.: крым.-тат. *avlaq* 'место охоты'.

Abal- 'охотиться, устраивать облаву'; др.-тюрк. *avla-*, ср.-монг. *abala-*, даг. *aulā- ~ aŋla-*; хак. *abala-* 'охотиться на медведя'. Ср.: бур. *abalalga* 'облава, облавная охота'.

Adaq 'конец', 'устье реки'; др.-тюрк. *адаq ~ адаq ~ ајаq* 'нога', 'конец'; кар., тат., тур. *ajaq*, узб. *ojog*, хак. *azax*, чув. *ura*, як. *atax* 'нога'; долг. *ataq* 'нога', 'обувь'; калм. *adg*, м. *adag* 'конец', 'устье реки'. Ср.: алт. *adaq* 'последний'.

В бурятском языке обнаруживаются следы использования древнетюркского *adaq* и в его первоначальном значении: *adagal-* (*adag-al-*) 'надевать путы, треножить'.

Aglag 'уединенный'; др.-тюрк. *aγlaq* 'безлюдный, пустынный', 'уединенный'; хак. *aγlax* 'уединенный', 'малочисленный'; м.-п. *aγlaγ*, калм. *aglh* 'уединенный', 'отдаленный'. Ср.: др.-тюрк. *aγla-* 'пустовать', 'быть безлюдным'.

Aɣna- 'охотиться', др.-тюрк. **aɣna-*, алт. *aɣda-*, кар., тув., м.-п. *aɣna-*; калм. *aɣn-* 'охотиться', 'выслеживать'. Ср.: др.-тюрк. *aɣdī-* 'подстерегать, подкарауливать (дичь, зверя)'; кар. *andi-* 'караулить, подстерегать, сидеть в засаде'.

Aqsaga 'разбитость, изнеможение (после тяжелого труда)'; др.-тюрк. *aqsaq* 'калека'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 3b 11), алт., кирг., кум., тур. *aqsaq*, аз. *axsaq* 'хромой'.

Др.-тюрк. *aqsaq* — обычный для тюркских языков тип отглагольного имени, ср.: аз. *axsa-*, алт., кум. *aqsa-* 'хромать'; як. *axsā-* 'слабеть, лишаться сил'.

Agсам 'резвый, горячий (о коне)', 'вспыльчивый, буйный (о человеке)'; др.-тюрк. *aqsun* ~ *axsum* ~ *axsun* 'буйный, скандальный', *aqsun* 'свирепый, разъяренный'; як. *axsim* 'резвый, горячий (о коне)'; м. *agsan* 'пьяный, буйный (о человеке)', 'резвый, горячий (о коне)'.

Agta 'рысак, скакун', 'мерин, холощенный конь'; аз. *axta* 'кастрат', 'очищенный от косточек фрукт'; кирг. *aqta* 'мерин', 'кастрированный осел'; калм. *agt*, м. *agtan* 'конь', 'мерин', 'рысак'. Ср.: ср.-монг. *ayta* 'лошадь', 'холощенный конь'; бур. *agta gaxaj* 'холощенный кабан', *agta noxoj* 'холощенный кобель', *agta xün* 'евнух'; ст.-узб. *axta* 'холощенный, кастрированный', *axta at* 'мерин', *axta kiši* 'евнух'; кирг. *aqtala-* 'кастрировать'.

Aj- 'бояться, пугаться, страшиться', др.-тюрк. *qorq-* *ajin-*, м.-п. *aju* ~ *aji-*. Ср.: бур. *ajlga*, *ajlta* 'страх, боязнь', *ajmxaaj* 'трусливый'; м. *aj-* 'бояться, пугаться', 'стесняться'.

Убедительными доказательствами заимствования глагола *aj-* монгольскими языками из тюркских языков, а не наоборот, тюркскими из монгольских, мы не располагаем. Сомнения вызывает широкое употребление в тюркских языках в этом значении глаголов *qorq-* и *ürk-*.

Ajaga 'чаша'; др.-тюрк., алт., карач.-балк., кирг. *ajaq*, хак. *ajax* 'чаша', 'миска'; як. *ajax* 'большой кубок для кумыса'; бн. *ajiye* ~ *jiya*, даг. *ajaga*, дунс. *jiya*, калм. *āh*, м. *ajagan*, мнгр. *jaγa* 'чаша', 'чашка', 'пиала'.

Ajl 'семья'; др.-тюрк., тур. *ayil* 'загон для скота, скотный двор'; карач.-балк. *avul*, сиб.-тат. *ajil*, хак. *āl* 'селение'; даг. *ajl* 'семья', 'дом', 'деревня'.

Ajra- 'разрушаться', 'осыпаться'; др.-тюрк. *adīr-* ~ *adīr-* 'разделять, отделять'; алт. *ajri-* 'разделять, отделять', 'отличать'; узб. *ajir-* 'отделять, обособлять', 'разлучать', 'разъединять', *ajra-* 'отделяться', 'разъединяться', 'раскалываться', 'распадаться' (? < монг.); др.-тюрк. *adri* 'раздвоенный, разветвленный'; крым.-тат., кум. *ajri* 'отдельный'; хак. *azir* 'развилка, разветвление', 'вилка'; ср.-тюрк. *ajri*, ср.-монг. (МА 96) *ajiba* 'развилка'; сиб.-тат. *ajir* 'речной рукав'.

Хотя полной уверенности в правомерности сопоставления бур. *ajra-* ср.-тюрк. *ajir-* 'отделять, разделять', 'разъединять' нет, данное сопоставление кажется достаточно обоснованным: прослеживается семантическая связь между ними и, что важнее всего, бур. *ajra-* не имеет параллелей в других монгольских языках.

Ajrag 'кислое молоко'; др.-тюрк., ср.-тюрк., (At-tuhfa 31a 12), аз., алт., карач.-балк., крым.-тат., тур., хак. *ajran* 'кислое молоко', 'напиток из кислого молока'; ср.-монг. (Ну II 12) *ajrax* 'верблюжье молоко'; калм. *ārg*, м. *ajrag* 'кумыс'. Ср.: бур. *ajrhan* 'творог (отцеженный и вы-

сушенный)', *ārsan* 'род творога, получаемого посредством кипячения кислого молока'; бур. (аг.) *ajrūl*, бур. (тунк.) *ārūl* 'сырки, сделанные из прессованной гущи, остающейся после перегонки молочного вина'.¹

Al: *al šara* 'красно-желтый'; др.-тюрк., ср.-монг., м.-п. *al* 'алый'; кар. *al* 'красный'.

Alag 'пестрый, пегий', др.-тюрк., алт., крым.-тат., тур., уйг., хак., як. *ala*; карач.-балк., сиб.-тат. *ala* 'пестрый, пятнистый', 'разноцветный'; ср.-монг. *ala* м.-п., мнгр. *alaγ*, даг., м. *alag*, калм. *alg*, мог. *alō* 'пестрый, пегий'.

Al'ma 'яблоко', 'яблоня', др.-тюрк. *alma*, *alimla*, аз., кирг., кар., уйг. *alma*, тур. *elma*; ср.-монг. (МА 432) *alma*, м.-п. *alima*, сч. *alima*, *amla*, калм. *al'mn*, м. *alim* 'яблоко'; бн. *alman* 'груша'; даг. *alim* 'яблоко', 'груша'; дунс. *alima* 'фрукты, ягоды'.

Altalig 'золотистый'; др.-тюрк. *altunluγ* 'золоченый', 'украшенный золотом', 'золотой'; кар. *altinli* 'золотой', 'позолоченный'; тув. *aldinnīy* 'содержащий золото, золотоносный'.

Altan 'золото', др.-тюрк., уйг. *altun*, ср.-тюрк. (At-tuhfa 15b 13), алт., кар., тур. *altın*, башк., тат. *altın*, тув. *aldın*; долг., як. *altan* 'медь';² ср.-монг., м. *altan*, даг. *alta*, дунс. *antan*, калм. *altn*, мнгр. *xaldan* 'золото'.

Amarag 'любимый, дорогой'; др.-тюрк., уйг. *amraq* 'любимый', 'друг'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 89b 13) *amraq* 'желание, склонность'; алт. *amīrāq* 'мирный, дружелюбный'; калм. *amrg* 'друг, приятель'. Ср.: др.-тюрк. *amra*- 'любить'.

Aγ 'зверь', 'дичь', др.-тюрк., алт., тув., хак., калм.; сиб.-тат. *aγ*, шор. *aγaš* 'охота'; м.-п., шор. *aγna-*, даг. *aγala-*, м. *agna-* 'охотиться'.

Ara 'задняя, теневая сторона', 'спина', 'северная сторона'; др.-тюрк. **ar* 'зад', *art* 'задняя сторона', 'спина'; алт., кар. *arqa* 'спина', 'тыльная сторона'; тув. *ar*, *arī* 'северный склон горы' (? < монг.); даг., калм., м. *ar* 'задняя, теневая сторона', 'северный склон', 'северный'. Ср.: алт. *arī* 'по ту сторону'.

Araj 'едва, еле'; алт., тув., як. *araj*, уйг. *aran* 'еле-еле', 'едва', 'чуть-чуть'; даг. *arān*, калм. *ārā* 'едва, с трудом'.

Aral 'остров'; др.-тюрк. *ara* 'промежуток, середина', *arala* 'между, среди', *aral* 'остров'; кар. *araliq* 'промежуток'; уйг. *aral*, калм. *arl*, м. *aral* 'остров'. Ср.: алт. *aral* 'лес'.

¹ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938. С. 35.

² Обзор специальной литературы см.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ, 1989. 2. С. 55-56. См. также: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 142-143; Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. 1. Baskı. Ankara, 1999. S. 10.

Arān 'клык', 'коренной зуб'; др.-тюрк., тув., хак. *aziŋ*, алт. *azi*, тур. *azî*, як. *ahî* 'клык'; ср.-монг. *arî'a* ~ *arā*, м.-п. *araya*, даг., мнгр. *arā*, калм. *aran*, м. *arān* 'клык', 'коренной зуб'.

Arbaj 'рожь', 'ячмень', др.-тюрк., аз., карач.-балк., кум., тур., уйг. *arpa*, алт., хак. *arba*, ср.-монг. (Ну II 10) *arpaj*, (МА 104) *arbaj*, дунс. *apa*; калм. *arva* 'овес'.

Arga 'средство', 'способ', 'основа'; др.-тюрк. *arqa*, аз. *arza* 'спина', 'опора'; алт. *arγa* 'средство', 'способ', 'помощь' (< монг.); каз. *arqa* 'спина', 'задняя часть', *senŋ arqaŋda* 'благодаря тебе'; кар. *arqa* 'спина', 'опора', 'помощь', 'защита'; кум. *arqa* 'спина', 'хребет', 'гряда', 'грива'; хак. *arγa* 'спина', 'зад'; калм. *arh*, м. *arga* 'средство', 'способ', 'возможность'.

Argali 'самка горного барана'; др.-тюрк. *arqar* 'горный баран'; алт., каз., кирг. *arqar* 'самка дикого каменного барана'. Аз., тур. *arγali* 'горный баран, архар' (? < монг.).

Argamaq 'аргамак, породистая лошадь'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 30a 11), алт., кирг., крым.-тат. *arγımaq*, кар., туркм. *arγamaq*, кум. *arγumaq* 'породистая лошадь', 'скакун, рысак'.

Argamza 'веревка (из кожи)'; др.-тюрк. **arqan*, ср.-тюрк., алт., кар., кирг. *arqan*, узб. *arqon* '(толстая) веревка'; ср.-монг. (NT 254) *arqanjî* 'пеньковая веревка, аркан'. Хак. *arγamjî* 'аркан' (< монг.).

Arig 'чистый'; др.-тюрк., хак. *ariŋ*, алт. *aru* 'чистый', 'святой', 'священный'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 36a 5) *arî* ~ *aru* 'чистый'; карач.-балк. *ariv* 'чистый', 'красивый', 'ласковый, вежливый'; ср.-монг. *arî'un*, м.-п. *ariŋun*, бн. *aruŋ*, даг. *arūn*, дунс. *arun* ~ *arunî*, мог. *orūn*, мнгр. *ariun* 'чистый'; калм. *ārūn* 'чистый', 'светлый', 'святой', 'священный'; м. *arig* 'чистый', 'опрятный', *ar'un* 'священный'. Ср.: др.-тюрк. *arî-* 'очищаться', 'становиться чистым'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 23b 5) *aru-* 'быть чистым, опрятным', 'быть непорочным'.

Arsa 'можжевелик', ср.-тюрк. *arča* ~ *arčî*, алт., хак. *arčîn*, каз. *arša*, кирг., туркм., уйг. *arča*, ср.-монг. (Ну II 10) *arča*, (МА 104) *arčî*, калм., м. *arts*. Ср.: др.-тюрк. *artuč*, аз. *ardij*, алт. *artiš*, крым.-тат., тур. *ardič* 'можжевелик'.

Возможность выведения ср.-тюрк. *arča* ~ *arčî*, алт. *artiš* из одного корня с учетом полного совпадения передаваемых ими значений не исключена, тем не менее, рассматривать эти слова как фонетические варианты по существу нет оснований, так как переход *t > č*, *d > j* имел место лишь на монгольской почве. И все же нельзя не обратить внимание на отсутствие слова *arča* ~ *arčî* в древнетюркском языке, что может свидетельствовать в пользу его монгольского происхождения. С другой стороны, в монгольских языках не встречается второе слово

с аналогичным значением — *artiš* ~ *artič*. Итак, естественно предположить, что исконно тюркским является именно это слово, тогда как *arča* ~ *arči*, его фонетический вариант, образовавшийся на монгольской почве в соответствии с указанным выше переходом и затем получивший широкое распространение в тюркских языках.

Arsalan ‘лев’, алт., балк. *arslan*, аз. *arslan* ~ *aslan*, тат. *arışlan*, тув. *arziłaŋ*, тур. *aslan*, ср.-монг. *arslan*, м.-п. *arsalan* ~ *arşlan*, даг. *arsalan*, м. *arslan*; калм. *arslyŋ* ‘денежная единица, равная тугрику’.

Тув. *arziłaŋ*, по всей видимости, — древнейшая форма, восходящая к словосочетанию *arził aŋ* (букв. рыжеватый зверь), компоненты которого встречаются как в современных, так и в древних тюркских языках. Ср.: др.-тюрк. *qaplan*, кирг. *qabilan*, туркм. *yaŋlaŋ* (*yaŋil-aŋ*) ‘тигр’; тур. *sirtlan* (*sirtli-an* < *sirtli-aŋ*) ‘гиена’. Сближение последнего компонента со словом *aŋ* ‘зверь’ вызывает споры из-за того, что почти во всех тюркских языках конечный согласный в слове *arslan* не *ŋ*, а *n*. Тем не менее существует алт. (диал.) *arsil aŋ* ‘лев’.³

Arša- ‘чистить, очищать’, ‘вытирать’; др.-тюрк. *arī-* ‘очищаться’, *arit-* ‘чистить’; аз. *arit-* ‘очищать, перебирать’; алт. *arči-* ‘стирать, вытирать’ (< монг.); кар. *arit-* ‘чистить, мыть’; кум. *arči-* ‘чистить, обдирать шелуху’, ‘чистить, очищать от кожуры’; ср.-монг., м.-п., даг. *arči-*, калм. *arč-* ‘чистить, очищать’, ‘обтирать’.

Прототипом монгольских словоформ является др.-тюрк. *arit-* с дополнительным гласным, появившимся в ходе фонетического освоения заимствования.

Aršan ‘целебный источник’, ‘минеральная (целебная) вода’; др.-тюрк. *rasajan* (< скр.), алт. *aržan*, даг. *aršān* ~ *aršāŋ* ~ *aresān*, калм. *aršan*, м. *aršān* ‘минеральная вода’; уйг. *aršan* ‘минеральный источник’.

Arzan: *arzan xüleg* ‘рысак, аргамак’, ‘незаконнорожденный сын’; др.-тюрк. *arqın* ‘скакун, помесь дикого жеребца с домашней кобылой’.

Arxi ‘водка’, ‘вино’, аз. *araç*, алт. *araqı*, кирг. *araq*, тат. *araqı*, тур. *raqı*, м.-п. *arakin*, бн. *raçe*, даг. *arigi* ~ *argi* ~ *arig*, калм. *ärk* (*ärg* ‘кумыс’), м. *arxin*.

В тюркских языках — из арабского языка, в монгольских — через тюркские.

Asari ‘весьма, очень’; др.-тюрк. *aşru*, тур. *aşiri* ‘чрезмерно, очень’; хак. *azıra* ‘сверх, свыше’; кар. *asri* ~ *astri* (? < монг.), карач.-балк. *asiri* ‘слишком, очень, чересчур’ (? < монг.); аз. *aşiri*, алт. *ažira* ‘че-

³ Подробнее см.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 101-102. Ср.: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 20-23; Şçerbak A.M. Arslan kelimesinin etimolojisine dair bazı mülâhazalar // Türk Dil Kurumu yayınları: 773. Hasan Eren armağanı. Ankara, 2000. S. 290-295.

рез'; м. *asar* 'весьма, очень'. Тюркский прототип — слитное деепричастие от форм действительного и понудительного залогов, ср.: др.-тюрк. *aš-* 'переходить, преодолевать, переваливать'; алт. *ažir-* 'перебрасывать через что-л.'. Ср.: алт. *kečire* 'через, поперек', *körgüze* 'явно, очевидно', *uzada* 'вдоль'.

Ašag 'польза, выгода', др.-тюрк. *ašig*, ср.-тюрк. (At-tuhfa 35b 12) *asu*, тур. *ası*; карач.-балк. *asiv* 'поддержка, помощь'; ср.-монг. *asiq*, м. *ašig* 'польза, выгода'.

Atan: *atan temēn* 'мерин, холощеный верблюд', др.-тюрк., кирг., тат., м. *atan*, калм. *atn*.

Azarga 'жеребец', др.-тюрк. *aδyir* ~ *adyir* ~ *ajyir*, *aδyiraq* ~ (**aδyir-aq*), аз., кар., тур. *ajyir*, уйг. *ajyir*, хак. *asxir*, як. *atir*, ср.-монг. (Ну II 8) *ažirza*, (МА 266) *ažirγa*, м.-п. *ažirγan*, даг. *ažirga*, калм. *ažrh*, м. *adzagan*. Ср.: сиб.-тат. *ajyiraq* 'молодой жеребец'.

Наличие данного слова в древнейших тюркских текстах, с одной стороны, и характер его структурно-фонетических изменений в бурятском языке, с другой, свидетельствуют в пользу исконной принадлежности словарному фонду тюркских языков. Тем не менее, нельзя не отметить, что оно не поддается надежной этимологизации, предположительно же возводится к реконструируемому глаголу *aδ-* 'творить, производить' (*aδyir* 'творящий, производящий' — причастие).

Bag 'связка, пучок', 'узы'; др.-тюрк. *baγ* 'оковы, узы', 'повязка', 'вязанка'; алт. *bū* 'веревка'; кирг. *bō* 'веревка', 'завязка', 'шнурок', 'связка', 'сноп'; тат. *bav* 'связка', 'завязка, тесьма', 'шнур'; тув. *baγ* 'ремень', 'аркан', 'привязь'; туркм. *bāγ* 'завязка, веревка'; як. *bīa* 'веревка'; ср.-монг. *baγ* 'связка', 'вязанка, пучок'; калм. *bag* 'группа, отряд', *bagla* 'кипа, связка, тюк', 'пучок'. Ср.: бур. *bagsā* 'куча, ворох', 'пачка', 'связка'.

В тюркских языках *baγ* — имя существительное, образованное от глагола *ba-* 'привязывать', 'связывать', 'обвязывать'.

Bagša 'учитель, наставник', др.-тюрк. *baqšī*; кирг. *baqši*, уйг. *baqši* 'шаман, знахарь'; ср.-монг. (Ну II 17) *baqši* 'учитель'; калм., м. *bags* 'учитель, наставник'; мнгр. *baγše* 'учитель', 'господин', 'лама'.

В монгольских языках — из древнейгурусского, в древнейгурусском — из китайского.⁴

Baha 'опять, еще', 'также', др.-тюрк., каз., кирг. *basa*, алт. *baza*, хак. *paза*, ср.-монг., м.-п., мнгр. *basa*, даг. *basa* ~ *bas*, калм., м. *bas*, мог. *bōz*.

Др.-тюрк. *basa* — слитное деепричастие от глагола *bas-* 'ступать, наступать', ср.: др.-тюрк. *men anda basa keldim* 'я пришел вслед за ним'.

⁴ См.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. С. 57.

Bajalig 'богатство, добро', 'сокровище'; др.-тюрк., алт. *bajliq*, каз., тат. *bajliq* 'богатство'; м. *bajalag* 'богатство', 'богатый'.

В составе бурятского *bajalig* — тюркский словообразовательный аффикс *-lig* (*-liq*), получивший широкое распространение в бурятском и халха-монгольском языках.

Bajan 'богатый', 'богатство', 'богач'; др.-тюрк., каз., кирг. *baj*, туркм. *bāj* 'богатый', 'богач'; ср.-монг., м.-п., дунс., м. *bajan* 'богатый', 'богатство', 'богач'; бн. *bajaŋ*, даг. *bajin* ~ *bajan*, калм. *bajn*, мнгр. *bajan* ~ *bajān* 'богатый'.

Характерно, что в монгольских языках широко используются производные словоформы, образованные от др.-тюрк. *baj* 'богатый', ср.: бур. *bajalig* 'богатство, добро', 'сокровище'; дунс. *bajaŋe-*, м. *bajaŋ-* 'богатеть, обогащаться'.

Bal 'мед', др.-тюрк., башк., ср.-монг., калм., мнгр. *bal*, дунс. *ban*.

Balgān 'шалаш', *balgāhan* 'закут', 'хлев'; др.-тюрк. *balīq* 'город'; ср.-монг. (МА 110) *balγasun* 'стена', (ІбМ 217) *balγasun* 'город', (МА 109) *balγasun ger* 'дворец'; калм. *balhsn*, м. *balgas* 'город'; мнгр. *balγāse* ~ *valgāse* ~ *barγase*, сч. *balgası* 'стена, ограда'.

Balšag (зап.-бур.) 'грязь', др.-тюрк., кирг., кум. *balčiq*, хак. *palčax*, ср.-монг. *balčiq*, м.-п. *balčiy*, калм. *bal'čg*; м. *balčig* 'болото, трясина'.

Balta 'молот'; др.-тюрк. *baltu* 'секира'; башк., крым.-тат., кум. *balta*, тув. *baldı*, шор. *malta* 'топор'; долг. *balta* 'коренной зуб'; як., м.-п. *balta* 'молот, кувалда'; м. *balt* 'топор'.

Для большинства тюркских языков типичен вариант с конечным широким гласным. Что касается семантики, то преобладают значения 'молот' и 'топор'. Трудно сказать, какое из них было исходным, так как в тюркских языках *balta* относится к числу экзотических слов, т.е. не является исконной принадлежностью собственного лексического фонда.⁵

Bar (*baras*) 'барс', 'тигр'; др.-тюрк., кирг., туркм. *bars* 'барс'; ср.-монг., калм., сч. *bars*, бн., мнгр. *bas*, даг., м. *bar*, дунс. *bası* 'барс', 'тигр'.

Bardam 'чванство, кичливость', 'гордец', 'щедрый, расточительный'; тув., як. *bardam* 'дерзкий, наглый, грубый' (< монг.); калм. *bardm*, м. *bardam* 'чванство, кичливость', 'кичливый, хвастливый, горделивый'.

По своей морфологической структуре слов *bardam*, если согласиться с тем, что оно является производным, включающим в себя аффикс *-dam*, должно рассматриваться как тюркское. Однако материалы тюркских языков не дают убедительных подтверждений принадлежности этого слова их лексическому фонду. Узбекское *bardam* 'бодрый, све-

⁵ Подробные сведения о существующих этимологиях *balta* см.: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 37-38.

жий, полный сил' персидского происхождения. Кроме того, очевидны значительные семантические различия.

Bastariq 'жердь, которой прикрепляется сено к возу', башк. *baḍtīriq*, тат. *bastīriq*, кирг. *bastīriq*, уйг. *basturuq*; сиб.-тат. *bastīriq* 'верх шубы'. Ср.: др.-тюрк. *bas-* 'давить'; алт. *bazīru* 'жердь для придавливания коры внешней стороны юрты-айыла'.

В тюркских языках прослеживается большое количество слов, образованных при помощи аффикса *-tīriq* ~ *-turuq* от именных и глагольных основ. Все они, как правило, обозначают орудия и предметы хозяйственного назначения.

Baza 'лягушка', др.-тюрк., алт., кирг. *baqa*, хак. *paḡa*, дунс. *baḡa*, м. *baz*.

Baza 'свояк', алт. *bad'a*, туркм. *bāḡa*, уйг. *baḡa*, хак. *paḡa*, ср.-монг., м.-п., даг. *baḡa*, калм. *baz*, м. *badz*. Ср.: як. *baḡa* 'жена младшего брата мужа'.

Маловероятно, чтобы данное слово являлось тюркским, тем не менее, не исключено, что в бурятский язык оно попало из какого-то тюркского языка.

Bātar 'богатырь', 'герой', др.-тюрк. **baḡatur*, алт., кирг. *bātīr*, кар. *baḡatīr*, уйг. *baḡatur*, ср.-монг. (Ну II 18) *baḡatur*, м.-п. *baḡatur*, даг. *bātūr* ~ *bātūre* ~ *baḡatur*, калм. *bātr*, мнгр. *bātūr*.

В монгольских языках из тюркских, в тюркских из иранских, хотя по вопросу об изначальном источнике заимствования существуют и другие мнения.⁶

Behelig 'перстень, кольцо'; др.-тюрк., ср.-тюрк. *bilāzūk*, кум., туркм. *bilezik*, тат. *bīlāzīk*, ср.-монг. (МА 119) *bilezūk* 'браслет'; як. *bihilez*, калм. *biltsg* 'перстень, кольцо'. Ср.: аз. *bilāk*, алт. *belek*, кирг., кум. *bilek*, тат. *bīlāk* 'предплечье'; кар. *jüzük*, карач.-балк. *ḡüzük*, тат. *jōzīk*, шор. *čüstük* 'перстень, кольцо'.⁷

На первый взгляд, кажется очевидным образование *behelig* от собственно монгольского *behe* 'пояс', 'кушак', ср.: даг. *bese* ~ *buse* ~ *bos*, м.-п. *būse*; *-lig* тюркский аффикс отыменного словообразования имен, нередко встречающийся в бурятском и халха-монгольском языках. Существенным препятствием для подобной трактовки *behelig* является его весьма вероятная несводимость к *behe*. Обращает на себя внимание также отсутствие параллелей в родственных языках. Поэтому нельзя исключать возможность возведения бурятского *behelig* к древнетюркскому *bilāzīk* через якутское *bihilez*, которое могло образоваться в ре-

⁶ Ср.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // ВЯ, 1990. 3. С. 90.

⁷ См.: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 53.

зультате перестановки слогов: *biläzik* > **bizälik* > **bihälik*. В пользу подобного предположения свидетельствует избирательная семантическая связь бурятского *behelig* с якутским *bihilex*: из всех тюркских языков только в якутском и долганском данное слово имеет значение 'перстень, кольцо', как и в бурятском.

Менее правдоподобно альтернативное объяснение связи бурятского *behelig* с якутским *bihilex*: заимствование общетюркского *biläzik* с последующим изменением значения и метатезой в бурятском языке и переаимствование якутским языком. В этом случае следовало бы ожидать в якутском языке вариант с широкими (*resp.* полуширокими) гласными в первых слогах.⁸

Bel 'косогор'; др.-тюрк. *bel* 'поясница', 'холм'; алт. *bel* 'поясница', 'спина', 'хребет'; кар. *bel* 'поясница'; кирг. *bel*, хак. *pil* 'поясница', 'седловина', 'перевал'; ср.-монг. (Ну II 19) *bel* 'поясница'; м.-п., м. *bel* 'поясница', 'косогор', 'подножие горы'; калм. *bel* 'косогор, склон горы'. Ср.: бур. *belxūhen*, калм. *belküsn*, м. *belxūs* 'поясница'.

Beleg 'дар, подарок', др.-тюрк. *beläk*, кирг. *belek*, як. *belex*, даг. *beleg* ~ *belge*, м.-п., м. *beleg*, калм. *belg*. Ср.: алт. *belek* 'подарок-задаток невесты жениху'.

Belge 'знак, символ', 'метка'; др.-тюрк. *belgü*, кирг., кум., туркм. *belgi*, уйг. *bälgü*; алт. *belge* 'гадание, ворожба' (< монг.); шор. *pölgü* 'признак'; ср.-монг. *belge* 'знак', 'метка'; даг. *belge* ~ *beleg* 'родимое пятно'; калм. *belg*, м. *beleg* 'гадание, предсказание'.

Belig 'мудрость', 'разум, ум', 'знание', 'способность'; др.-тюрк. *bilig*, алт. *bilik*, хак. *pīlig* 'знание', 'познание'; м.-п. *bilig* 'знание'; калм. *bilg*, м. *bilig* 'способность, талант'. Ср.: ср.-монг. *biliktü* 'мудрый'; калм. *bilig-erdm* 'искусство'.

Belšer 'место слияния рек', 'устье', 'перекресток', др.-тюрк., алт. *beltir*, хак. *piltir*, м.-п. *belčir*, калм. *belčir*, м. *belčir* ~ *bilčir*.

Belterge 'волчонок'; др.-тюрк. *böri* 'волк'; каз. *böltirik*, кирг. *böltürük*, м.-п. *belterge*, м. *beltreg* 'волчонок'.

Berte- 'получать ушиб', 'калечиться', *berteği* 'увечный, искалеченный'; др.-тюрк., тур. *bert-* 'увечить, калечить', 'причинять увечье', 'портить'; алт. *bertin-* 'вывихнуться (о ноге)'; алт. *bertik*, тат. *birdik* 'вывих'; сиб.-тат. *birtek* 'поврежденный'.

Berze 'трудный'; др.-тюрк. *berk* 'крепкий'; кар. *berk* 'укрепление, крепость', 'укрепленный'; ног. *berk* 'крепкий, прочный', 'устойчивый'; тув. *berge* 'трудный, тяжелый' (< монг.); ср.-монг., м.-п., даг. *berke*, м. *berx*,

⁸ Такой вариант встречается в якутском языке — *belencik*, но только в значении 'запястье' (ДСЯЯ 80).

мнгр. *perge* 'трудный, тяжелый, сложный'. Ср.: ног. *berkīt-* 'укреплять, делать прочным'; м. *bez* 'крепкий, прочный', *bezel-* 'укреплять'.

Beše- 'писать'; др.-тюрк. *biti-* 'писать, вырезать надпись'; алт. *biči-* (< монг.), ср.-монг., м.-п. *biči-*, бн. *peje-*, даг. *bite-*, калм. *bič-* 'писать'.

Bešeg 'письмо', 'письменность'; др.-тюрк. *bitig* 'надпись', 'книга', 'грамота'; алт. *bičik*, хак. *pičik*, хак. (саг.) *mičik* 'книга', 'грамота', 'письмо' (< монг.); сиб.-тат. *bötök* 'надпись'; ср.-монг. *bičik*, даг. *biteg*, калм. *bičg*, м. *bičig*, мнгр. *pujig* 'письмо', 'грамота'.

Bišen 'обезьяна', др.-тюрк., м. *bičin*, туркм. *bišin*, каз. *mešin*, кирг. *mešin*. Ср.: бур. *mešen*.

Ни одно из тюркских наименований обезьяны не является собственно тюркским, включая *bičin*. В современных тюркских языках слово *bičin* встречается очень редко и его употребление в большинстве случаев ограничено обозначением года в двенадцатилетнем животном цикле (9-й год).

Bog 'сор, мусор', 'грязь, нечистоты'; др.-тюрк., алт., кирг. *boq* 'эскременты', 'нечистоты', 'навоз'; калм. м. *bog* 'мусор'. Ср.: калм. *bog-šeg* 'навоз'.

Bogodxo 'путы (надеваемые на задние ноги коровы при доении)'; др.-тюрк. *boqayı*, ср.-тюрк. *boqayı*, крым.-тат., кум., сиб.-тат. *buγav* 'путы', 'оковы', 'кандалы'.

В бурятском языке *bogodxo* — изолированное слово. Сближаемое с ним в тюркских языках *boqayı* имеет прозрачную этимологию: др.-тюрк. *boγ-* 'душить', 'сдавливать'; уйг. *boγ-* 'стягивать, сдавливать'. Есть и другие производные слова, подтверждающие приведенное объяснение: др.-тюрк. *boγsuq* 'колодки, надеваемые на пленников и преступников'; кар. *boγuv* 'обувь'; уйг. *boγa* 'супонь'.

Vojnog 'обвислая кожа под шеей крупного рогатого скота'; др.-тюрк., кар. *vojın*, кирг. *tojın*, *tojnoq* 'шея'; алт. *tojnoq*, хак. *tojınjaχ* 'ошейник'.

Boro 'серый', др.-тюрк., ср.-тюрк., кирг. *boz*, алт. *boro* (< монг.), ср.-монг. *boro* ~ *bora*, м.-п., мнгр. *boro*, дунс. *boroη* ~ *boroηni*, калм., м. *bor*, мог. *borō*.

Соответствие *r* // *z* обычный случай ротацизма, чуждого монгольским языкам,⁹ но характерного для тюркских языков, точнее для древнетюркского языка чувашского типа.¹⁰

Botogon 'верблюжонок'; др.-тюрк. *botu*, ср.-тюрк., кар., уйг. *bota*, алт.

⁹ См.: Ščerbak A.M. Sur le soi-disant rhotacisme mongol // АОН, 1992/1993. XLVI (2-3). P. 323-326.

¹⁰ Ср.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. С. 171-173.

botōn (< монг.), кирг. *boto*, ср.-монг. *botayan*, калм. *botxn*, м. *botgo* 'верблюжонок (годовалый), по первому году'.

Почти все наименования верблюдов по породе, по естественному полу и по возрастным группам в монгольских языках тюркского происхождения, ср.: бур. *temēn*, *atan*, *torom*, *tajlag*, *būra*. То же самое можно сказать о лексике, связанной с хозяйственным использованием верблюда.

Bozo 'гуща, остающаяся после перегона молочной водки', 'барда'; алт. *bozo* ~ *bod'o*, каз. *boza*, калм. *boz*, м. *bodz*; крым.-тат., кум., уйг. *boza* 'водка (из проса)'; сиб.-тат. *busa* 'закваска'.¹¹

Bō- 'обвязывать'; др.-тюрк. *ba-* 'обвязывать', 'связывать'; алт. *būla-* (< *bayla-*), кар. *bavla-* 'обвязывать', 'завязывать', 'прикреплять'; калм., м. *bō-* 'завязывать, обвязывать, перевязывать'.

Др.-тюрк. *ba-* восходит к пратюркской глагольной основе **bā-*. Др.-тюрк. *bay-* отглагольное существительное, от которого образовалась вторичная глагольная основа *bayla-*.

Bōrsog 'мелкое печенье', 'мучное изделие, обжаренное в масле'; др.-тюрк. **baγirsaq* ~ *baγirsuq* ~ *baγarsuq*, кар. *bavursaq* 'внутренности'; алт. *būrzaq*, *borsog* (< монг.), каз., тат. *bavirsaq*, кирг. *bōrsog* (< монг.) 'куски теста, зажаренные в масле или на жиру'; калм. *bōrtsg*, м. *bōrtsog*, мнгр. *bōrdzog* 'род мучных изделий, обжаренных в масле'.

Bōre 'почка', др.-тюрк. *bōgür*, алт. *bōrök*, гаг. *bōrek*, кар. *bōgrek*, крым.-тат. *būjrek*, тур. *böbrek*, уйг. *böräk*, шор. *pūgrek*, ср.-монг. *bōre*, м.-п. *bögere*, дунс. *bore*, калм., м. *bōr*, мнгр. *bōro*, мог. *bōārā*, сч. *pori*.

Исходным для *bōre* послужило др.-тюрк. *bōgür*, в котором сочетание гласных с согласным *ögü* преобразовалось в долгий гласный, а после конечного *r* появился дополнительный звук.

Buda- 'красить', др.-тюрк. *bođu-* ~ *bodü-* ~ *boda-*, алт. *budu-* (< монг.), гаг., кар. *boja-*, кирг. *bojo-*, ср.-монг., м.-п. *budu-*, даг. *bodo-*, калм. *bud-*, мнгр. *buda-*.

Budag 'краска', др.-тюрк. *bođuγ* ~ *bodüγ*, алт. *budug* (< монг.), гаг. *boja*, кар. *bojav*, кирг. *bojoq*, ср.-монг. *budug*, м.-п. *buduγ*, калм. *budg*, мнгр. *budag*.

Budā 'крупа'; др.-тюрк., ср.-тюрк., ср.-монг. *buγdaj*, башк. *bōjδaj*, кар. *budaj* ~ *boγdaj*, кирг. *buγdaj* ~ *būdaj*, шор. *puγdaj* 'пшеница'; ср.-монг. *buda'an* ~ *budān* 'похлебка'; м.-п. *budayan*, бн. *badaη*, дунс. *budan* 'пицца'; калм. *būd'a* 'зерно'; мнгр. *budā* 'каша'. Ср.: крым.-тат. *botqa* 'мучной суп'; тат. *butqa*, уйг. *botqa* 'каша'.

Мы допускаем возможность сближения с др.-тюрк. *buγdaj* бур. *budā* 'крупа' и калм. *būd'a* 'зерно'. То же, что связано со ср.-монг. *buda'an* ~

¹¹ См.: Там же. С. 173-175.

budān 'похлебка', м.-п. *budayan* 'пища', образует самостоятельный ряд, не имеющий очевидных параллелей в тюркских языках.¹²

Bujan 'добродетель', 'благодетель', ср.-тюрк. *bujan* (< скр.), алт. *bijan*, м.-п., м. *bujan*, калм. *bujn*.

Bulad 'сталь', алт., кирг. *bolot*, ног. *bolat*, ср.-монг. *bulad*, даг. *bolto* ~ *bolot*, калм., м. *bold*.

Bulag 'родник, источник, ключ'; др.-тюрк. *bulaq*, каз. *būlaq*, уйг. *bulaq* 'источник'; кирг. *bulaq* 'родник', 'ручеек'; тув. *bulaq* 'ручей', 'горная долина'; ср.-монг. *bulaq* ~ *bulax*, м.-п., мнгр. *bulaq*, бн. *baleg*, даг. *bulār*, дунс. *bula*, калм. *bulg*, м. *bulag* 'родник, источник, ключ'.

Bulaŋ 'угол'; др.-тюрк. *buluŋ* 'угол', 'направление горизонта', 'страна света'; алт., кирг., тув., уйг., м.-п. *buluŋ*, дунс. *bulun*, калм. *bulŋ*, м. *bulaŋ*, мнгр. *buloŋ* 'угол'.

Bulaŋir 'муть, грязь', 'гной'; ср.-монг. *bulanqir* 'мутный'. Ср.: др.-тюрк. *bulyan-* 'смешиваться', 'загрязняться'; алт. *bulya-* 'смешивать'; кирг. *bulyanč* 'грязный'.

Бурятская словоформа обнаруживает явную связь с тюркской глагольной основой, не имеющей параллелей в монгольских языках.

Bular 'хрусталь'; кар. *bilör* 'кристалл'; крым.-тат., тур. *billür* 'кристалл', 'хрусталь'; ср.-монг. (Ну II 21) *bolor*, калм. *bojar*¹³ 'хрусталь'.

Bulgajr 'юфть, выделанная кожа', калм. *bulhar*, м. *buligār*.

Прямых лексических соответствий в тюркских языках обнаружить не удалось, все же очевидна связь с тюркским этническим наименованием: др.-тюрк. (МК I 30) *bulyar* — одно из тюркских племен, (МК I 456) *Bulyar* город-столица волжских булгар.

Burantag 'поводок, идущий от носовой затычки верблюда'; др.-тюрк., тув. *burundiq*, кирг. *muruntuq*, ног. *bürindiq*, тур. *burundurug* 'носовой зажим (для лошадей)', *burunluq* 'ноздное кольцо для быков'; калм. *burntg* 'поводок для верблюда'. Ср.: др.-тюрк. *burun*, кирг. *murun* 'нос'.

Burġi 'сверло'; ср.-тюрк. (At-tuĥfa 7a M) *burġi* 'буравчик'; кирг. *buryu*, уйг. *burġa* 'бурав, сверло'; тат. *bōrav* 'сверло'; калм. *burhu* 'сверло, коловорот, бурав'. Ср.: кум. *bur-* 'вертеть, крутить', 'поворачивать'; уйг. *bur-* 'поворачивать, сворачивать', *buru-* 'вертеть, крутить'.

Burū 'теленка до года', 'теленка', др.-тюрк. *bozaŋu*, алт. *bozu* ~ *biza*, кар. *bizuv*, кум. *buzav*, ног. *būzav*, тур. *buzayı*, ср.-монг. *buru*, м.-п. *birayun*, м. *b'arūn*, мнгр. *burū* ~ *buru*, сч. *piru*.

Др.-тюрк. *bozaŋu* более или менее надежно возводится к *boz* 'серый'

¹² Ср.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». С. 232-235.

¹³ См.: Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985. С. 92.

и рассматривается как отглагольное имя на *-γu*.¹⁴ Ср.: др.-тюрк. *boz at* 'лошадь серой масти', *boz quš* '(серый) кречет'.

Burxan 'божество', др.-тюрк. *burqan* ~ *burxan*, ср.-монг., м. *burxan*, даг. *barkan*, калм. *burxn*,¹⁵ мнгр. *purγān*.

В тюркских языках из китайского. Первоначально было связано с распространением буддизма как обозначение высшего божества, будды. Впоследствии, в период интенсивной исламизации, приобретает отрицательное значение 'божок', 'идол', ср.: др.-тюрк. (МК I 343) *burxan üzä sičtimiz* 'мы осквернили бурханов', (МК III 84) *tojin burxanqa jükündi* 'монах поклонялся идолу', (QVK 327) *evin barqin örtä siγil burxanin / anij ornü mäsjid jätmä'at qilin* 'сожги их жилища, разрушь идолов, / вместо них возведи мечети'.

Butra- 'рассыпаться', 'разваливаться'; др.-тюрк. **bodra-* 'рассеиваться', 'расходиться'; ср.-монг. (Ну II 22) *butara 'ul-* 'рассеивать, обращать в бегство'; калм. *butr-*, м. *butar-* 'рассеиваться', 'крошиться'. Ср.: др.-тюрк. *bodraq* 'рассеянный', 'разбредшийся'. Монгольские и тюркские глагольные основы не вполне сопоставимы по передаваемым ими значениям: в тюркских языках, в отличие от монгольских, значения 'рассеиваться, расходиться', как правило, относятся лишь к скоту.

Būra 'верблюд-самец', др.-тюрк. *buγra*, кирг. *būra*, туркм. *buγra*, калм., м. *būr*.

Bürsag 'семя', 'плод'; др.-тюрк. *burčaq* 'горох'; кар. *burčaq* 'град'; м.-п. *burčay*, даг. *borčō* 'горох'.

Büd 'ткань, материя', 'хлопчатобумажная ткань', 'ситец', др.-тюрк. *böz*, ср.-тюрк. (At-tuħfa 14a 7) *böz*, (At-tuħfa 20b M) *biz*, (At-tuħfa 14a M) *bäz*, алт. *böz*, кар. *bez*', кум., ср.-монг. *bez*, даг. *buse* ~ *buri*, дунс. *bosï*, м. *bös*, мнгр. *bos*.¹⁶

Относится к числу слов, получивших необычайно широкое распространение не только в алтайском мире, но и далеко за его пределами. Установить язык-источник заимствования пока невозможно, хотя попытки сделать это имели место.

Büleg 'отдел, глава'; др.-тюрк. *bölük* 'часть, доля', 'отдел, глава' (от *böl-* 'делить, разделять'); кар. *bölek* 'часть', 'стадо'; алт. *bölük*, кирг. *bölök* 'часть', *bölük* 'отдел, раздел'; тур. *bölük* 'часть, группа'; калм. *bölg*, м. *büleg* 'отдел, глава', 'группа'.

¹⁴ Ср.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». С. 240-242.

¹⁵ См.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. С. 59-60.

¹⁶ См.: Róna-Tas A. *Böz in the Altaic world // Altorientalische Forschungen*. Berlin, 1975. III. P. 155-163.

Bülget 'группа, кружок' (предположительно от **bülge*- — монгольской формы каузатива от *bül*-). Ср.: др.-тюрк., кирг. *böl*- 'делить, разделять'.

Связь с предыдущим словом не вызывает сомнений, и все же, с точки зрения морфологического состава, бур. *bülget* требует более убедительных объяснений.

Bül'ü 'точило', 'оселок', др.-тюрк. *bilägü*, алт. *bilü*, кирг. *bülö*, кум., туркм. *bilev*, уйг. *biläj*, хак. *pilö*, ср.-монг. *bile'ü*, м.-п. *bilegü*, бн. *belu*, калм. *bülü*, м. *bilü*, мнгр. *buliü*. Ср.: др.-тюрк. *bilä*- 'точить'.

Др.-тюрк. *bilägü* представляет обычный для тюркских языков морфологический структурный тип: первая производящая основа — именная, вторая — глагольная (ср.: др.-тюрк. *birägü*, *ikägü*, *bozaγu*; *bir-ägü*, *iki-ä-gü*, *boz-a-γu*).

Bürged 'орел', каз. *bürkät*, туркм. *bürgüt*, калм. *bürgd*.

В древнетюркском, среднемонгольском и монгольском письменном языке, по всей видимости, отсутствовало. Этимология не ясна, хотя слово — двусложное и как будто бы производное. Не исключено, что первоначально оно обозначало не орла вообще, а особую его разновидность. Можно высказать предположение о заимствовании из третьих языков, однако, какими были эти языки и каким был путь проникновения рассматриваемого слова в бурятский язык, сказать трудно.

Bürteg 'пасмурный, облачный', алт. *bürkün*, як. *bürkük*, м. *bürkeg*. Ср.: др.-тюрк. *bürkür*- 'покрываться тучами (о небе)'; туркм. *büre*- 'покрывать', 'накрывать' (*asmani bulut büredi* 'небо затянуло тучами'); аз. *bürü*- 'кутать, окутывать', 'обволакивать'. Ср.: бур. *bürxö*- 'покрывать', *bürxög* 'покрытие, заслон'.

Слово относится к числу спорных: есть доводы в пользу его тюркского происхождения, есть также некоторые основания считать его монгольским. Допускается вместе с тем смешение двух разных по происхождению основ, тюркской (*bürü*- ~ *büri*- ~ *büre*- 'накрывать, накладывать', ср.: туркм. *bürenjek* 'халат, накидываемый женщинами на голову') и монгольской (*bürxe*- 'покрываться, обволакиваться', ср.: м. *bürxiγ* 'темный, сумрачный'). Однако в самих монгольских языках встречаются обе основы и есть большое количество производных словоформ, которые не всегда можно возвести с уверенностью к той или иной из них. Ср.: сиб.-тат. *börkä*- 'завертывать, закутывать'.

Büte- 'завершаться, кончаться', др.-тюрк. *büt*- ~ *bit*-, кар. *bit*-, кирг. *büt*-, ср.-монг. м.-п. *bütü*-, даг. *bute*-, дунс. *bute*- ~ *butu*-, калм. *büt*-.

Büten 'весь, целый, полный', др.-тюрк., кар., ср.-монг. (МА 129) *bütün*, алт. *büdün*, башк. *bötön*, хак. *püdün*, калм. *bütn*.

Büzeg 'танец, пляска', др.-тюрк. *büδik* ~ *büdik*, алт. *bid'e*, кирг. *bij*;

ср.-монг. (МА 123, 434; Ну II 21) *böji-* ‘плясать’; калм. *bi*, м. *büžig* ‘танец, пляска’. Ср.: др.-тюрк. *büdi-* ~ *büdi-* ‘танцевать, плясать’.

Dajñ ‘враг’, ‘война’; др.-тюрк., туркм. *jaγi*, каз. *žav* ‘враг, недруг, неприятель’; тув. *čaryi-čā* ‘вражда, междоусобица’; хак. *čā* ‘война’, ‘армия, войско’; ср.-монг. *dajñ* ‘враг’; даг. *dajñ* ‘враг’, ‘война’; калм. *dän* ‘война’. Ср.: даг., м. *dajsan*, калм. *dāsn* ‘враг’, ‘противник’.

В древнетюркском языке не обнаруживается совмещение двух значений и таким образом значение ‘война’ может рассматриваться как появившееся на монгольской почве.

Dajr ‘рана, ссадина (на спине верхового животного)’, др.-тюрк., туркм. *jaγiŕ*, кирг. *ǰor*, тув. *čār*, даг. *dāri* ~ *dār*, калм. *dār*, м. *dajr*. Ср.: бур. *dāri* в том же значении.

Dalaj ‘море, океан’, др.-тюрк. *taluj*, калм. *dala*, м. *dalaj*, мнгр. *dalē*. Ср.: ср.-монг. (МА 138) *dalaj* ‘великий’.

Dari ‘порох’, кирг. *darı*, туркм. *dāri*, узб. *dori*.

В тюркских языках из персидского.

В старописьменных памятниках тюркских языков слово *taluj* зафиксировано начиная с рунических надписей, тем не менее, исконная принадлежность его тюркскому лексическому фонду маловероятна. Предполагаемый источник заимствования — китайский язык. Вариант с широким гласным во втором слоге — типично монгольский, поэтому встречающиеся в некоторых тюркских языках такие варианты этого слова как тув., шор. *talaj* могут быть монгольского происхождения. Появилось ли данное слово в монгольских языках непосредственно из китайского или было заимствовано через посредство тюркских языков, не ясно.

Daxin ‘опять, снова’; др.-тюрк. *taqi*, ср.-тюрк. (At-tuħfa 30b 8) *dayi* ‘еще’, ‘также’; узб. *taγin* ‘еще, опять, снова’; ср.-монг. (МА 109) *dayi* ~ *taγi* ‘и, еще, также’.

Debter ‘тетрадь’, ‘записная книжка’, ‘книга’, др.-тюрк. *deptār* ~ *deftār*, м.-п. *debter*, туркм. *depder*; калм. *degtr* ‘книга’.

В тюркских языках из персидского.

Degē ‘крюк, багор’, алт. *tegēk*, долг. *degie*; даг. *degē*, калм. *degü* ‘крюк’, ‘крючок’. Ср.: др.-тюрк. *teg-* ‘доходить’, ‘касаться’.

Deleŋ ‘вымя’, др.-тюрк. *jelin*, алт. *d’eli*, каз. *žel’ın*, калм. *delŋ*, м. *deleŋ*.

Delhen ‘грива’, др.-тюрк. *jal*, алт. *d’al*, башк. *jal*, туркм. *jāl*, калм., м. *del*.

Dolgin ‘волна’, ср.-тюрк., туркм. *tolqun*, башк. *tulqın*, долг. *dolγun*, каз. *tolqın*, кар. *tolγun*, уйг. *dolqun*, м.-п. *dolgijan*, даг. *dolq’ēn* ~ *dolq’ān* ~ *dolegien*, калм. *dol’gan*.

Наиболее вероятна связь с тюркской глагольной основой *tol-* 'наполняться', ср.: др.-тюрк. *tolqu*, тур. *dolgun* 'полный'. В туркменском языке имеет место различие в длительности гласного, ср.: *tolqun* 'волна', *dōlī* 'полный', что препятствует сближению их. Однако необходимо учитывать интенсивное проявление тенденции к разрушению первичных долгот, нередко меняющее шкалу соответствий.

Dom 'лекарство', 'снадобье', 'заговор от болезней', тув. *dom* (< монг.); туркм. *em-jom* 'лекарства'. Ср.: алт. *tomdo-* 'совершать жертвоприношение'; як. *domno-* 'лечить', 'ворожить (о шаманах)'; калм. *domnl-*, м. *domn-* 'лечить'. Ср. также: м. *domč* 'знахарь', 'колдун'.

Domog 'предание'. Ср.: кирг. *jomog* 'сказ о богатыре', 'эпическое произведение'; туркм. *jomaq* 'каламбур, шутка'; кар. *jomaq* ~ *jomax* 'рассказ, повествование', 'сказание', 'сказка'; м. *domog* 'легенда', 'сказание'.

Dulān 'теплый', др.-тюрк. *jīliγ*, алт. *d'īlu*, кирг. *jīlū*, тув. *čīliγ*, ср.-монг. *dula'an*, м.-п. *dulaγan*, даг., м. *dulān*, калм. *dulan*.

Düre 'вид, облик'; др.-тюрк. **tūr* 'вид'; кирг. *tür* 'вид', 'форма'; м.-п. *dūri*, калм., м. *dūr* 'вид, облик, образ'; даг. *dur* 'вид, облик'. Ср.: др.-тюрк. *türlüg* 'разный, относящийся к определенному виду'.

Düxerig 'круг'; др.-тюрк. *tegirmä* 'круглый'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 12b 3) *tigräk* 'кольцо, круг'; алт. *tegerik*, кум. *dögerek*, сиб.-тат. *tägärik* ~ *tügäräk* 'круг', 'круглый'; кар. *tegere*, ср.-монг., м.-п. *tögerig* ~ *tögürig* 'круглый'; калм. *tögrg*, м. *tögrög* 'круг', 'тугрик (денежная единица в Монголии)', 'круглый'. Ср.: алт. *tēr-* 'кружить, объезжать кругом'; тув. *teger-* 'кружиться, описывать круг'. Ср. также: калм. *tögä* 'колесо'.

Ed, др.-тюрк. *ed* 'вещь, имущество'; тув. *et-mal* 'имущество', 'скот'; калм. *ed-tavr* 'товар'; м. *ed* 'вещь', 'имущество'.

Elšen 'посол', 'посланец'; др.-тюрк. *elči* 'посол', 'важное должностное лицо'; алт., кирг., тув. *elči* 'посол', 'вестник'; ср.-монг., даг. *elči*, м.-п. *elčin* 'посол', 'посланник'; калм., м. *elč* 'посол', 'гонец', 'курьер'.

Elžegen 'осел', др.-тюрк. *eškäk* ~ *ešjäk* ~ *ešäk*, алт. *ešteq*, башк. *išäk*, тув. *elčigen* (< монг.), туркм. *ešek*, м.-п. *eljigen*, даг. *eljig* ~ *ejgen*, калм. *eljgn*, мнгр. *rjige* ~ *jige*.¹⁷

Em 'лекарство', *em dom* 'лекарства', др.-тюрк., алт., кирг., тув., туркм., ср.-монг., даг., калм., м. *em*, хак. *im*, бн. *tat*.

Emgeg 'нездоровье, недомогание', др.-тюрк. *emgäk*, ср.-тюрк. *engek*, м.-п. *emgeg*; др.-тюрк. *emgä-* 'мучиться'.

¹⁷ Обширная сводка мнений о происхождении *elžegen* и правомерности сопоставления его с др.-тюрк. *eškäk* ~ *ešjäk* ~ *ešäk* приведена в раб.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). С. 317-318; Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 138-140.

Emne 'лечить', др.-тюрк., ст.-узб. *emlä-*, алт. *emde-*, тув. *emne-*, хак. *imne-*, калм. *emn-*.

Em 'клеймо'; др.-тюрк. *im* 'знак', калм., м. *im* 'метка'.

Enže 'приданое'; туркм. *inji* 'подарок близких родственников детям'; бар. (РСл I 1455) *inji* 'приданое'.

Eη 'ширина', 'ширина материи'; др.-тюрк., каз., тур. *en*, сиб.-тат. *in*, як. *ien*; алт. *ēn* 'ширина', 'широкий'; калм., м. *eη* 'ширина'.

Eηin 'верблюдица', др.-тюрк. *iηän*, кирг. *iηgen*, ср.-монг. *iηen*, м.-п. *iηgen*, калм. *iηgn*; тув. *iηgen* 'важенка (самка оленя)'.

Erdem 'наука', 'образование'; др.-тюрк. *erdäm* 'доблесть, мужество', 'мужское достоинство'; кирг. *erdem* 'храбрость, мужество'; тув. *ertem* 'наука', 'знание' (< монг.); даг. *erdem* 'знание', 'образование'; калм. *erdm* 'профессия', 'специальность', *erdm-bilg* 'талант, дарование'; мнгр. *rдем* 'умение', 'ловкость', 'талант, искусство'.

Erdeni 'драгоценность', 'сокровище', 'клад', др.-тюрк. *erdäni*, алт. *erd'ine*, калм. *erdn'*, м. *erdene*.

Др.-тюрк. *erdäni* из скр. *ratna*.

Ere 'мужчина'; др.-тюрк., алт., кирг. *er* 'мужчина', 'муж', 'герой'; ср.-монг., бн., дунс. *ere* 'мужчина'; даг. *er* 'мужчина', 'муж'; калм., м. *er* 'мужчина', 'самец'.

Er'je 'кастрированный баран'; кирг. *irik* 'трехлетний валух'; кум. *irk*, тув. *irt*, калм. *irg*, м. *ireg* 'кастрированный баран'.

Er'je- 'кружиться'; др.-тюрк. *egir-*, алт. *ebir-* 'обходить кругом', 'окружать'; долг. *ergij-*, тув. *ergi-* 'кружиться', 'обходить по кругу'; ср.-монг. (МА 437) *erge* ~ *erige* 'ожерелье'; даг. *ergi-* ~ *xergi-*, калм. *erg-* 'кружиться'. Ср.: бур. *ēre-* 'кружиться на одном месте'.

Бур. *er'je-*, возможно, из *erge-*. С др.-тюрк. *egir-*, алт. *ebir-* может быть связано только с учетом вполне допустимой метатезы. Что же касается бур. *ēre-* 'кружиться на одном месте', то здесь очевидно образование долгого гласного из сочетания *egi*. Ср.: шор. *ēbre* 'кругом'.

Erlig 'повелитель, владыка подземного мира', алт. *erlik*, хак. *irlik*, калм. *erlig*, м. *erlig*; тув. *erlik oranı* 'подземное царство'.

За пределами сибирско-алтайского ареала не встречается. Хотя в целом словоформа воспринимается как состоящая из двух компонентов, идентифицируемых со словом *er* и аффиксом *lig*, надежно не этимологизируется.

Erte 'рано', 'ранний', др.-тюрк. *ertä*, алт., тув., даг. *erte*, дунс. *eēie*, бн. *ete*, калм. *ert*; мнгр. *šde* ~ *rde* 'утро'.

Ertenci 'ранний', 'прежний'; алт. *ertengi* 'утренний, ранний'; кар. *erten* 'утром, рано'; кирг. *ertenki* 'завтрашний, утренний', *ertenkisin* 'утром'.

Erge 'право'; др.-тюрк., тур. *erk* 'сила, могущество'; алт. *erik* 'воля'; кирг., туркм. *erk* 'воля', 'свобода'; тув. *erge* 'право' (< монг.); ср.-монг. (Ну II 15) *erke*, калм. *erk* 'власть'.

Erge 'избалованный, изнеженный', 'капризный', алт. *erke*, хак. *irke*, калм. *erk*, м. *erx*.

Erxi 'большой палец'; др.-тюрк. *erkäk* ~ *erḡäk* ~ *ernäk* 'палец'; алт. *erkek* ~ *ergek*, долг. *erbek*, даг. *xergī* ~ *xorō*, калм. *erkā*, м. *erxi* 'большой палец'.¹⁸

Ekiz 'двойня', 'близнецы'; др.-тюрк. *ikiz* ~ *ikkiz*, алт. *igis* ~ *egis*, кар. *ekizäk* ~ *egizäk*, тур. *ikiz*, туркм. *ekiz*, ср.-монг. *ikir*, м.-п. *ikire*, калм. *ikr*, м. *ixer*. Ср.: др.-тюрк. *iki* ~ *ikki* 'два'.

Др.-тюрк. *ikiz* ~ *ikkiz* образовано при помощи непродуктивного аффикса -z, который рассматривается рядом тюркологов как древнейший показатель двойственного или множественного числа.¹⁹

Не подвергая эту точку зрения специально критическому разбору, заметим, что двойственность в данном случае является собственным лексическим значением производящей основы.

Ezen 'хозяин', др.-тюрк. *idi* ~ *idi*, *igä* ~ *ijä*, карач.-балк. *ije*; тур. *ege* 'опекун'; ср.-монг., дунс. *ejen* 'хозяин, господин'; даг. *ejin* 'хозяин', 'государь, царь'; калм. *ezn*, м. *edzen* 'хозяин'.

Ėre 'прясть', др.-тюрк. *egir-*, ср.-тюрк. (At-tuḡfa 26b M) *egir-* ~ *egri-*, алт., кум. *ijir-*, кар. *ijir-* ~ *ir-*, калм. *ēr-*. Ср.: м.-п. *egeregül*, даг. *ērel* 'веретено', 'прялка'.

Исходная для бурятского *Ėre-* — тюркская глагольная основа типа *egir-*, в которой из сочетания *egi* развился вторичный долгий гласный.

Ėrseg 'веретено', др.-тюрк. *aḡuršaq* ~ *oḡuršaq*; тур. *aḡiršaq* 'блок веретена'.

Реконструируемая тюркская праформа — **egiršäk*, ср.: др.-тюрк. *egir-* 'прясть'.

Naba 'жбан', 'посуда'; алт., кирг. *saba* 'большой бурдюк для приготовления кумыса'; тув. *sava*, калм., м. *sav* 'посуда', 'сосуд'; ср.-монг. *saba* 'сосуд'.

Данное слово — сомнительный тюркизм, так как распространено преимущественно в ареале, наиболее достигаемом для монгольского влияния.

Nabā 'шерстобитная палочка', ст.-узб., каз. *saba*, кирг. *sabō*, узб. *savaḡič*. Ср.: алт., кирг. *saba-*, узб. *sava-* 'третать (шерсть, хлопок и т.п. при помощи прутьев)'; калм., м. *sav-* 'стегать', 'бить'.

¹⁸ Более подробное освещение этимологических связей *erxi* см.: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 325.

¹⁹ См.: Ligeti L. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis // KCsA, 1925. I. S. 369-383.

Hajn, см. *sajn*.

Hala 'плот', др.-тюрк., кирг. *sal*, туркм. *ṣāl*, калм., м. *sal*.

Halgaј 'левша', алт. *soloγoj*, кар., карач.-балк., хак. *solayaj*, тат. *sulaјaj*; калм. *solha*, м. *solgoј* 'левый'. Ср.: др.-тюрк. (МК I 487) *solamuј* 'левша'. Ср. также: др.-тюрк., алт., кар., карач.-балк., хак. *sol*, тат. *sul* 'левый'.

Если тюркское происхождение производящей основы очевидно, то природа морфологического элемента остается неясной.

Hana- 'думать, полагать, считать', др.-тюрк., тур., калм. *san-*, туркм. *ṣān-*, алт., кирг., ср.-монг., м.-п., даг., дунс., мнгр. *sana-*, бн. *sumu-*; др.-тюрк. *sana-*, туркм. *ṣāna-* 'считать'.

В древнетюркском языке *san-* и *sana-* 'думать, считать' от *sa-* 'думать, считать'; *sana-* 'считать' от *san* 'число, количество'. Изначальным, этимологическим, значением реконструируемой глагольной основы **sā-* было, по всей видимости, 'считать, подсчитывать', значение же 'думать', является скорее всего вторичным.

Hax- 'охранять, беречь', др.-тюрк., кар., тур., туркм. *saqla-*, алт., каз., кирг. *saqta-*, алт. *saqi-* (< монг.), ср.-монг. *saqi-*, бн. *saγe-*, даг., мнгр. *saqi-*, дунс. *saγi-*, м. *sax'*.

В тюркских языках мы имеем дело с отыменной глагольной основой, ср.: др.-тюрк., кирг. *saq* 'осторожный, чуткий, внимательный'; калм. *sag* 'бдительность, осторожность'; алт. *saqčī* 'страж, хранитель'.

Бур. *haxi-* восходит к тюркской глагольной основе, представляющей тип отыменного образования на *-a ~ -u ~ -i*, который в известной мере синонимичен типу на *-la ~ -ta*, ср.: *saqi-* и *saqla- ~ saqta-*.

Hā- 'доить', др.-тюрк., туркм. *saγ-*, алт., кирг., даг., калм., м., мнгр. *sā-*, дунс. *sa-*.

Следует заметить, что в бурятском языке, как и в других монгольских языках, встречаются тюркские слова, обозначающие молоко и многие молочные продукты, а также сам процесс получения и переработки молока.

Hādag 'колчан'; алт., кирг. *sādaq* 'лук со всеми принадлежностями', 'богатырский самострел', 'колчан'; тур. *sadaq*, узб. *sadoq*, калм. *sādg*, м. *sādag* 'колчан'.

Внешний облик этого слова в монгольском письменном языке таков, что наиболее древней формой его необходимо считать *saγdaq* или *saγadaq*, так как сочетание *aγa* использовалось для передачи долгого гласного, который, естественно, мог восходить и к сочетанию *aγ*, и к сочетанию *aγa*. Основная трудность в объяснении его первоначальной языковой принадлежности связана с тем, что оно отсутствует в древнетюркских текстах и недостаточно широко представлено в мон-

гольских языках. Между тем тюркская этимология **saɣdaq* (**saɣadaq*) не встречает непреодолимых препятствий и, хотя вопрос о его первоначальной языковой принадлежности остается открытым, необходимо подчеркнуть, что для категорических суждений о монгольском происхождении бурятского *hādag* нет достаточных оснований.

Hergeg 'осторожный, бдительный', 'чуткий'; алт. *sergek* (< монг.). Ср.: др.-тюрк. *sez-* 'чувствовать, ощущать'.

В монголистике принято связывать *hergeg* с глагольной основой *heri-* ~ *seri-* 'просыпаться, пробуждаться', ср.: ср.-монг., м.-п. *sere-*, мнгр. *sari-* ~ *šire-*, сч. *širge-*. Предполагаемый тюркский прототип бурятского *hergeg* — **sezgek* со значением 'чувствительный', 'чуткий'. Он вполне реален, и отсутствие в монгольских языках слов, стоящих в одном ряду с бурятским *hergeg*, — дополнительный аргумент в пользу его тюркского происхождения.

Hežeg 'сомнение'; др.-тюрк. *sezik* ~ *sezig* 'мнение, суждение'; кар. *seziv* 'подозрение'; карач.-балк. *seziv* 'понимание', 'ощущение'; хак. *sizik* 'догадка', 'сомнение'; тув., ср.-монг. *sezik*, калм. *sejg*, м. *sejig* 'сомнение', 'подозрение'. Ср.: др.-тюрк. *sez-* 'чувствовать, ощущать'; алт. *ses-*, хак. *sis-* 'чувствовать, догадываться'; алт. *sezin-* 'сомневаться', 'подозревать'.

Horgog 'пугливый, трусливый', ср.-тюрк., каз., кар., карач.-балк. *qorqaq*. Ср.: др.-тюрк. *qorq-* 'бояться, пугаться', *qorqu*, *qorqmaq* 'боязнь, страх'.

Horgog редкий случай, когда тюркский вулярный в бурятском языке передан посредством *h*.

Hubag 'канава (для стока воды)'; др.-тюрк. *sub* ~ *suw* ~ *suγ* 'вода', *suva-* 'орошать'; м. *suvag* 'канава', 'канал'. Ср.: кирг. *suγat* 'место водопада'.

Hudar 'сутра (священная книга, буддийский трактат)', др.-тюрк. *sutur*, калм. *sudr*, м. *sudar*; даг. *sudur* 'книга', 'летопись'.

Заимствовано из тюркских языков, в тюркских — из санскрита.

Huna- 'вытягиваться, тянуться'; др.-тюрк. *su-*, *sun-*, алт., кирг., тув., хак. *sun-* 'протягивать (руку, ногу и т.д.)'; ср.-монг., м. *sun-*, м.-п. *sun-* ~ *sunu-*, дунс. *sutni-*, калм. *sun-* 'тянуться, вытягиваться'.

Hura- 'спрашивать', др.-тюрк., кар. *sor-*, алт. *sura-* (< монг.), кар., карач.-балк. *sor-*, уйг. *soru-*, калм., м. *sur-*.

Hurag 'весть, известие, слух'; др.-тюрк. *soruγ* 'расспросы'; туркм. *ḅōraγ* 'вопрос', 'допрос', 'опрос'. Ср.: др.-тюрк., ср.-тюрк. *sor-* 'спрашивать, расспрашивать'.

Hūlga 'ведро', ср.-тюрк. (МА 319) *saγu*, ср.-монг. *sa'ulγa*, м.-п. *saγulγa*, бн. *sulγe*, дунс. *sauγa*, калм. *sūlh*, м. *sūlga*, мнгр. *sūlγa* ~ *surγa*, сч. *sorgo*. Ср.: др.-тюрк. *saγ-*, бур. *hā-* 'доить'.

Hün 'молоко', др.-тюрк., алт., тув., хак. *süt*, туркм. *ϑüjt*, ср.-монг., м.-п. *sün*, даг. *sū*, калм. *üsñ*, м. *sün*.

Др.-тюрк. *süt*, согласно широко распространенному мнению, было воспринято монголами как форма множественного числа. Только этим обстоятельством можно объяснить появление в монгольских языках на месте конечного *t* звука *n*.

Hüne- 'гаснуть', 'затухать', 'расстраиваться', 'гибнуть'; др.-тюрк. *sön-* 'прекращаться', 'исчезать'; тат. *sün-*, тур. *sön-*, туркм. *ϑön-* 'гаснуть', 'меркнуть', 'прекращаться, исчезать'; м. *sönö-* 'гибнуть', 'переставать существовать', 'гаснуть'.

Hüreg 'стадо', 'стая', 'косяк'; др.-тюрк. *sürüg*, туркм. *ϑüri* 'стадо', 'группа', 'толпа'; ср.-монг. (Ну II 74) *sürük* 'отряд'; калм. *sürg*, м. *süreg* 'стадо', 'стая'. Ср.: др.-тюрк. *sür-* 'вести', 'гнать'.

İldam 'ласковый, приветливый'; узб. *ildam* 'проворный, скорый, быстрый'; ср.-монг. (МА 195) *ildem adusun* 'скакун'.

Различия в семантике велики и побуждают сомневаться в правомерности выведения бурятского *ildam* из тюркских языков. В пользу же его тюркского происхождения свидетельствует наличие в древнетюркском языке ряда структурно идентичных производных слов: *tildam* 'красноречивый', *kündäm* 'солнечный', *teḡridäm* 'божественный', *erdäm* 'доблестный', 'доблесть'.

İnaḡ 'дружеский', 'любезный', 'любимый', 'любовь'; хак. *inaḡ* 'дружба, согласие'; шор. *inaḡ kiži* 'друг, приятель'; калм. *in'g* 'друг', *in'g amrg* 'любимый (о человеке)'.

Jatān 'коза'; др.-тюрк. *jıṡṡa*, алт. *d'ıṡṡa* 'самка каменного козла'; тув. *сиṡṡа* 'козерог, горный дикий козел'; ср.-монг. *ıta 'an*, м.-п. *ıtaḡan*, бн. *ıtaḡ*, даг. мнгр. *ıtā*, дунс. *jıtan*, калм. *jatan*, м. *jatān*, сч. *ıta ~ jıta* 'коза'.

Janza 'вид, внешность'; даг. *jansa*, м. *jandz* 'вид, форма', 'характер', 'поведение'; калм. *janz*, дунс. *janzi* 'вид, форма'.

Тюркский прототип бурятского *janza* — *jaṡiz* от *jaḡ* 'форма', 'образ, манера', ср.: др.-тюрк. *jaṡza-* 'уподобляться', *jaṡzaḡ* 'характерный, свойственный'.

Jaḡ 'мотив', 'мелодия'; др.-тюрк. **jaḡ* 'звук, мелодия', *jaṡṡuluḡ* 'звучащий'; м.-п. *jaḡ* 'мелодия'.

Jara 'гноящаяся рана', 'язва', 'болячка', ср.-тюрк., тат., туркм. *jara*, каз. *žara*, кирг. *ǰara*, даг. *jara ~ jar*.²⁰

Отнесение *jara* к собственно тюркскому лексическому фонду считается более предпочтительным как в среде тюркологов, так и у мон-

²⁰ См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989. С. 122-123, 124.

голистов. Между тем ряд фактов, например появление *јага* только в относительно поздних тюркских старописьменных текстах, вызывает некоторые сомнения в его тюркском происхождении. Предлагаемая этимология от *јаг* - 'резать, раскалывать, рассекать' не является безупречной.²¹

Jargašan, др.-тюрк. *јаγaн* 'палач'; алт. *d'arγiçi*, тур. *јаγiç*, хак. *çarγiçi*, ср.-монг. *јаγиçi*, м.-п. *јаγaçin* 'судья'. Ср.: тув. *çarγi* 'судебное дело'; хак. *çarγi*, бур. *zarga* 'суд'.

Jel 'год' (бох., эхир.); др.-тюрк., туркм. *jil*, алт. *d'il*, долг. *jil* (< монг.), хак. *çil*, як. *sil*, ср.-монг., калм. *jil*.

Наиболее ранний из приведенных фонетических вариантов ср.-монг. *jil* заимствован в системе календарных обозначений по двенадцатилетнему животному циклу.

Laj 'ил'; кирг. *lajqa*, туркм. *lāj*, узб. *loj* 'глина', 'муть', 'ил'; калм. *la*, м. *laj* 'ил', 'сор (в колодце, пруду)'.

Lū 'дракон', др.-тюрк., мнгр. *lū*, м.-п., калм., сч. *lu*, дунс. *lun*, м. *lūn*.

В тюркских языках из китайского.

Mal 'скот'; ср.-тюрк., алт. *mal*, туркм. *māl* 'скот', 'имущество'; м.-п., даг., калм., м. *mal* 'скот'.

В монгольских языках из тюркских, в тюркских из арабского.

M'aγan '1000', др.-тюрк. *miγ*, алт., хак. *miγ*, тур. *bin*, туркм. *mūn*, ср.-монг. *minqan* ~ *miγan*, м.-п., мнгр. *miγγan*, даг., м. *m'aγan*, калм. *miγhn*.

Menze 'родинка'; др.-тюрк. *beγiz* ~ *meγiz*, туркм. *meγiz* 'лицо'; тур. *beniz* 'цвет лица'.

Meγe 'родинка', др.-тюрк., алт., кирг., туркм. *meγ*, хак. *miγ*, ср.-монг., м. *meγe*, м.-п. *meγe*, калм. *meγ*.

Mešen 'обезьяна', 'год обезьяны', др.-тюрк. *biçin*, алт., кирг. *teçin*, тув. *teçi* (< монг.), туркм. *biçin*, ср.-монг. *beçin*, м.-п. *beçin* ~ *teçin*, калм. *möçin*, м., мнгр., сч. *teçin*.

В монгольских языках из тюркских; что же касается источника заимствования для тюркских языков, то он неизвестен.

Münxe 'вечный', др.-тюрк. *beγgü* ~ *meγgü*, кирг. *meγgi*, тат. *māngilik*, тур. *bengi*, м.-п. *möγke*, калм. *möγk*, м. *mönx*.

Nahan 'возраст', 'год (жизни)', 'жизнь', др.-тюрк., кар. *jaš*, алт. *d'aš*, тув. *nazi* (< монг.), ср.-монг., м.-п. *nasun*, бн. *nasuγ*, даг. *nas*, дунс. *nasuγ*, калм. *nasn*, м. *nasan*, мнгр. *nase*.

²¹ См.: Там же. С. 140. См. также: Clouston G. The earliest Turkish loan words in Mongolian // CAJ, 1959. IV, 3. P. 185; Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 123.

Našan 'кречет, сокол', др.-тюрк. *lačīn*, кирг. *ilāčīn*, калм. *načn*, м. *načīn*.

Др.-тюрк. *lačīn* неизвестного происхождения, и по своим фонетическим данным (в начале слова *l*) не может быть тюркским: не случайно в киргизском языке перед *l* появляется протетический гласный.

Nom 'книга', 'грамота'; др.-тюрк., ср.-монг. *nom* 'религиозный трактат', 'религиозное учение'; калм. *nom* 'наука', 'учение'.

В тюркских языках из согдийского.

Nōhon 'шерсть', др.-тюрк., ср.-тюрк. *jūŋ*, кар. *jun*, тув. *čūŋ*, ср.-монг. *unqasun*, калм. *nōsn*, м. *nōson*. Ср.: алт. *d'uŋ* 'перо (птицы)'.
N'udarga 'кулак', др.-тюрк. *judruq*
 ~ *judruq*, алт. *d'udruq*, кар. *jumruq* ~ *jumrux* ~ *jumuruq* ~ *jumuruq* ~ *jumuriq*, сиб.-тат. *judruq*, тув. *čuduruq*, хак. *munzurux* ~ *nuzurux*, шор. *tuzruq*, як. *suturuq*, ср.-монг. *nudurγa* ~ *nudurqa*, м.-п. *nidurγa*, калм. *nudrm*, м. *nudargan*, мнгр. *nidurγa*.

Obō 'куча, гряда, насыпь', 'сопка, где совершается религиозный обряд'; др.-тюрк. *obuz* 'возвышенность, бугор'; алт. *oboγo*, хак. *obā* 'гряда жертвенных камней', 'курганый камень' (< монг.); м.-п. *obuyan*, даг. *obō*, калм. *ova*, м. *ovōn* 'куча, насыпь', 'возвышенность с насыпью в честь духов'.

Oj 'ум, разум', *oj uxān* 'разум, рассудок'; алт. *oj* 'ум', 'смысл', 'понятие'; кирг. *oj* 'мысль, помысел'; тур. *oj* 'мнение, суждение, высказывание'; м.-п., м. *oj* 'ум, разум', 'способность'; калм. *ojun* 'ум, разум', 'мудрость'.

Ojmhon 'чулок'; др.-тюрк. *ujuq* 'войлочный чулок'; калм. *ōmsn*, м. *ojmson* 'чулок'.

Др.-тюрк. *ujuq* 'войлочный чулок' обнаруживает связь с др.-тюрк. *ujma* 'войлок', встречающимся в диване Махмуда Кашгари.

Oltirog 'остров', 'архипелаг'; др.-тюрк. *oltruγ* 'сидение'; кар. *otrats* ~ *otraš* ~ *oturaš*, хак. *oltirix* 'остров'; м.-п. *olturiγ*, м. *oltrig* 'остров', 'архипелаг'. Ср.: др.-тюрк. *otur-* ~ *oltur-*, кар. *otur-* 'сидеть'.

Ordon 'дворец'; др.-тюрк. *ordu* 'дворец', 'ставка, резиденция хана'; м.-п. *ordu qarsi* 'дворец'.

Oron ~ *oroŋ* 'кровать', 'постель'; др.-тюрк. *orun* 'место', 'трон, престол'; кар. *orun*, ср.-монг. *orun* ~ *oron*, м.-п. *orun*, бн. *oroŋ*, даг. *or*, дунс. *oron* 'место, местность'; калм. *orn* 'кровать', 'постель'; мнгр. *uroŋ* 'место, местность', 'кровать'. Ср.: калм., м. *or-der* 'постель'; калм. *orn*, м. *oron* 'страна'.

Слово многократно заимствовалось и перезаимствовалось, подвергаясь при этом изменениям семантической стороны. Например, появление значений 'кровать', 'постель' в тюркских языках связано с пере-

заимствованием исконно тюркского слова из монгольских языков, ср.: долг., кирг., тув. *orun*.

Oson 'искра', каз. *ǰs̄q̄in*, кар., кирг., тур. *uḫqun*, м.-п., м. *ośin*, калм. *ośn*; др.-тюрк. *uḫ-* 'летать'.

Oto 'лекарство'; др.-тюрк. *ot* 'лекарство', *ot-em* 'целебные травы'; др.-тюрк., алт., кирг. *ot* 'трава'.

Otog: *otog bajra* 'балаган, шалаш (на покосе)'; др.-тюрк. *otaγ* 'шатер', 'жилище'; ног. *otav* 'маленькая походная юрта'; шор. *odaγ* 'балаган, шалаш', 'юрта'. Предполагаемый источник для тюркских языков согдийский язык.

Otošo 'лекарь', др.-тюрк. *otači*; каз. *otaši* 'коновал'; ср.-монг. *otači*, м.-п. *otačip* 'лекарь'; калм. *otč* 'костоправ'.

Saba 'посуда'; алт., каз., кирг. *saba* 'кожаный бурдюк', 'берестяная посуда'; ср.-монг., м.-п. *saba*, калм., м. *sav*, мнгр. *sava* 'посуда', 'сосуд'.

Бурятское *saba* относится к словам неизвестного происхождения, хотя есть основания считать его скорее монгольским, чем тюркским.

Saban 'мыло', тат. *sabiñ*, калм. *savη*, м. *savaη*.

В тюркских языках из арабского, ставшего источником заимствования и для некоторых европейских языков, ср.: фр. *savon*.

Sabša- 'сечь, рубить', 'косить'; алт. *čar-*, каз. *šab-*, м.-п. *čabči-*, калм. *čavč-*, м. *tsavč-* 'рубить, сечь'; мнгр. *čiauči-* 'рубить (топором)'.

Дополнительный компонент монгольских словоформ — аффикс, появляющийся в ходе морфологического освоения заимствованных глагольных основ.

Sad, см. *zed*.

Sag 'время', др.-тюрк., алт. *čaq*, каз., кар. *čaγ*, кирг. *čaq*, як. *sax*, ср.-монг. *čaq*, даг. *čaqi*, дунс. *ča*, калм. *tsag*.

Sajn (< **saγin*) 'здравствуй'; др.-тюрк. *saγ* 'здоровый', 'хороший'; ср.-монг., м.-п., даг., м. *sajn*, калм. *sän* 'хороший, добрый'.

Sana 'лыжи', 'сани'; каз. *šana*, кирг., тат., узб. *čana*, сиб.-тат. *tsanaq*, шор. *šanaq*, калм. *tsan* 'сани'; тат. *čaγγi*, м. *tsana* 'лыжи'. Ср.: шор. *šanaγaš* 'нарты'.

Saηa- 'томиться, испытывать жажду', кирг. (диал.) *čaηqa-*, узб. *čanqa-*, м. *tsaη-*, калм. *tsaηh-*.

Sasa- 'рассеивать', 'разбрызгивать'; др.-тюрк. *sač-*, карач.-балк., кирг. *čač-* 'разбрасывать', 'раздавать', 'разгонять'; тув. *čaš-*, м.-п. *čača-*, даг. *čači-*, калм., м. *tsats-* 'рассеивать', 'разбрызгивать'.

Saxi- 'высекать огонь', др.-тюрк., алт., кар., кирг. *čaγ-*, ср.-монг., м.-п. *čaqi-*, м. *tsax'*.

Saxi-, см. *haxi-*.

Saxilgān ‘молния’, кирг. *ṣayilyan*, м.-п. *čakilyan*, даг. *čakilgān*, м. *tsaxilgān*.

Бурятское *saxilgān* и соответствующие слова других монгольских языков представляют собой форму прошедшего времени, типичную для ряда тюркских языков. В тюркских языках использование подобной формы в значении ‘молния’ носило региональный характер.

Seberle- ‘очищать, убирать’; др.-тюрк. *sipir-* ~ *süprür-* ‘подметать. выметать’; алт. *sibir-* ‘подметать’; кар. *sibir-* ‘подметать’, ‘вытирать’. Ср.: др.-тюрк. *süprügü*, алт. *sibirgi*, кар. *sibirtki*, калм. *sävür* ‘метла, веник’.

Наличие аффикса отыменного образования глаголов *-le* в *seberle-* — дополнительное средство выражения грамматического статуса заимствованной глагольной основы в процессе ее морфологического освоения.

Seg ‘предел, граница чего-л.’, кар., кирг. *ček*, каз. *šek*; м.-п. *čeg*, калм. *tseg* ‘знак препинания — точка’.

Semgen ‘полная трубчатая кость’; др.-тюрк. *söñük*, алт., кирг., тув. *sök*, каз. *süjek*, кар. *süvek* ~ *sujak* ~ *sivek* ~ *süvāk*, ср.-монг. *čimegen* ‘кость’; м.-п. *čimügen*, даг. *šimug* ~ *šimüge* ~ *šimehe*, калм. *čimgn*, м. *čötög*, мнгр. *čimuge* ‘костный мозг’.

Senxir ‘светло-голубой’, ‘светло-синий’; тат. *zəngär*, узб. *zaḡori* ‘голубой’; калм. *tseḡkr*, м. *tseḡer* ‘светло-голубой’, ‘светло-синий’. Ср.: калм. *zeḡkr* ‘купорос’.

Sereg, як. *seri* ‘войско’, ‘война’; др.-тюрк. *čerig*, шор. *šerig*, калм. *tserg* ‘войско’; алт. *čeri*, кар. *čerüv* ~ *tseriv* ~ *čeriv*, м. *tserег*, мнгр. *čirig* ‘воин’, ‘войско’. Ср.: бур. *seregše*, калм. *tsergč* ‘воин’.

Seseg ‘цветок’, др.-тюрк. *čečäk*, алт. *čeček*, карач.-балк. *čiček*; кирг. *čeček* ‘оспа’; узб. *čečak* ‘цветок’, ‘оспа’; дунс. *čiče*, калм. *tsetsg*, м. *tsetseg*, мнгр. *čičay* ~ *čiḡay* ‘цветок’.

Seseglig ‘цветник’, др.-тюрк. *čečäklik*, тур. *čičeklik*, м.-п. *čečeglig*, калм. *tsetsgänčg*, м. *tsetsegleg*.

Sog ‘тлеющий уголек’; алт. *coq* ‘горящий уголь’, ‘огонь’, ‘жар’; як. *cox* ‘уголь’. Ср.: др.-тюрк. *coḡ* ‘блеск, сияние (солнца)’, ‘жар (солнца)’.

Установление связи между приведенными словами затруднено тем, что обычные фонетические соответствия между *č*, *š*, *s* в ряде языков нередко нарушаются. Тюркский *č* в бурятском языке, как правило, выступает в виде *s*, для якутского же языка *č* в данном случае — аномалия; разумеется, если ставить як. *cox* в один ряд с др.-тюрк. *coḡ*. Остается высказать предположение о монгольском происхождении як. *cox*, иными словами, о перезаимствовании собственно тюркского *coḡ* из среднемонгольского языка, ср.: *coq* (МА 403) ‘горящий уголь, жар’.

Solboŋ 'Венера', алт. *čolmon*, каз. *šolpan*, кар. *čolpan*, кирг. *čolpon*, тув. *šolban*, як. *čolbon* (< монг.), м.-п. *čolman* ~ *čolmun*, даг. *čolpon*, калм. *tsolvŋ*, м. *tsolmon*.

В тюркских языках из персидского.

Soxi- 'бить, колотить'; др.-тюрк., алт., кирг. *soq-* 'бить, ударять'; ср.-тюрк. *soqu-* 'бить', 'чеканить'; м. *tox-* 'бить'. В других монгольских языках глагол с таким же или близким значением не обнаружен.

Sudar, см. *hudar*.

Sū 'слава, известность, молва', др.-тюрк. *šab*, аз. *šov*. Ср.: кирг. *čū* 'шум, гам', 'дурная слава'.

Sül 'пустынный'; ср.-тюрк., ср.-монг. *čül*, калм. *tsöl* 'пустыня'.

В тюркских языках из персидского.

Sū, см. *hün*.

Šaba (эхир.): *tümer šaba* 'железный прут'; др.-тюрк., алт. *čibiq* 'прут, хворостина'; кар. *čibux* ~ *čibič* ~ *čibuq*, шор. *šimiq* 'прут'.

Параллели в других монгольских языках не обнаружены.

Šaba- 'обмазывать, штукатурить', др.-тюрк. *suva-*, ср.-тюрк. (At-tuhfa 31b M, 31b 11) *suva-* ~ *siva-*, алт., кирг. *šiba-*, як. *sibā-*, ср.-монг. (MA 169) *suba-*, дунс. *šuva-*, м. *šav-*. К данной глагольной основе прилегают среднемонгольское *šibar*, бурятское *šabar* и халха-монгольское *šavar* 'грязь, слякоть', 'глина', имеющие параллели в других монгольских языках, ср.: м.-п. *sibar*, бн. *šbar* ~ *bar*, дунс. *šuva*, калм. *šav*, мнгр. *šabar* ~ *šavar*.

Характер соответствий начальных согласных и гласных первого слога таков, что с трудом поддается объяснению. Переход *s* в *š* мог иметь место на монгольской почве: только в монгольских языках он происходит в определенных фонетических условиях, а именно перед *i*; он характеризуется постоянством и регулярностью. В тюркских же языках известны лишь единичные случаи такого перехода, преимущественно в чувашском языке. Учитывая это обстоятельство и принимая во внимание сам факт наличия данной глагольной основы во многих современных тюркских языках, а также в древнетюркском языке, мы вправе отнести её к собственно тюркской лексике. Кстати, есть достаточные основания рассматривать др.-тюрк. *suva-* как отыменное глагольное образование от *suγ* ~ *suβ* ~ *suu* 'вода', ср.: уйг. *suγu-* 'мазать, штукатурить', *suγaq* 'штукатурка'; туркм. *šuva-* 'обмазывать, штукатурить', *šuvaγ* 'штукатурка'. Появление *i* и *a* также не характерно для тюркских языков, в монгольских языках оно укладывается в правила так называемого перелома. Из сказанного следует, что алт., кирг. *šiba-*, як. *sibā-* — тюркские слова, переименованные из монгольских языков. Что же касается отглагольных образований на *-r*, встречающихся

почти исключительно в монгольских языках, то они являются принадлежностью собственно монгольского лексического фонда. Каз. *sabır* монголизм, с типичным для казахского языка внешним обликом (начальный *š* изменился в *s*).

Šagna 'слушать', др.-тюрк. *tīŋla-*, алт. *tīŋda-*, тув. *dīŋna-*, м.-п. *čīŋna-* ~ *čīŋla-*, мнгр. *čīŋla-*, м. *čagna-*.

Šalbāg 'лужа'; др.-тюрк. *čalpaq* 'грязь, нечистоты'; туркм. *čalpav* 'лужа', 'болото'; як. *čalbat* (? < монг.), м. *šalbāg* 'лужа'.

Вполне вероятно связь др.-тюрк. *čalpaq* с образительной лексикой, ср.: туркм. *šalp-šalp* — подражание хлюпанью, плеску, *šalpildi* 'плеск'. Ср. также: шор. *šalčaq* 'лужа'.

Šaltag 'повод, предлог', 'причина', алт. *šiltaq*, хак., шор. *siltaγ*, ср.-монг. (МА 333) *šiltaq*, калм. *šaltg*, м. *šaltag*. Ср.: алт. *šilta-*, хак. *siltan-* 'находить повод, предлог'; тат. *šilta-* 'отговариваться, искать повод, предлог', 'ссылаться'.

Появление в алтайском языке на месте *s* согласного *š* объясняется заимствованием алтайского *šiltaq* из монгольских языков, так что история передвижения этого слова должна выглядеть следующим образом: тюрк. *siltaq* > монг. **siltaq* > *šiltaq* > алт. *šiltaq*. В монгольских языках после перебоя — *šaltaq* ~ *šaltay* ~ *šaltag*.

Šanaga 'ковш', 'поварешка'; др.-тюрк. *čanaq* 'чашка, миска', 'блюдо'; кирг. *čanaq* 'коробочка хлопка'; туркм. *čānaq* 'деревянная миска', 'чашка'; ср.-монг. *šinaγa*, м.-п. *sinaγa*, дунс. *šinaγa*, мнгр. *šenaγa* 'ковш', 'поварешка', 'половник'; калм. *šanh*, м. *šanagan* 'ковш'.

Šara 'желтый', др.-тюрк., тув. *sariγ*, кирг. *sari*, туркм. *θārī*, ср.-монг., мнгр., мог., сч. *šira*, м.-п. *sira*, даг. *šara* ~ *šar*, дунс., калм., м. *šar*.

Šaraj 'лицо'; ср.-тюрк. (МА 135), алт. *čiraj* 'черты лица', 'красота лица'; тув. *širaj*, як. *siraj* ~ *sirej* (< монг.), ср.-монг., м.-п. *čiraj*, даг. *šarā* ~ *šarī*, калм. *čirā*, м. *tsaraj*, мнгр. *čirī* 'лицо', 'лик', 'облик'.

В тюркских языках из персидского.

Šata 'ступень', 'ступенька лестницы'; др.-тюрк., ср.-тюрк. (МА 407) *šatu*, кирг. *šati*, тув. *čada*, м.-п. *šatun*, калм. *šat* 'лестница'.

Наиболее вероятный для тюркских языков источник заимствования персидский язык.

Šatar 'шахматы', др.-тюрк. *šatranj*; кирг. *šatraš* 'особый вид игры в шашки'; калм. *šatr*, м. *šatar* 'шахматы'.

В тюркских языках из персидского.

Šaxa- 'жать, давить', др.-тюрк., алт., кирг., тув. *siq-*, туркм. *θiq-*, каз., тат. *siq-*, ср.-монг. *šiγa-* ~ *šiq-* ~ *šixa-*, калм. *šax-*, мнгр. *šγā-*. Ср.: калм. *šaxur* 'пресс'.

Šā-, ср.: *šaxa-*.

**Šeg*, др.-тюрк. **siγ* (*sü-γ*), дунс. *čigi*, м. *šig* 'подобно, как'. Ср.: бур. *xüšeg* 'похожий на человека, как человек'.

Šelühen 'рысь', тат. *silävsin*, калм. *šilüsn*, м.-п. *silegüsün*, м. *šilüsen*.

Слово — не тюркское и, по-видимому, не монгольское, однако в тюркские языки, судя по внешнему облику приведенных выше слов, могло попасть из монгольских.

Šenže- 'наблюдать', 'исследовать, изучать'; др.-тюрк. *šina-* 'проверять, испытывать'; м. *šinj-* 'исследовать, изучать'. Ср.: каз. *šin* 'испытание'; туркм. *vin* 'обзор, наблюдение', *vinay* 'опыт, эксперимент'; калм. *šinjl-* 'исследовать', *šinjlt* 'эксперимент'.

В составе бурятского *šenže-* именная основа тюркского происхождения и аффикс отыменного образования глаголов *-že*.

Šeŋe- 'впитываться, всасываться', 'усваиваться', др.-тюрк., карач.-балк., кирг., тув. *siŋ-*, тат. *siŋ-*, ср.-монг., даг. *šeŋe-*, м.-п. *siŋge-*, калм. *šing-*, м. *šeŋe-*.

Šere 'краска', др.-тюрк., алт., шор. *sir*, м.-п. *sir*, калм., м. *šir*.

В тюркских языках из персидского. Существует также мнение о китайском источнике заимствования.²²

Šerem 'весенняя трава', тат. *čiräm* 'лужайка', 'трава, травка'.

Šexer 'сахар', тат. *šikär*, туркм. *šeker*, калм. *šikr*, м. *čixer*.

В тюркских языках из персидского.

Šešer- 'дрожать, трястись, трепетать', др.-тюрк. *titrä-* ~ *titri-*, тат. *titrä-*, туркм. *titre-*, м. *čičir-*.

Šig 'сырость, влажность'; ср.-тюрк. (At-tuḥfa 36a 10) *či* 'сырой, влажный'; туркм. *čig* 'сырой, недоварившийся', 'сырой, недоработанный', 'незрелый, зеленый'; як. *sik*, калм. *čig* 'сырость, влажность'.

Šog 'шутка, шалость', ср.-тюрк. *šox*, ср.-монг. (MA 159) *šox*, м.-п. *šoγ*, калм., м. *šog*; мнгр. *šoγjian* 'шумно, весело'.

В тюркских языках из персидского.

Šoglo- 'шутить', туркм. *šoxlan-*, м.-п. *šoyla-*, м. *šogl-*.

Šonxor 'сокол, кречет', др.-тюрк. *šunqur*, алт. *šonqor* (< монг.), кирг. *šumqar* (< монг.), ком. *šonur*, тур. *šunqur*, ср.-монг. *šinqor* ~ *šinxor*, м.-п. *šinqor* ~ *šonqur*.²³

Šordo 'щука', кирг. *čorton*, туркм. *čortan*, узб. *čürtan*, калм. *tsurx*, м. *tsurxaj*.

²² См.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. С. 67.

²³ Подробнее см.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 147-148.

Šulūn 'камень', др.-тюрк., алт., кирг. *taš*, чув. *čul*, ср.-монг. *čila'un*, м.-п. *čilaγun*, калм. *colun*, м. *čulūn*, бн. *taše ~ taze*, дунс. *taši*, мнгр., сч. *taš*. Ср.: мнгр. *tašči* 'каменщик'.

Связь м.-п. *čilaγun* с др.-тюрк. *taš* далеко не бесспорная, хотя нет серьезных оснований категорически исключать ее. Примечательно, что тюркское слово в ряде монгольских языков оказалось в числе позднейших заимствований.

Tabaq 'тарелка', '(деревянное) блюдо', 'чаша', алт., карач.-балк., тат. *tabaq*, туркм. *tābaq*, калм. *tavq*, м. *tavag*, мнгр. *tavaγ*.

Tabgaj 'ступня, подошва', 'стопа', 'лапа', др.-тюрк. *taban* 'ступня, подошва'; алт. *taman* 'подошва (обуви)', 'стопа (ноги)'; калм. *tavq*, м. *tavxaj* 'ступня, подошва', 'лапа'.²⁴

Tahata 'кожаный ремешок', тат., туркм. *tasma*, калм. *tasm*, м. *tasam*.

Tajaq 'палка, костыль, посох', др.-тюрк., алт., кирг., ср.-монг. *tajaq*, м.-п. *tajaγ*, дунс. *taja*, калм. *tajq*, м. *tajag*. Ср.: др.-тюрк., кирг. *taja*- 'подпирать'.

Tajlag 'двухгодовалый верблюд'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 27a 10), кирг. *tajlaq*, узб. *tojloq* 'верблюжонок'; калм. *tāl'g*, м. *tajlag* 'верблюд-самец (от трех до пяти лет)'.²⁵

Talxan 'мука', 'толокно', 'тесто'; др.-тюрк., алт., тат. *talqan* 'поджаренная мука', 'толокно'; калм. *talxn* 'порошок'; мнгр. *talγa ~ tarγa* 'жареная мука'.

Talxi 'кожемялка', алт. *talqu*, ног. *talqī*, як. *talqī*.

Tama 'ад, преисподняя', др.-тюрк. *tamiγ ~ tami*, туркм. *tami*, узб. *tamiγ*, ср.-монг. *tamiq*, м.-п. *tami*, калм., м. *tam*.

В тюркских языках из иранских языков.

Tamga 'клеймо, тавро', 'тамга', 'печать', др.-тюрк., кирг. *tamγa*, алт. *taγta*, туркм. *taγta*, ср.-монг. *tamγa ~ tamxa*, м.-п., мнгр. *tamaγa*, калм. *tamh*.²⁵

Tamir 'сила', 'здоровье'; др.-тюрк. *tamar ~ tamur ~ tamir*, алт., кирг. *tamir*, тат. *tamir* 'кровеносный сосуд', 'жила'.

Tani- 'знать, узнавать', др.-тюрк., алт. *tani*-, ср.-тюрк., ср.-монг., м.-п., бн., даг., дунс., мнгр. *tani*-, калм. *tan*'-.

²⁴ Сводку высказываний о др.-тюрк. *taban* и, в частности, о характере связи с ним бур. *tabagaj* см.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д". С. 110-112.

²⁵ О слове *tamγa* в тюркских языках см.: Самойлович А.Н. О «пайза-байса» в Джучиевом улусе // ИАН СССР. Сер. VI, 1926. XX, 12. С. 1111 сл. См. также: Щербак А.М. 1) Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 152-153; 2) Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков. СПб., 2001. С. 36, примеч. 16.

Не исключено, что в тюркских языках является довольно ранним заимствованием из иранских языков, ср.: перс. *danistan* 'знать, узнавать', основа настоящего времени *dan*-.²⁶

Tara- 'расходиться, разбежаться, рассеиваться'; др.-тюрк. *tara-* 'расчесывать', 'рассеивать'; ср.-монг. (Ну II 77) *tarza-*, м.-п., даг. *tara-*, калм. *tar-* 'расходиться, рассеиваться'. Ср.: бур. *tarmūr* 'грабли'.

Tar'an, др.-тюрк. *tariy* 'хлеб', 'зерно'; кирг. *tarū*, туркм. *darī* 'посо'; ср.-монг. *tarijan* ~ *tari'an*, бн. *taraŋ*, даг. *tarē*, дунс., сч. *taran*, м.-п. *tarija*, м. *tar'an*, мнгр. *tarā* 'посев', 'пашня', 'хлеб'; калм. *tārān* 'хлеб', 'зерно'.

Бурятское *tar'an* восходит к среднемонгольскому *tarijan* (< **tariyan*) и стоит в одном ряду с такими словами, как *tari-* 'сеять', 'сажать', *tar'ašan* 'земледелец', *tarisa* 'сев', 'посев'.

Tar'ašan 'земледелец', др.-тюрк. *tariyčī*, м.-п. *tarijačīn*, даг. *tarēčīn*, калм. *tārāč*, м. *tar'ačīn*, мнгр. *tarāčī*. Ср.: др.-тюрк. *tari-*, уйг. *tä(r)*- 'сеять, засеивать'.

Занятие земледелием, как и скотоводством, у тюркских народов началось безусловно намного раньше, чем у монгольских, и вся совокупность слов, обозначающих сами занятия, цель и результат их, а также лиц, занимавшихся земледелием, в монгольских языках тюркского происхождения.

Tari- 'сеять', 'сажать', др.-тюрк., алт. *tari-*; кирг. *tari-*, ср.-монг. *tari* ~ *tarijala-*, бн. *tare-*, даг., дунс., мнгр. *tari-*, калм. *tār-* 'сеять', 'сажать', 'обрабатывать землю'.

Tarig: *urag tarig*, см.: *urag*.

Tarisa 'сев', 'посев', ср.: *tar'an*.

Tarmūr 'грабли'; алт., кирг. *taraq*, узб. *taroq* 'гребень'. Ср.: др.-тюрк., алт. *tara-*, туркм. *dara-* 'расчесывать'; кирг. *tara-* 'расчесывать', 'боронить, грести, ворошить граблями'.

В слове *tarmūr* тюркизмом является лексический компонент, аффиксальная морфема же — монгольского происхождения, опосредованная производящая основа бурятская: *tarma-* 'грести, сгребать (сено)'.

Tata- 'тянуть, тащить', др.-тюрк., алт., сиб.-тат. *tart-*, узб. *tort-*, уйг. *tart-*, ср.-монг., м.-п., даг. *tata-*, калм. *tat-*.

Taxa 'подкова', алт., уйг. *taqa*, тат. *dağa*, сиб.-тат. *tağa*, даг. *take*, калм., м. *tax*.

Tax'a 'курица', др.-тюрк. *taqıyū*, ср.-тюрк. (At-tuhfa 15a 5) *tavıq*, алт. *taqā*, ср.-монг. *taqi'a*, *taxaqui*, бн. *taxa*, дунс. *tīqa*, калм. *taka*, м. *tax'an*, мнгр. *taqū* ~ *taqu*, сч. *toqo*.

²⁶ Подробно о существующих этимологиях *tani-* см.: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 393-394.

Tā- 'отгадывать', др.-тюрк.; уйг. *tap-* 'находить', 'обнаруживать'; ср.-монг. *ta'a-*, м.-п., дунс. *taγa-*, бн., калм., м., мнгр. *tā-* 'отгадывать'. Ср.: бур. *tābari (tā-bari)* 'загадка'; др.-тюрк. *tapiz-* 'загадывать загадку', *tapzuγuq* (МК I 462) 'загадка'.

Заемствованное слово подверглось характерному для монгольских языков структурно-фонетическому освоению: *tap-* > *taba-* > *taβa-* ~ *taγa-*, после чего появилась почва для образования вторичной долготы.

Tebene 'большая игла', др.-тюрк. *temän jignä*, туркм. *temen*, калм. *temn*, м. *tevne*.

Teβše 'небольшое корыто', 'деревянное блюдо'; др.-тюрк. *tevsi*, ср.-тюрк. (At-tuhfa 22a 1) *täbsi*, тур. *tepsi* 'блюдо, поднос'; алт. *teṗši* ~ *teṗiš*, кирг. *teṗši* 'долбленое деревянное корыто'; сиб.-тат. *tēṗši* 'лоток для муки', 'корыто'; м.-п. *tebsi*, калм., м. *tevš* 'корыто', 'продолговатое блюдо'; бн. *devše* 'тарелка'; мнгр. *debji* 'тарелка', 'деревянное блюдо'.

Древнетюркское *tevsi*, предположительно, из китайского.²⁷

Temēn 'верблюды', др.-тюрк. *tevä*, ср.-монг. *teme'en* ~ *temēn*, м.-п. *temegen*, даг. *temē* ~ *temēn*, мнгр. *timiēn* ~ *temen*, калм. *temän*, м. *temēn*, сч. *time*.

Temēn — заимствование из тюркских языков, подвергшееся не только фонетическому, но и морфологическому освоению: *tevä* > *temegen* > *temēn*.

Teγ 'равно, одинаково', 'наравне, поровну'; др.-тюрк., алт., як., ср.-монг., м. *teγ* 'равный, одинаковый', 'равно, одинаково'.²⁸

Teγeri 'небо', 'небожитель'; др.-тюрк. *tāγri* ~ *teγri*, алт. *teγeri*, ср.-монг. *teγri*, м. *teγer* 'небо', 'бог'; сч. *teγri*, даг. *teγer* ~ *teγger*, калм. *teγgr*, мнгр. *teγeri* 'небо'.

Этимология не ясна, хотя связь первого компонента с китайским *tān* 'небо' как будто бы очевидна.²⁹

Teγis: *teγis dalaj* 'море', др.-тюрк. *teγiz*, кирг. *teγiz* ~ *deγiz*, туркм. *deγiz*, калм. *teγgs*, м. *teγes*; алт. *teγiz* 'океан'.

Terlig 'летний халат'; алт. *terlik* 'национальный женский костюм-халат'; каз. *terlik*, уйг. *tä(r)lik*, калм. *terlg* 'потник'.

И словоформа в целом, и производящая основа тюркского происхождения, ср.: др.-тюрк., каз. *ter*, уйг. *tä(r)* 'пот'. *-Lig* ~ *-lig-* — аффикс отвлеченных имен существительных и относительных прилагательных.

²⁷ Ср.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. С. 68. См. также: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 403.

²⁸ Существует мнение о китайском происхождении слова *teγ*. См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». С. 193.

²⁹ Ср.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. С. 83.

Terte 'распорка', 'подпорка'; уйг. *tärtä* 'оглобля'. Ср.: др.-тюрк. *tart-* 'тащить, тянуть'.

Связь, устанавливаемая между бурятским *terte* 'распорка', 'подпорка' и др.-тюрк. *tart-* 'тащить, тянуть', не безупречна, однако следует обратить внимание на отсутствие в монгольских языках слов, сопоставимых с *terte*.

Teze 'козел', др.-тюрк., уйг. *tekä*, ср.-монг., алт., кар. *teke*, калм. *tek*.

Tērme 'мельница', др.-тюрк. *tegirmän*, алт. *tērmēn*, кирг. *tegirmen*, крым.-тат., туркм. *degirmen*, сиб.-тат. *tägirmän*, шор. *tērbēn*, ср.-монг. *tegirmen*, бн. *termaŋ*, калм. *tērm*, м. *tērem*, мнгр. *terme*, мог. *tērmōn*.

Toborog ~ *tōrog* 'пыль', 'прах', 'земля'; др.-тюрк. *topraq*, алт. *tobraq*, дунс. *tura*, аз. *torpaŋ*, кар. *topraq* ~ *toprax* 'земля, почва'; калм. *tovrg* 'пылинка'; м. *tovrog* 'прах, пыль'.

Др.-тюрк. *topraq* Дж. Клосон рассматривает как отглагольное имя, образованное присоединением аффикса *-q*.³⁰

Torgon 'шелк'; др.-тюрк. *torqu*, алт., кирг. *torqo*, каз. *torqa*, сиб.-тат. *tōrŋa*, шор. *torŋu* 'шелк', 'разновидность шелковой ткани'; долг. *torŋo* 'ткань', 'тряпка'; ср.-монг., м.-п. *torŋan*, даг. *torgo* ~ *torog* ~ *torogo* ~ *toroha* ~ *torho*, калм. *torhn*, м. *torgon*, мнгр. *torŋu*, сч. *torgo* 'шелк'.

В тюркских языках — заимствованное слово, источник заимствования неизвестен. Примечательно, что, например, в диване Махмуда Кашгари встречается около двадцати наименований тканей, но, пожалуй, ни одно из них не может быть с уверенностью отнесено к собственно тюркским.

Torom 'двухлетний верблюжонок'; др.-тюрк. *torum*, тув. *dorum*, туркм. *tōrum*, калм. *torm*, м. *torom* 'годовалый верблюжонок'.

Как отмечалось выше, названия верблюдов, возрастные наименования их и слова, обозначающие предметы хозяйственного назначения, которые связаны с верблюдом, в монгольских языках почти полностью являются тюркизмами.

Tošon 'наледь'; др.-тюрк., алт. *toš*, тат. *tuš*, тув. *doš* 'лед', 'наледь'.

Toti 'попугай', тур. *tuti*, узб. *tūti*, калм. *tot*'.

В тюркских языках из персидского.

Toxom 'потник', 'войлок под седло', 'кошма', кирг. *toqum*, м.-п. *toqum*, бн. *toxom*, дунс. *toŋun*, калм. *toxm*, м. *toxom*.

Вполне допустимо образование *toqum* от *toqu-* 'ткать'. Отнесение бурятского *toxom* к лексическому фонду монгольских языков затруднено наличием тюркского аффикса. Ср.: даг., м. *tozo-* 'седлать'.

³⁰ См.: Clauson G. An etymological dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 443, 444. См. также: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 412-413.

Tōdog 'дрофа', др.-тюрк. **toγdaq*, ср.-тюрк. *toγdaq*, аз. *dovdaγ*, кар. *duvadaγ*, ср.-монг. *toγdaj*, м.-п. *toγudaγ*, калм. *tōdg*, м. *tōdog*.

Наименование дрофы в ряде тюркских языков — явные перезаимствования. Более того, нет достаточной уверенности в том, что слово *tōdog* тюркизм или монголизм.

Tōhon 'пыль', др.-тюрк., кар., кирг. *toz*, алт. *tozīn*, туркм. *tōδ* ~ *toδan*, м.-п. *toγosun*, ср.-монг. *to'osun*, калм. *tōsn*, м. *tōson*; уйг. *toz* 'мучная пыль', *tozan* 'пыль'.

Замечаемые, на первый взгляд, существенные фонетические различия между тюркскими и некоторыми монгольскими словоформами сводятся главным образом к особенностям передачи в среднемонгольском и монгольском письменном языках тюркской этимологической долготы гласных, ср.: тюрк. **tōz*, ср.-монг. *to'osun*, м.-п. *toγosun* 'пыль'; тюрк. **kōrūk*, м.-п. *kōgerge* 'кузнечный мех, горн'.

Törseg 'крынка'; кирг. *torsuq*, хак. *torsix* 'бурдюк для хранения и перевозки жидкостей'; узб. *türsiq* 'бурдюк для кумыса'.

Tug 'знамя, флаг', др.-тюрк. *tuγ*, каз. *tu*, калм., м. *tug*.

Tuha 'польза, выгода', др.-тюрк. *tusu* ~ *tusuγ*, ср.-монг., м.-п., дунс., сч. *tusa*, даг. *toso* ~ *tus*, калм., м. *tus*, мнгр. *tusā*, алт., шор. *tuza*, як. *tuha* (< монг.).

Широкий гласный в конечной позиции — отличительный признак монгольских словоформ.

Tura 'изба, дом', 'город'; др.-тюрк. *tura* 'укрепленное жилище'; ср.-тюрк. (At-tuhfa 48b 1) 'стоянка'; кирг. *turaq* 'местожительство, обиталище', 'стоянка, стойбище'; узб. *turar uj* 'жилой дом, жилье'; м. *tur* 'цитадель', 'городок'.

Tura- (бох., эхир.) 'тощать, худеть', др.-тюрк. *tur-*. Ср.: др.-тюрк. *turuq*, ср.-монг. *turaγi*, *turuxan*, м.-п. *turaγqaj*, *turaqan*, бур. *turaγi*, *turanxaj* 'тощий, худой'; калм. *turηxa*, м. *turanxaj*.

Tusā 'путы', др.-тюрк. *tušaq*, алт. *tužaq*, каз. *tüşav*, кирг. *tušō*, ср.-монг. *tušaq*, м.-п. *tusija*, калм. *tuša*. Ср.: др.-тюрк. *tuša-*, алт. *tuža-*, калм., м. *tuš-* 'надевать путы, опутывать'.

Tutraga 'рис', др.-тюрк. *tuturqan* ~ *tutturqan*, ср.-монг. (L 1268), м.-п. *tuturyan*, калм. *tutrh*, м. *tutraga*.³¹

В тюркских языках рассматривается как монголизм, хотя больше оснований считать его тюркизмом в монгольских языках. Впрочем, и для тюркских языков *tuturqan* не вполне обычное слово. В соответствующем значении в них широко используются заимствованные слова.

³¹ См.: Clauson G. An etymological dictionary... P. 460; Ligeti L. Histoire du lexique des langues turques // RO (1951-1952), 1953. XVII. P. 87.

Tūlaj 'кролик', 'заяц', др.-тюрк. *tavišqan* ~ *tavişyan* ~ *tabişyan* ~ *tavšan*, аз. *dovšan*, кар. *tavšan*, кирг. *tavişqan*, туркм. *tovšan*, алт. *tulaj* (< монг.), бн. *tolī*, даг. *taul'ē*, калм. *tūla*, м. *tūlaj*, мнгр. *tūlī* ~ *tuli*.

Слово *tūlaj* представляет, пожалуй, единственный случай так называемого чистого ламбдаизма, если не принимать во внимание м.-п. *čilaγun* 'камень', связь которого с др.-тюрк. *taš* в общем очевидна, но все же вызывает некоторые сомнения. Ср.-монг. *tablqaj* как будто бы препятствует такому заключению (др.-тюрк. *š*, м.-п. *bl*). Однако не исключен вариант с гласным, т.е. *tabilqaj* (ср.: м.-п. *taulaj*), и тогда указанное выше соответствие может стать вполне вероятным. Все другие слова, приводимые в специальной литературе в качестве иллюстрации ламбдаизма, на самом деле содержат ламбдаизм смешанного типа, когда тюркскому *š* в монгольских языках соответствуют сочетания *lj*, *lč*, *lb*, например: др.-тюрк. *ešäk* ~ *eškäk*, м.-п. *eljigen* 'осел'; др.-тюрк. *qašqa* ~ *qašya* 'белая отметина на лбу животного'; ср.-монг. (МА 289) *qalčaq morin* 'лошадь с белым пятном на голове'; др.-тюрк. *qašiq*, м.-п. *qalbuγa* 'ложка'.³²

Tüged 'полный', 'полностью, целиком', 'всё', др.-тюрк. *tükäl*, туркм. *tükel*, ср.-монг. (МА 358) *tügel*; др.-тюрк. *tükäti* 'совершенно, целиком, полностью'. Ср.: др.-тюрк. *tükä-*, бур. *tüges-* 'завершаться, заканчиваться'.

Tüjse 'туес, коробка из бересты'; тат. *tuz* 'береста'; сиб.-тат. *töjös* 'туесок'.

Tül 'приплод', 'молодняк', др.-тюрк., каз., уйг., калм., м. *töl*; хак. *töl* 'поколение', 'потомство'. Ср.: калм. *tölg*, м. *tölög* 'ягненок'.

Tümer 'железо', др.-тюрк. *temir* ~ *temür*, алт. *temir*, уйг. *tömü(r)*, шор. *tebir*, ср.-монг. *temür*, бн. *temer*, калм. *tömr*, сч. *temur*, м. *tömör*.

В монгольских языках *tümer* ~ *temer* — тюркизм, но на тюркской почве др.-тюрк. *temir* ~ *temür* не этимологизируется. Вполне вероятно, что слово было заимствовано из третьих языков. Источник заимствования неизвестен.³³

Tümerše(n) 'кузнец', аз. *dämirji*, кар. *temirči*, туркм. *demirči*, уйг. *tömü(r)či*, ср.-монг. *demürči*, мнгр. *temurči*.

Türe 'правление'; др.-тюрк. *törü* 'порядок, правило, закон'; ср.-тюрк. (At-tuħfa 24b 1) 'обычай, закон, обычное право'; тур. *türe*, мнгр. *turō* 'закон, устав, правило'; м. *tör* 'строй, режим, власть', 'правление'; калм. *tör* 'правление, управление (государственное)'.

Türe 'свадебный пир', др.-тюрк. *törü*; м. *tör* 'пир, свадьба'.

³² Ср.: Ibid. P. 447.

³³ Ср. у Г.Дёрфера (TMEN. II. S. 666-667).

Türe- 'рождаться (о человеке)'; др.-тюрк. *törü-* 'происходить, возникать', 'рождаться', 'рожать'; алт., кирг. *törö-* 'рожать (о женщине)'; туркм. *döre-* 'возникать, образовываться, появляться', 'рождаться'; уйг. *töräl-* 'зарождаться'; ср.-монг. *töre-*, м.-п. *törü-*, даг. *ture-* ~ *tur-*, мнгр. *turo-* 'рождаться'; м. *törö-* 'рожать'.

Türxem 'родственники замужней женщины'; др.-тюрк. *törkün* 'род', 'племя', 'родственники, родные'; алт. *törögön* 'родственник'; кирг. *törkün*, сиб.-тат. *türkün*, калм. *törkn*, м. *törxöm* 'родственники замужней женщины'.

Tüxer'ēn 'круг', см. *düxerig*.

Ubsansa 'монахиня', 'дама, барыня', др.-тюрк. *upasanč*.

В тюркских языках из иранских.

Ubsa 'мирянин, принявший монашеский обет', ' послушник', др.-тюрк. *upasi*.

В тюркских языках из иранских.

Udagan 'шаманка'; др.-тюрк. *īduq* ~ *īduq* 'священный'; м.-п. *iduγan* ~ *uduγan*, даг. *jadagan* 'шаманка'.

Ula ' подошва (ноги)', ' подошва', ' подметка'; др.-тюрк. *ül* ~ *ul* ' подошва', ' подметка', ' основание'; ср.-монг. (Ну II 83), м.-п. *ula*, ср.-монг. (МА 186) *hula*, бн. *la*, даг. *wuala*, калм. *ul*, мнгр. *ulā*, сч. *ula* ' подошва', ' подметка'. Ср.: хак. *ultuγ* ' подошва (ноги)', ' подметка', *ulturux* ' стелька в обуви'; долг., як. *ulluγ*, даг. *vala* ' подошва (ноги)', ' подметка'; калм. *ul'trg* ' стелька'.

Ulam ' всё больше'; др.-тюрк., алт., кирг., ср.-монг. *ulam* ' постоянно, непрерывно'; м.-п. *ulam*, калм. *ulm* ' еще, всё больше'. Ср.: кирг. *ula-* ' соединять концами', ' надставлять', ' продолжать', ' воспринимать', ' следовать за кем-либо, за чем-либо'.

Ulam ' подпруга'; др.-тюрк. *ulam* ' опора'; алт. *ulama* ' оглобля'; калм. *olγ*, м. *olom* ' подпруга'.

Ulas ' народ', ' страна'; др.-тюрк. *uluš* ' селение'; ср.-монг. (МА 204) *ulus*, калм. *uls*, хак. *ulus* (< монг.) ' народ'.

Ulā ' подвода, телега'; др.-тюрк. *ulaγ* ' вьючное животное', ' почтовый транспорт на перегонах'; туркм. *ulaγ* ' верховое или вьючное животное', ' транспорт'; уйг. *ulaq* ' тягловый скот, тягло'; хак. *ulaγ* ' подвода'; м.-п. *ulaγan*, м. *ulā* ' почтовый транспорт', ' подвода'. Ср.: др.-тюрк. *ula-* ' соединять, связывать', *ulaγ* ' соединение, связь'.

Ulāšan ' возчик'. Вероятный источник заимствования — один из тюркских языков. Вместе с тем возможно образование *ulāšan* от *ulā* в самом бурятском языке, так как тюркский аффикс имени действующего лица *-čī* стал продуктивным и в нем (> *-šan*).

Umaj ' матка, утроба'; др.-тюрк. *umaj* ' послед', ' чрево матери'; ср.-

тюрк. (At-tuhfa 13b 9) *umaj* 'освобождение (женщины) от последа', 'покровительница рожениц и новорожденных'; калм. *ома*, м. *umaj* 'утроба, чрево'.

Хотя слово *umaj* встречается в древнейших тюркских текстах и имеет прямое отношение к пантеону тюркских божеств, не исключено, что оно является заимствованием из иранских языков.³⁴ Д. Синор убежден, что слово *umaj* монгольского происхождения.³⁵

Urag 'родственник', др.-тюрк. *uruγ*, уйг. *uruq-tuqqan*, як. *urū*, ср.-монг. *uruq* ~ *urux*, м.-п., мнгр. *uruγ*. Ср.: бур. *urag tarig*, др.-тюрк. *uruγ tarīγ* 'родственники, родня'.

Urga 'шест с петлей (для ловли лошадей или скота)'; др.-тюрк. *uqrug* 'аркан', *uruq* 'веревка'; ср.-монг. *uruqa* ~ *huraqa*, калм. *urx* 'петля, силок'; м.-п. *urγa*, даг. *urga* 'аркан'. Ср.: кум. *irγaq* 'крюк'.³⁶

В данной словарной статье объединены, по-видимому, разные по происхождению слова, тем не менее мы сочли целесообразным объединить их для облегчения дальнейших поисков.

Ur'xa 'силок, ловушка, петля', см.: *urga*.

Ušar 'случай, обстоятельство', кирг. *ušur*, калм. *ušr*, м. *ušir*.

Ušar- 'встречать', 'встречаться'; др.-тюрк. *ušra-*, ср.-тюрк. *ušra-*, кирг. *ušura-* 'встречаться'; ср.-монг. *ušira-*, даг. *vašira-*, дунс. *vošira-*, калм. *ušr-*, м. *ušir-*, мнгр. *šjurā-* 'встречать', 'встречаться'.

Uxān 'ум, разум, рассудок', даг. *ukā*, калм. *uxan*, м. *uxān*. Ср.: м. *uxa-*, др.-тюрк., уйг. *uq-* 'понимать', 'разуметь'; др.-тюрк. *uquγ* 'разум, разумение'.

Uža- 'тянуться', 'длиться'; др.-тюрк. *uza-* 'затягиваться, тянуться'; алт., тув. *uza-*, уйг. *uza(r)* 'удлиняться, протягиваться'.

Užag 'длинный, затяжной'; др.-тюрк., алт., уйг. *uzaq* 'долгий, продолжительный'; тув. *uzaq* 'далекий', 'дальний'.

Urag 'молозиво', др.-тюрк. *aγuz* ~ *aγuz* ~ *oγuz*, як. *uosaq*, алт. *ūraq* (< монг.), як. *uγuraq* (< монг.), калм. *ūrg*, м. *ūraq*.

Нельзя полностью отрицать возможность тюркского происхождения рассматриваемого слова. Все же наличие варианта с конечным *ž*, не характерным для тюркских языков, побуждает считать вопрос о первоначальном источнике бурятского *ūraq* открытым. Между тем непосредственный источник очевиден.

Ühōn 'мечь', 'злоба', др.-тюрк., алт., кирг. *ōč*, тат. *üč*, калм. *öšān*, м. *öšōn*.

³⁴ Ср.: Clauson G. An etymological dictionary ... P. 164-165.

³⁵ Sinor D. «Umaj», a Mongol spirit honored by the Türks // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies. Taipei, 1984. P. 1777.

³⁶ Обзор этимологий см.: Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. S. 423-424.

Ülge - 'цеплять, вешать', др.-тюрк., алт., кирг., хак. *il-*, тат. *il-*, калм. *ölg-*, м. *ölgö-*. Ср.: сиб.-тат. *ilgik* 'петля для пуговицы'; кум. *ilmek* 'петля'. Ср.: тув. *ülgür* 'посудная полка' (< монг.).

В данной параллели неясность может быть лишь в отношении причины появления дополнительного слога в монгольских языках. Следует учитывать нередкое для последних осложнение заимствованной глагольной основы собственным словообразовательным элементом, являющееся следствием ее морфологического освоения.

Ülge 'вешалка'; кирг., кум. *ilgič*, тат. *ilgič*, сиб.-тат. *ilgitsä* 'вешалка', 'крюк, запор'. Ср.: бур. *ülgür*, калм. *ölgür*, м. *ölgür* 'вешалка'.

В последней группе слов, также обнаруживающей связь с тюркской глагольной основой *il-* 'цеплять, зацеплять', присутствует собственно монгольский аффикс отглагольного образования имен *-gür* ~ *-gür*. Появление наряду с *ülge* в бурятском языке слова *ülgür* можно рассматривать как следствие субституции морфологического показателя словоформы, производящая основа которой поддается восприятию.

Ün'ēn 'корова', др.-тюрк. *iñäk*, ср.-монг. *ünejen*, м.-п. *ünige* ~ *ünije*, бн. *унаη*, м. *үнēп*.

Üñe 'цвет, окраска', 'вид, наружность'; др.-тюрк., як. *өñ* 'цвет, масть, окраска'; алт., хак. *өñ* 'цвет, окраска, оттенок'; кирг. *өñ* 'лицо', 'цвет лица', 'цвет'; ср.-монг. *өñe* 'наружность'; даг. *иñи*, дунс. *иñie* 'лицо', 'облик'; калм. *өñг*, м. *өñө* 'цвет, окраска'; мнгр. *ηguo* 'цвет, окраска', 'внешний вид'.

Üre 'плод', 'семя', 'зерно'; алт. *üren* (< монг.), бн., дунс. *fure* 'семена'; даг. *xur*, мнгр. *furiē* 'семя', 'зародыш'.

Не исключена возможность связи с др.-тюрк. *uruγ* 'семя', 'зерно', тем более что в монгольских языках отсутствуют какие-либо лексические параллели. Вместе с тем нельзя не признать наличие значительных трудностей в объяснении структурно-фонетических расхождений между бур. *üre* и др.-тюрк. *uruγ*.

Ürge- 'пугаться', др.-тюрк., туркм. *ürk-*, алт. *ürkü-* (< монг.), ср.-монг. *ürgü-*, калм. *ürg-*. Ср.: сиб.-тат. *örgäk* 'трусливый'.

Üri 'ребенок'; др.-тюрк. *urī* 'мальчик', 'юноша', 'сын'.

В древнетюркском языке *urī* часто встречается в старописьменных текстах вплоть до XI в. (например, в диване Махмуда Кашгари), однако в современных тюркских языках отсутствует. Таким образом, появление данного слова в бурятском языке следует отнести к раннему периоду времени. Если рассматриваемая параллель не является случайной, то проблема ранних бурятско-тюркских лексических связей может стать предметом продуктивных специальных исследований.

Üzeg, см. *üzeg*.

Üxer 'крупный рогатый скот', 'вол, кастрированный бык'; др.-тюрк. *öküz*, туркм. *öküđ*, кирг. *ögüz*, тат. *ügiz*, як. *оγus*, ср.-монг. *üker* ~ *hüker*, мнгр. *fuguor* 'бык, вол'; даг. *xukur*, дунс. *fugier*, м. *üxer* 'крупный рогатый скот'; калм. *ükr*, сч. *ukur* 'корова'.

В тюркских языках, предположительно, из тохарского, ср.: тох. А *ökäs*, тох. В *okso*. Г.Дёрфер пытается возвести др.-тюрк. *öküz* к индоевропейскому архетипу с начальным *p* и конечным *r* в основе, ср.: лат. *pekor*,³⁷ однако эту попытку, обусловленную оригинальным толкованием соответствия в тюркских языках *z* звуку *r*, нельзя считать удачной.³⁸

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что непротетический *p* в словах любого происхождения, попадавших в среднемонгольский язык из тюркских языков, не переходил в *h*. Ср.-монг. *hüker* не может восходить ни к **püker*, ни к **pökür*. Оно несомненно примыкает к чувашскому *văgăr*, причем монгольский ротацизм ни в коем случае нельзя рассматривать как собственно монгольское явление: очевидно, речь должна идти о последствиях ранних тюркско-монгольских языковых связей, конкретно о последствиях связей древнемонгольского языка с одним из древнетюркских диалектов чувашского типа.³⁹

Üzeg 'буква', др.-тюрк. *üzäk* ~ *üzik* ~ *üzük*, калм. *üzg*, м. *üseg*; даг. *xusug* ~ *usugu* ~ *usug* 'слово', 'язык', *usuh* 'разговор, беседа'. Ср.: алт. *üzük bičik* 'вертикальное письмо' (< монг.).

Üzem 'изюм'; др.-тюрк. *üzüm*, туркм. *üdüm* 'виноград'; калм. *üzт* 'изюм'.

В бурятском языке, возможно, — из русского.

Xabda- 'вздуться, опухать', др.-тюрк., кирг., тат. *qabar-*, туркм. *qābar-*, даг. *xavda-*, калм. *xavd-*. Ср.: тув. *xavaŋ* 'опухоль', 'отек'.

Предположительно, восходит к *xab* с не вполне определенным значением, хотя все производные словоформы образуют группу, имеющую четко очерченные семантические границы: 'пухлый', 'вздутие', 'опухоль'.

Xabša- 'сжимать, сдавливать'; др.-тюрк. *qar-* 'хватать, захватывать'; кирг. *qar-*, хак. *xar-* 'хватать (руками, зубами, ртом)'; туркм. *γar-* 'ловить, захватывать'; м.-п. *qabči-*, даг. *xavči-*, калм. *xavč-* 'жать, зажимать', 'сжимать, сдавливать'. Ср.: бур. *xabšag* 'щипцы', *xabšūr* 'клещи'; калм. *xavčar* 'скрепка (для бумаги)'.

Компонент *ša* в бурятском *xabša-* — аффикс отыменного образова-

³⁷ Doerfer G. *Mongolo-Tungusica*. *Tungusica* 3. Wiesbaden, 1985. S. 67.

³⁸ Ср.: Sinor D. *Some Altaic names for bovines* // АОН, 1962. XV. P. 317-318.

³⁹ Подробнее см.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 48-54.

ния глаголов, присоединенный к тюркской глагольной основе в ходе ее морфологического освоения.

Xabxag, др.-тюрк. *qaraq*, туркм. *γaraq* 'крышка'; др.-тюрк. *qarγaq* 'колпачок, надеваемый на колчан'; м.-п. *qabqay* 'крышка'; хак. *xarxax*, калм. *xavxg* 'капкан'.

Мы вправе допустить смешение в древнетюркском языке двух разных по происхождению глагольных основ: *qar-* 'закрывать' и *qar-* 'хватать, захватывать', в определенной мере семантически близких. Все же кажется более вероятным наличие одной глагольной основы и появление существенно различающихся значений только на уровне производных словоформ со значениями 'крышка' и 'капкан', 'ловушка'.

Xabxān 'капкан', кирг., тат. *qarqan*, туркм. *γaran*. Ср.: др.-тюрк. *qar-* 'хватать, захватывать'.

Xada 'гора', 'скала'; др.-тюрк. *qaja*, туркм. *γaja*, хак. *xaja*, м.-п. *qadan*, даг. *xada* ~ *xad*, калм. *xad*, м. *xadan*, мнгр. *γada* 'скала, утес'.

Xada- 'прибивать', 'приколачивать', 'пришивать'; др.-тюрк. *qadu-* 'намetyвать, прошивать крупной строчкой'; кирг., тат. *qada-* 'вонзать, втыкать, вбивать', 'пришивать'; тув. *qada-* 'вбивать, вколачивать', 'втыкать', 'прикалывать'; хак. *xaza-* 'вонзать, втыкать', 'прикалывать', 'привязывать'; калм., м. *xad-* 'прибивать, приколачивать', 'пришивать'; даг. *xada-* 'пришивать (пуговицу)'.

Могло иметь место смешение разных глагольных основ, так как наличие в хакасском языке словоформы *xaza-* дает основание восстанавливать наряду с праформой **qada-* праформу **qada-*.

Xadāhan 'гвоздь'; др.-тюрк. *qadγuq* 'кол'; тув. *qadaγ* 'гвоздь' (< монг.); кум. *qaziq*, туркм. *γadiq* 'кол, колышек'; ср.-монг. *qadāsun* 'кол'; м.-п. *qadaγasun*, дунс. *qatasun*, калм. *xadasn*, м. *xadāsan* 'гвоздь'; калм. *hasn*, м. *gadasan* 'кол'.

Соотношение и характер взаимосвязи тюркских и монгольских словоформ со значениями 'прибивать', 'втыкать', 'кол', 'гвоздь' пока не поддаются четкому определению. По-видимому, для пренебрежения очевидными различиями между калм. *xadasn* 'гвоздь' (м. *xadāsan*) и *hasn* 'кол' (м. *gadasan*) нет достаточных оснований.

Xajrag 'точильный брусок', кирг. *qajraq*, узб. *qajroq*. Ср.: туркм. *γajra-*, узб. *qajra-* 'точить, оттачивать', 'отбивать (косу)'.

Xajša 'ножницы', др.-тюрк. **qajγčī*, кирг. *qajčī*, туркм. *γajčī*, м.-п. *qajičī*, калм. *xāč*. Ср.: др.-тюрк. *qaj-* 'сгибаться', 'поворачиваться'. Ср.-тюрк. (At-tuħfa 33b 11 M), як. *qipti* 'ножницы' образованы от другой основы.

Xalbaga 'ложка', др.-тюрк., туркм. *qasiq*, хак. *xaziħ*, ср.-монг. (MA 289) *qalbuγa*, мнгр. *xūγa*.

Соответствие монгольского сочетания *lb* тюркскому согласному *š* отмечено в двух-трех словах и не имеет никакого отношения к ламбдаизму, характерному лишь для чувашского языка.⁴⁰

Xalib 'форма для отливки пуль', 'калибр'; кирг. *qalip* 'модель, колodka'; кум. *qalip* 'форма, образец'; хак. *xalip*, як. *xalip* 'форма для отливки пуль'.

В тюркских языках из арабского, в монгольских же это слово не получило широкого распространения (калм. *kalibr* < рус.), и не исключена возможность заимствования бурятского *xalib* из русского языка.

Xalzagšan 'лысуха (о кобылице)'; др.-тюрк. *qašqa* ~ *qašγa* 'белая отметина на лбу животного'; ср.-монг. (МА 289) *qalčaq morin* 'лошадь с белым пятном на лбу', *qalčayaγaj* 'лысый'.

В очень редких случаях тюркскому *š* в монгольских языках соответствуют сочетания *lǰ*, *lč*, *lb*.

Xalzan 'лысый, плешивый (о человеке)', 'лысуха (птица)', 'животное с полоской на лбу'; др.-тюрк. *qašγa*, тат. *qašqa*, чув. *xuška* (< тат.) 'белое пятно на голове животного'; м. *xalzan* 'лысый, плешивый (о человеке)', 'лысина', 'звездочка на лбу (у животных и птиц)'.

Xatag 'весь', 'все', др.-тюрк. *qatıγ* ~ *qataγ*, хак. *xatix*, ср.-монг. *xatıx*, калм. *xatg*, м. *xatag*.

Xana- 'получать удовлетворение'; др.-тюрк., тат. *qan-* 'удовлетворяться', 'насыщаться', 'утолять жажду'; кирг. *qan-* 'удовлетворяться', 'утолять жажду'; туркм. *γān-* 'напиваться', 'получать удовлетворение'; як. *xan-* 'удовлетворять'; ср.-монг. *qana-* ~ *qanı-* 'утолять жажду'; калм. *xan-* 'получать удовлетворение', 'быть довольным', 'насыщаться'.

Xana- 'пускать кровь'; др.-тюрк., кирг. *qana-*, туркм. *γāna-* 'кровоточить, истекать кровью'. Ср.: др.-тюрк. *qan*, туркм. *γān* 'кровь'.

Xantarga 'ремень у удил'; др.-тюрк. **qantarıq*, тур. *qantarma* 'удила, трензель'; кирг. *qan̄tar-*, туркм. *γan̄tar-* 'привязывать лошадь, зацепив повод за луку'; м.-п. *xantaryγa*, м. *xantraga* 'поводья'.

Xara 'черный', др.-тюрк., кирг. *qara*, туркм. *γara*, ср.-монг., сч. *qara* ~ *xara*, даг. *xara* ~ *xar*, бн. *xera*, калм., м. *xar*, мнгр. *xara*, мого. *qarō*.

Xaranxi 'темнота', 'тьма, мрак', 'темный', др.-тюрк. *qaraηqu*, тат. *qaraηgı̄*, м.-п. *qatanγuj*, даг. *xaraηguj*, калм. *xarηhu*, м. *xaranxiγ*, мнгр. *xaraηγu*.

Связь древнетюркского *qaraηqu* с *qara* 'черный, темный' очевидна, однако структура его не вполне ясна.

Xarasa 'взгляд', кирг., узб. *qaraš*, калм., м. *xarts*. Ср.: ср.-тюрк., ср.-монг. *qara-*, калм. *xar-* 'смотреть'.

⁴⁰ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 135, 136, 151, 178.

Глагольная основа *qara-* ~ *xara-* — монгольского происхождения, на что впервые было указано А.Н.Самойловичем.⁴¹

В старописьменных тюркских текстах глагол *qara-* до XIII в. не встречается, таким образом, появление его в тюркских языках можно уверенно связать с интенсификацией монгольского влияния на них в период после начала монгольских завоеваний. Тем не менее, бурятское *xarasa* 'взгляд' едва ли монгольское образование (*xara-sa*). Что же касается хакасского *xaračī* 'зрачок', то здесь допускается связь не с *xara-* 'смотреть', а с *xara* 'черный'. Ср.: др.-тюрк. *qaraq* 'глазное яблоко'; туркм. *γaraq* 'зрачок'.

Xarā- 'ругать, проклинать', др.-тюрк., ср.-тюрк., алт., кирг., *qarγa-*, тур. *qaryī-*, хак. *xaryī-*, ср.-монг. *qarγa-*, м.-п. *qarija-*, бн., калм. *xara-*, даг. *xarā-* ~ *karā-*, дунс. *qara-*, мнгр. *xarā-*.

Xarša 'враждебный, чуждый', *šažanda xarša* 'антирелигиозный'; др.-тюрк. *qaršī* 'вражда, раздор, ссора', 'противоположный', 'противный, враждующий'; кирг. *qaršī* 'против, наперекор', '(выступающий) против'; тат. *qaršī* 'противостоящий, противоположный, противолежащий, противный'; туркм. *γaršī* 'противный', 'противоположный', 'встречный'; м. *xarš* 'чуждый, враждебный', 'противоположный' (с дат.-мест. п.).

Xas 'яшма'; др.-тюрк. *qaš* 'нефрит', *čeč qaš* 'бирюза' (?); др.-кирг. **qaša* ~ *qaš* 'железо'; ср.-тюрк. (At-tuħfa 20a 2) *qaš* 'камень'; кирг., кум. *qaš* 'драгоценный камень (вставляемый в перстень)'; ср.-монг. (Нү II 44) *xaš* ~ *xaši*, м.-п. *qas* 'нефрит'; даг. *kasō* ~ *kažo* 'железо'.

Ср.-монг. *xaš* ~ *xaši* — заимствование из тюркских языков, в которых рассматриваемое слово не относится к собственному лексическому фонду.

Xašarhan 'чешуя (рыбы)'; др.-тюрк. *qadiz* ~ *qadiz* 'кора (дерева)'; долг. *qatiriq* 'кора (дерева)', 'чешуя (рыбы)'; шор. *qastriq* 'чешуя (рыбы)'.

Хотя попытка сблизить бурятское *xašarhan* с древнетюркским *qadiz* ~ *qadiz* может оказаться неудачной, бесполезно наметить наиболее вероятный путь его предполагаемого заимствования. Непосредственным источником был, очевидно, тюркский язык, в котором рассматриваемое слово выступало в виде *qasiriq* ~ *qaziriq*. Как раз компоненту

⁴¹ См.: Самойлович А.Н. О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской республике. С. 2, 8 (неопубликованная статья: Архив востоковедов ИВ АН СССР в Ленинграде. Ф. II, оп. 4, 56). Значительно позднее то же самое было отмечено Г.Дёрфером и Л.Кларком. См.: Doerfer G. Рец. на: Fokos-Fuchs D.R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Ural-Altische Bibliothek XI. Wiesbaden, 1962 // UAJb, 1965. XXXVI, 1-2. S. 174-175; Clark L.V. Mongol elements in Old Turkic? // JSFOu, 1977. LXXV. P. 144-146.

qasir точно соответствует бур. *xašar*. -*Нан* морфологический элемент монгольского происхождения: нередко присоединяемый к именам существительным, он не придает им какое-либо определенное значение.

Хаšxar- 'кричать', 'вопить', кирг. *qičqir*-, хак. *xışxir*-.

Не представляет трудностей выделение из рассматриваемого глагола в тюркских языках изобразительного слова *qičq* ~ *qışq* ~ *xışx* с составом звуков, характерным для соответствующего разряда. Второй компонент — вспомогательный глагол *ur*-, нередко выступающий в ряде тюркских языков при образовании составных глаголов.⁴²

Xata- 'сохнуть, высухать, засыхать', 'становиться твердым', др.-тюрк., кирг., к.-калп. *qat*-, хак. *xat*-, ср.-монг., м.-п. *qata*-, даг., калм., м. *xata*-, мнгр. *xadā*-.

Xatan 'ханша', 'госпожа'; др.-тюрк. *qatun* 'госпожа', 'женщина знатного происхождения'; тур. *qadın*, узб. *xotin* 'женщина'; кирг., кум. *qatın* 'женщина', 'жена'; алт. *qadit* 'женщина', 'жена', 'замужняя женщина' (< монг.); ср.-монг., м.-п. *qatun*, калм. *xatn*, м. *xatan* 'госпожа', 'знатная дама'; даг. *katun* 'княгиня'.

Предполагаемый источник заимствования для тюркских языков — иранские языки.

Xatū 'твердый, крепкий', др.-тюрк. **qataγu* ~ **qatγi* ~ **qatγu*, **qatīγ*, кум. *qattī*, кар. *qatī*; як. *xatī* 'шип', 'неровность, шероховатость'; даг. *katō* ~ *katū*, дунс. *qitun*, калм. *xatu*, мнгр. *qatoγ* ~ *xadoγ* 'твердый'.

Xā- 'закрывать, затворять', др.-тюрк. **qap*-, ср.-монг. *qa'a*- ~ *xa'a*-, м.-п. *qayā*-, бн., даг., калм., мнгр. *xā*-, дунс. *qā*-. Ср.: др.-тюрк. *qarγa* 'ворота', *qarγaq* 'колпачок, надеваемый на колчан'; кирг. *qarqaq* 'крышка'; ср.-монг. *qa'alγa* ~ *qayalγa*, бур. *xālgā* 'ворота'.

Исходной для *xā*- послужила двусложная основа — **qαβa*- (**qayā*-) с дополнительным слогом, появившимся в ходе структурно-фонетического освоения заимствованного тюркского глагола. Чередование сонантов (*β* // *γ*) охватывает большую группу тюркизмов в монгольских языках, ср.: др.-тюрк. *kōprük* 'пена', ср.-монг. *kō'esün* (< *kōgesün* < **kōβesün*); др.-тюрк. *kōprük* 'мост', ср.-монг. *kū'ürge* (< *kügürge* < **küβürge*). Нельзя также не учитывать того, что в самих тюркских языках подобное чередование было обычным явлением, ср.: др.-тюрк. *suγ* и *sub* (*suβ*) 'вода'; тоф. *ōg* и др.-тюрк. *eb* (*eβ*) 'дом', 'жилище'; уйг. *tögā* и др.-тюрк. *tebā*, аз. *dāvā* 'верблюд'; др.-тюрк. *süglin* и *süvlin* 'фазан'.

Xān 'хан', 'верховный правитель', др.-тюрк. *qayān* ~ *qan* ~ *xaqan* ~ *xan*, ср.-монг. *qa'an*, (Ну II 41) *xaxan*, (МА 138) *xan*, м.-п. *qayān*, даг., м., мнгр. *xān*, калм. *xan*.

⁴² См.: Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. С. 179-180.

Тюркская титулатура — иноязычного происхождения, преимущественно китайского и иранского. Не является исключением и др.-тюрк. *qa-γan*, о языке-источнике которого нет единого мнения.⁴³

Xeb 'форма, модель, штамп', 'образец'; др.-тюрк., алт., кирг. *ker*, як. *kier* 'форма, модель'; хак. *kir*, шор. *ker* 'одежда', 'колодка (сапожная)'; ср.-монг. *keb* 'чучело'; калм. *kev*, м. *xev* 'форма', 'вид', 'модель'; даг. *xev* 'форма', 'отпечаток', 'след'.

Xereg 'дело', 'занятие', 'нужда, необходимость', 'нужный, необходимый'; др.-тюрк. *keräk*, алт., кирг. *kerek* 'нужный, необходимый'; хак. *kirek* 'нужно, необходимо', 'дело'; ср.-монг. *kerek* 'нужный'; бн. *kereγ* ~ *ker* 'нужно'; даг. *kereg* 'дело', 'нужда, необходимость'; калм. *kerg*, м. *xereg* 'дело'.

Xerše- 'резать, обрезать', 'крошить'; др.-тюрк., кирг., туркм., узб. *kert-* 'надрезать', 'делать метку'; хак. *kirt-* 'рубить, крошить', 'делать зарубку'; кум. *kert* 'надрез'; м.-п. *kerči-*, даг. *čarči-* ~ *čerči-*, дунс. *kiči-*, калм. *kerč-*, м. *xerč-*, мнгр. *kirji-* 'резать', 'рубить', 'крошить'.

Xeršem 'ломать', туркм. *kerč*, *kerčem*, калм. *kerčm*, м. *xerčim*.

Xeseg (*xeheg*) 'кусок'; др.-тюрк. *kesäk*, алт. *kezek*, кирг. *kesek* 'часть, отрезок, кусок'; тув. *kezek* 'часть', 'группа'; туркм. *kesek* 'кусок сухой глины'; ср.-монг. *kesek*, м.-п. *keseg* 'кусок', 'часть'.

Xibes 'ковер'; др.-тюрк. *kiδiz* ~ *kiviz*, кум. *kijiz* 'кошма, палас', 'войлок'; ср.-тюрк. (МА 404), ср.-монг. (МА 389) *kibiz*, даг. *kibes*, калм. *kevs*, м. *xivsen* 'ковер'.

Xilgana 'ковыль'; кирг. *qılqan* 'ость, усики (у колоса)'; тат. *qılγan* 'ковыль'.

Xilgāhan '(конский) волос', др.-тюрк. *qıl*, **qılaq*, алт., кирг. *qıl*, тув., хак. *xıl*, туркм. *γıl*, ср.-монг. *qılγasun*, м.-п. *kılγasun*, даг. *kilgās* ~ *kirgās*, калм. *kilhsn*, м. *x'algasan*.

Xilnseq 'грех, греховное деяние', др.-тюрк. *qılınč*, калм. *kilnts*, м. *xilents*.

Xina- 'проверять, наблюдать, следить'; др.-тюрк. *qīna-*, ср.-монг. *qīna-* 'мучить, пытать'; тур. *qīna-* 'хулить, порицать, осуждать'; туркм. *γīna-* 'мучить', 'подвергать пыткам'; кирг. *qīna-* 'прикладывать, плотно охватывать', 'подгонять'.

Xire 'грязь', др.-тюрк., алт., туркм., калм. *kir*, тув., м. *xir*.

Xirē 'ворон(а)', др.-тюрк., алт., кирг., тат. *qarγa*, туркм. *γarγa*, ср.-монг. *qarγa*, м.-п. *kerijen*, мнгр. *kerē*.

Скорее всего бур. *xirē* и др.-тюрк. *qarγa* восходят к образным (звукоподражательным) словам, и если это в самом деле так, то вопрос о

⁴³ См.: Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура. С. 83-84.

заимствовании снимается. Альтернативное решение: бур. *xir ē*, надежно реконструируемая праформа которого — **xirege*, несмотря на различие в качестве гласных (твердорядные // мягкорядные), может быть сопоставлено с др.-тюрк. *qarγa* как заимствованное слово.

Xirga — ‘стричь’, ‘срезать’; др.-тюрк., кирг. *qırq-*, калм. *kirh-*, м. *x'arga-*, ср.-монг. (МА 298) *qirγa* — ‘стричь’, (МА 440) *kirγa* — ‘брить’; мнгр. *čirγā* — ‘стричь’, ‘брить’.

Xirtag ‘мелкий снег’, ‘пороша’, ‘изморозь’; тат. *qırtaq qar*, хак. *x'irbix*, як. *qir'itax*, *qirraj xār*, як. (диал.) *qirataj xār*, *qiraha*, м.-п. *kiramaγ* ‘первый снег’, ‘пороша’; туркм. *γırtaq* ‘тонкий слой, тонкая пленка на поверхности воды’; калм. *kurtag*, м. *x'artag* ‘пороша’.

Xi ‘высохший коровий помет’, ‘навоз’, др.-тюрк. *qıγ*, як. *kī*.

Xog ‘труха, мусор’; др.-тюрк. *qoγ* ‘сор, соринка’; тув. *xoq* ‘сор, мусор’; як. *xox* (в *kir-xox*) ‘плотный слой грязи’; калм., м. *xog* ‘труха, сор, мусор’.

Xojtog ‘творог в сыворотке’, ‘кушанье из арсы и молока’; кирг. *qojutmaq* ‘питье из айрана, смешанного со свежим молоком’; тув. *xojtraq* ‘молоко, заквашенное особым способом’; як. *xojtox* ‘осадок, сгусток’ (*ūt xojtoγo* ‘сгусток в молоке’). Ср.: туркм. *γojī* ‘густой, плотный’.

Морфологический состав слова (*xoj-tog*) свидетельствует о тюркском источнике заимствования, что подтверждается также близостью его к собственно тюркским словам с идентичным фонетическим обликом и сходной семантикой, ср.: хак. *xojī-* ‘густеть, сгущаться’, *xojīt-* ‘сгущать’, ‘замешивать что-л.’; кирг. *qojuluq* ‘густота (раствора, молока и т.п.)’.

Xolbo- ‘связывать, соединять’, алт. *qolbo-*, як. *xolbō-* (< монг.), др.-тюрк., кирг. *qoš-*, ср.-монг. *qolba-*, м.-п. *qolba-* ~ *qolbu-*, калм. *xolv-*, м. *xolbo-*, мнгр. *xulō-*. Ср.: даг. *xolbō* ‘связь’.

Здесь мы сталкиваемся с тем же соответствием, что и в случае бур. *xalbaga* ‘ложка’; др.-тюрк. *qašiq*. Подробный разбор этого соответствия дан в предыдущем томе монографии.⁴⁴

Xoli- ‘смешивать’, ср.-монг., м.-п. *qoli-*, даг. *xoli-*, дунс. *xoji-*, мнгр. *xoli-*. Ср.: др.-тюрк. *qoš-*, калм. *xol'*.

Xonin ‘овца’, др.-тюрк. *qon* ~ *qoj* ~ *qoj*, *qojun* ~ *qojin*, хак. *xoj*, ср.-монг., м.-п., мог. *qonin*, бн. *xone*, даг. *xoni* ~ *xon'*, дунс. *γoni*, калм. *xōn*, м. *xon'* ~ *xonin*, мнгр. *xoni* ~ *qoni*, сч. *qoni*; бн. *xoneče* ‘пастух, чабан’.

Xono- ‘ночевать, проводить ночь’; др.-тюрк. *qon-* ‘опускаться, садиться (о птицах)’, ‘поселяться, оседать’; алт., кирг. *qon-* ‘опускаться, садиться (о птицах)’, ‘поселяться, оседать’, ‘останавливаться на ночь,

⁴⁴ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 135, 136, 178.

ночевать'; хак. *xop-* 'опускаться, садиться (о птицах)', 'поселяться, оседать', 'останавливаться на ночь, ночевать', 'опускаться, садиться (о солнце)'; даг. *xopo-*, калм. *xop-*, м. *xopo-* 'ночевать'.

Xonog 'сутки', алт. *qonog*, як. *xonug*, даг., м. *xonog*, калм. *xoŋ*.

Xonoso 'ночевка', 'ночлег'; як. *xonoŋo* 'ночевщик, гость'; кирг. *qonux* 'остановка на ночлег'.

Xoŋor 'соловый, светло-рыжий', др.-тюрк., кирг. *qoŋur*, алт. *qoŋir*, як. *xoŋor*, даг. *koŋor* ~ *xoŋor*, калм. *xoŋhr*, м. *xoŋor*; сиб.-тат. *qoŋyir* 'красно-рыжий'.

Xor'ō 'ограда, изгородь'; др.-тюрк. *qoruŋ* 'охрана, защита'. Ср.: др.-тюрк. *qorŋ-* 'оберегать, охранять', *qorŋy* 'охраняемые угодья феодала'.

Xos 'пара', др.-тюрк. *qoš* ~ *qōš*, кар., кирг. *qoš*, ср.-монг. *qoš*; як. *xos* 'повторно'.

Xō 'древесный уголь', 'сажа', алт. *kō*, м.-п. *kōge* ~ *kōgü*, даг. *xiē*; хак. *kōjē*, ср.-монг. *kōje*, калм. *kō*, м. *xō* 'сажа'; калм. *kō-xag* 'копоть', 'гарь'; мнгр. *kō* 'сажа', 'копоть'.

Xōhen 'пена', др.-тюрк. *kōpük*, алт., кирг. *kōbük*, ср.-монг. *kō'esün*, м.-п. *kōgesün*, даг. *xiēs*, калм. *kōsn*, м. *xōsōn*, мнгр. *kōrse*.

Xōrge 'кузнечный мех, горн', др.-тюрк., алт. *kōrük*, сиб.-тат. *kürek*, туркм. *kōrük*, ср.-монг. *kōrge*, м.-п. *kōgerge*, калм. *kōrg*, м. *xōrōg*.

Бур. *xōrge* < **kōgürge* (сочетание *ōgü* использовалось как способ обозначения этимологической долготы в тюркском архетипе).

Xiā 'несочного цвета, каурый'; др.-тюрк., алт., кирг., кум., сиб.-тат. *quba* 'желтый, светло-желтый', 'бледный'; туркм. *ŋuba* 'золотистый (о цвете гусей и верблюдов)'; тув. *xiva* 'соловый'.

Xuba 'янтарь', др.-тюрк. **quba*, калм. *xuv*, м. *xuvan*.

Xudag 'колодец', др.-тюрк. *quduŋ*, ср.-тюрк. (At-tuhfa бб 13) *quju*, аз. *ŋuju*, кирг. *quduŋ*, туркм. *ŋuduŋ*, ср.-монг. *quduŋ* ~ *quduŋ*, дунс. *ŋudeu*, калм. *xudg*, м. *xudag*.

Естественно предположить, что в ряде тюркских языков имело место презаимствование данного слова в необычном для них виде.

Xudarga 'шлея, подхвостный ремень'; др.-тюрк. *qudruŋ* ~ *quduŋ* ~ *quduruŋ*, ср.-тюрк., кирг. *qujruŋ* 'хвост'; м.-п. *qudarŋa*, даг. *xudurga*, м. *xudraga* 'шлея, подхвостный ремень'.

Xujag 'панцирь, латы', 'броня', др.-тюрк. *qujaŋ* ~ *qujaŋ*, алт., тув., ср.-монг. *qujaŋ*, калм. *xujg*, м. *xujag*.

Xula 'саврасый', др.-тюрк., кирг. *qula*.

Xulan 'кулан, дикая лошадь', др.-тюрк. *qulan*, туркм. *ŋulan*, калм. *xul*, м. *xulan*.

Xulxi 'ушная сера'; др.-тюрк. *quŋaq* ~ *qulaŋ* 'ухо'; м.-п. *qulki*, м. *xulxi* 'ушная сера', 'внутреннее ухо'.

Xutxi 'пыль', 'песчинка'; др.-тюрк., кирг., узб. *qut*, хак. *xut*, алт., долг., шор. *qutaq* 'песок'; туркм. *γut* 'земля, почва', 'песок', *γutaq* 'песчаный'; ср.-монг. *qutaqi* 'песок'; м. *xutaq* 'земля', 'что-л. рассыпчатое', *xutxi* 'пылинка'.

Xuŋ 'лебедь', кирг. *qū*, хак. *xū*, калм. *xun*, м. *xuŋ*.

Xura- 'собираться вместе', 'служить молебен'; др.-тюрк. *quvra-*, даг. *xoti-* 'собираться, сосредотачиваться'; калм. *xur-* 'собираться, съезжаться'. Ср.: др.-тюрк. *quvraγ* 'собрание религиозных общин'; бур. *xural* 'собрание монахов, ламское богослужение'; калм. *xurg* 'собрание, заседание'.

Xur'gan 'ягненок', др.-тюрк. *qozu* ~ *qozī*, алт. *quraγan* (< монг., ср.: алт. *qozula-* 'ягниться'), кирг. *qozu*, туркм. *γuzī*, хак. *xuraγan* (< монг.), ср.-монг., м.-п. *quraγan*, бн. *xurγaŋ*, даг. *kurub*, дунс. *quγan*, калм. *xurhn*, м. *xurgan*, мнгр. *xurγa*, сч. *kurga*.

Xurmag 'колчан'; др.-тюрк. *qurman* 'налучье', 'колчан'; хак. *xurlux* 'футляр для лука', 'колчан'.

Xurūd 'спрессованный творог'; кирг. *qurut* ~ *qurt* 'шарики из отжато-го и засушенного творога'. Ср.: др.-тюрк. *quru-* 'сохнуть, высушить'.

Xusa 'баран', др.-тюрк. *qoč*, *qočŋar* ~ *qočunar*, кирг. *qočqor*, туркм. *γoč*, м.-п. *qučan*, калм., м. *xuts*.

Xūr 'смычковый музыкальный инструмент', др.-тюрк. *qobuz*, алт. *qotus*, хак. *xotīs*, шор. *qotus*, м.-п. *quγur*, калм., м. *xūr*.

Xūra- 'жарить, поджаривать', др.-тюрк. *qaγur-*, кирг. *qūr-*, туркм. *γovur-*, м.-п. *qaγur-*, дунс. *quru-*, калм., м. *xūr-*, мнгр. *kurgu-*.

Xūraj 'сухой'; кирг. *qūr* 'сухой, высохший'; алт. *qurγa-*, кирг. *qūra-* 'сохнуть, высушить'; туркм. *γūra-* 'сохнуть', 'вянуть', 'чахнуть'; кирг. *qūraj* — составная часть наименований многих травянистых растений; калм. *xūrā*, м. *xūraj* 'сухой'.

Xūbeŋ ~ *xūben* 'вата', 'хлопок'; др.-тюрк. (МК I 408) *kūrik* 'одежда на вате'; алт. *köböŋ*, тув. *xöveŋ*, хак. *köbeŋ* (< монг.), калм. *kövŋ*, м. *xövöŋ* 'вата', 'хлопок'.

Xūg 'пылающий уголь'; др.-тюрк., туркм., хак. *köj-* 'гореть'.

Xūhe- ~ *xūse-* 'желать, хотеть', 'стремиться', др.-тюрк. *kūsā-*, кирг. *küsö-*, тув. *kū'ze-*, м.-п. *küse-*, даг. *kuse-* ~ *kese-*, калм. *küsl-*.

Xül 'озеро' (в топонимах), др.-тюрк., алт., хак. *köl*, аз., тур. *göl*.

Xüleg 'аргамак, рысак'; др.-тюрк. *kölük* 'вьючное животное'; алт. *kölkö* 'упряжное животное'; хак. *kölgek* ~ *kölbek* 'первая лошадь в упряжке гуськом'; ср.-монг. *kölük*, даг. *kulug*, калм. *külg*, м. *xüleg* 'рысак, скакун'.

Xülgön 'движение'; др.-тюрк. *kölük* 'повозка'; калм. *kölgŋ* 'средство передвижения', 'транспорт'.

Hülle- ‘запрягать’, др.-тюрк., хак. *köl-*; як. *kölüj-* ‘запрягать, впрягать’.

Наличие аффикса отыменного образования глаголов *-le* в глагольной основе свидетельствует о ее иноязычном происхождении, так как в подобных случаях аффикс *-le* появляется как следствие морфологического освоения заимствованной лексики.

Xümelderge ‘нагрудный ремень’, др.-тюрк. *kötmüldürük*, калм. *kömrğ*, м. *xömöldrög*.

Xüneg ‘деревянная бадья’, ‘ведро’, др.-тюрк. *könäk*, алт. *könök*, хак. *könek*.

В тюркских языках, по-видимому, от *köp* ‘выделанная кожа’: одно из первоначальных значений древнетюркского *könäk* ‘бурдюк’.

Xür ‘сугроб’, алт., кум. *kürt*, шор. *kört*, калм. *kör*; як. *kür* ‘рыхлый, рассыпающийся лед’. Ср.: др.-тюрк. *küri-* ‘грести, сгребать’, *kürgäk* ‘лопата’.

Xür’gen ‘зять’, др.-тюрк. *küdägü* ~ *küdägü*, ср.-монг. *kürgen* ~ *küreken*, даг. *xurgen* ~ *kurgen*, калм. *kürgn*, м. *xürgen*, мнгр. *kurgen*.

Xür’gen — древнейшее заимствование из тюркского диалекта чувашского типа с ротацизмом.

Xürin ‘коричневый, бурый’, алт., хак., як. *küreñ*, калм. *kürñ*, тат. *körän*, м. *xüren*.

Xürme- ‘плести, сплести’; др.-тюрк., алт. *ör-*, туркм. *ōr-* ‘плести’, ‘вязать’. Ср.: др.-тюрк. *örme* ‘заплетенные волосы’.

Xürše ‘сосед’, сиб.-тат. *küriš*, *kürše* (< монг.), ср.-монг. (ІБМ 215) *körši*. Ср.: др.-тюрк., алт. *körüş-* ‘видеться, встречаться’.

В нашем распоряжении нет слова, которое могло бы рассматриваться как прототип бурятского *xürše* в тюркских языках, однако тюркское происхождение производящей глагольной основы не вызывает сомнений.

Xürte (зап.) ‘кузнечный мех’, см.: *xörte*.

Xürxir- ‘рычать, реветь, рыкать’; алт. *kürküre-* ‘гремять’, ‘грохотать’, ‘журчать’, ‘хрюкать’; калм. *kürkr-*, м. *xürxir-* ‘рычать’.

Xürze ‘лопата, заступ’; др.-тюрк. *kürgäk*, алт., туркм. *kürek*, хак. *kürjek*, шор. *kürček*, як. *kürjex* (< монг.), ср.-монг. *kürjek* ~ *kürje*, калм. *kürz*, м. *xürdzen*, мнгр. *gurjag*. Ср.: др.-тюрк. *kürä-* ~ *küri-* ‘грести, сгребать’.

Xüsen ‘сила, мощь’, др.-тюрк. *küč*, тув. *küş*, тур. *güč*, як. *küs*, даг. *kiči*, калм. *küčn*, м. *xüč’in*, мнгр. *kuji*. Тув. *küčü* ‘мощь’, ‘мощность’ — перезаимствование из монгольских языков.

Xüše- ‘коченеть, мерзнуть’, др.-тюрк., кирг., тур. *üşü-*, м. *xöš-*.

Внешнее и семантическое сходство тюркских и монгольских глаголов как будто не оставляет сомнений относительно того, что в данном случае мы имеем дело с заимствованием, однако не поддается объяснению наличие в анлауте монгольских параллелей звука *x*. Появление начального *x* в тюркизмах ряда монгольских языков Китая (< *h*) не является чем-то исключительным, необычным, и, возможно, в бурятском языке оно связано с ранними межмонгольскими контактами.

Xüſege 'занавес, полог', 'покрывало', др.-тюрк. *köſik*, сиб.-тат. *köžögö*, шор. *köžege* (< монг.), ср.-монг. *kösege*, м.-п. *köſigen*, калм. *köšg*, м. *xöšig*. Ср.: др.-тюрк. *köſi*- 'закрывать, заслонять'.

Xüxe 'синий, голубой', др.-тюрк. *kök*, туркм. *gök*; алт. *kök* 'зелень, трава', 'синий, голубой', 'зеленый'; ср.-монг. *köke*, бн. *koge*, даг. *kuke*, калм. *kök*, м. *xöx* 'синий, голубой', 'зеленый'; мнгр. *kuguo* ~ *kuko* 'синий'.

Xüxer 'сера'; узб. *gugurt* 'спички'; калм. *kükr*, м. *xüxer* 'сера'.

Xüxer- ~ *xüxerše*- 'синеть'; др.-тюрк. *kögär*-, алт. *kögör*-, туркм. *göger*-, ср.-монг. м.-п. *kökere*-, даг. *kukere*-, калм. *kökr*- 'синеть, голубеть', 'зеленеть'; кум. *göger*- 'зеленеть'; дунс. *kugiere*-, мнгр. *kuguoṛā*- 'синеть'; м. *xöxör*- 'синеть', 'зеленеть'.

Xüzün 'хорек', др.-тюрк. *küzün*, алт. *küzen*; тув. *küzen* 'куница', 'колонок'.

Xürge 'мост', др.-тюрк. *köprük*, тув. *kövürüg*, як. *kürge* ~ *kürbe* (< монг.), ср.-монг. *kü'ürge*, м.-п. *kögergen*, мнгр. *kölgo* ~ *körguo*.

Предполагаемый тюркский архетип — **köpürüg*, отразившийся в одной из групп тюркских диалектов сначала в виде *köbürüg*, а затем в виде *kövürüg*.

X'urū 'инея', др.-тюрк. *qīraγu*, кирг. *qīrō*, туркм. *γīrav*, ср.-монг. (Ну II 56) *kira'u*, м.-п. *kiraγun*, калм. *kirü*.

Zal'bar- 'просить, умолять', 'молиться'; др.-тюрк. *jalbar*-, крым.-тат. тат. *jalvar*-, туркм. *jalbar*- 'просить, упрасивать'; кар. *jalbar*- ~ *jalvar*- 'просить, умолять', 'молиться'; даг. *ǰalbari*- 'молиться'.

Zalxū 'ленивый, нерадивый', ср.-тюрк. (At-tuḥfa 30a 5), ног. тат. *jalqav*, алт. *d'alqu*, даг. *ǰalkō*, калм. *zalxu*, м. *dzalxū*.

Zam — 'дорога, путь', ср.-тюрк. *ǰam*, калм. *zam*, м. *dzam*.

Zam не монгольское и не тюркское слово, однако в монгольских языках появилось, по-видимому, через посредство тюркских языков.⁴⁵

Zaη 'нрав, характер', 'обычай'; др.-тюрк. *jaη* 'форма, образ', 'манера'; алт. *d'aη* 'обычай', 'закон', 'власть'; як. *saη* 'свойство характера'; даг. *ǰaη*, калм. *zaη*, м. *dzaη* 'нрав, характер'.

⁴⁵ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. С. 195.

Др.-тюрк. *jaŋ* нередко рассматривается как китаизм.⁴⁶

Между тем убедительных доказательств невозможности его отнесения к собственно тюркскому пласту нет. Скорее наоборот: имеют место достаточно строгие фонетические соответствия в пределах тюркских языков, ставящие под сомнение возможность его заимствования из китайского или какого-либо другого языка.

Zar 'оповещение, извещение, объявление', 'весть'; др.-тюрк. *jarliŋ* 'повеление, предписание, приказ'; алт. *d'ar* (< монг.), калм. *zar*.⁴⁷

Zarga 'жалоба в суд'; др.-тюрк. *jarŋan* 'палач'; алт. *d'arŋiči* 'судья', *d'arŋi* 'суд'; калм. *zarh* 'суд'.

Zarim 'некоторый, частичный', 'часть'; др.-тюрк. *jarim* 'половина'; тур. *jarim* 'половина', 'неполный, незаконченный'; ср.-монг. *jarim*, дунс. *jarun* 'половина'; м. *dzarim*, мнгр. *jarim* 'некоторый, частичный', 'половина'.

Zarlig 'повеление, указ', др.-тюрк. *jarliŋ*, ср.-монг. *jarliq*, калм. *zärlg*, м. *dzarlig*.

Zaxa 'край', 'кончик', 'ворот, воротник', др.-тюрк., туркм. *jaqa*, алт. *d'aqa*, ср.-монг., дунс., мнгр. *jaŋa*, м.-п. *jaqa*, даг. *jaqa* ~ *jahe*, калм. *zax*, м. *dzax*.

Zān 'слон', др.-тюрк. *jaŋan* ~ *jaŋan* ~ *jaŋa*; алт. *d'ān* 'большой, огромный', 'величина, размер'; ср.-тюрк. (МА 199) *jaŋan*, ср.-монг. *ja'an*, даг. *jaŋ*, калм. *zan*, м. *dzān* 'слон'.

Zed 'медь (красная)', др.-тюрк. *jez*, алт. *d'es*, сиб.-тат. *jes*, шор. *čes*, ср.-монг. (L 1040) *jez*, (МА 439) *jes*, калм. *zes*, м. *dzes*. Ср.: бур. *sad* 'латунь'.

**Zē* 'племянник', 'внук'; др.-тюрк. *jegän* 'племянник'; м.-п. *jiŋe*, калм. *ze*, м. *dzē* 'племянник', 'внук'; даг., мнгр. *je* 'племянник'.

Zol 'удача', 'счастье'; др.-тюрк. *jol*, кирг. *jol*, тат. *jul*, хак. *čol* 'дорога'; м.-п. *jol*, м. *dzol* 'счастье', 'удача'.

Zolgo- 'встречать'; др.-тюрк. *joluq-*, кирг. *jolūq-*, тат. *julūq-*, ср.-монг. *jolqa-*, м.-п. *jolŋa-*, бн. *jolŋe-* 'встречать(ся)'.

Др.-тюрк. *joluq-* — тюркская отыменная глагольная основа на *-uq*, ср.: др.-тюрк. *ačiq-* 'голодать' (*ač* 'голодный'), *jerik-* 'оседать, поселяться' (*jer* 'земля'), *tuŋuq-* 'страдать, испытывать тяготы' (*tuŋ* 'печаль'), *učiq-* 'кончаться' (*uč* 'конец').

Zolig 'выкуп', 'залог', др.-тюрк. *juluŋ*.

Zori- 'стремиться куда-л., к чему-л.'; др.-тюрк. *jori-* 'идти'; алт. *d'oriči* 'путешественник'; тув. *čoru-* ~ *čor-* 'идти', 'ехать', 'уезжать'.

⁴⁶ См. у Г.Дёрфера (TMEN IV. 1903).

⁴⁷ См.: Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». С. 18-20, 143.

Žögše 'носильщик', др.-тюрк. *jükči*; др.-тюрк. *jük*, уйг. *jük*, тув. *čü'k* 'груз, ноша, поклажа'. Ср.: м.-п. *žöge-*, дунс. *žue-*, мнгр. *žiū-* 'таскать'.

Zud 'гололедица', 'бескормица из-за гололедицы'; др.-тюрк. *jut*, алт. *d'ut*, кирг. *jut*, тат. *jöt* 'голод от бескормицы', 'массовый падеж скота из-за бескормицы'; хак., шор. *čut* 'ненастная погода'; калм. *zud*, м. *dzud* 'бескормица из-за гололедицы'.

Zula 'свечка'; др.-тюрк. *jula* 'факел', 'светильник'; ср.-монг. *žula* 'фонарь', 'светильник'; м.-п., дунс. *žula*, бн. *žila*, мнгр. *žilā* ~ *jula* 'лампа', 'лампадка'.

Zulag 'кромка, рант'; кирг. *žuluq* 'рант'.

Zulgā- 'выдергивать, выщипывать'; др.-тюрк. *julq-* 'обдирать'; ср.-тюрк. (At-tuḥfa 36b 10) *julqa-* 'выщипывать, вырывать'; кар. *julq-* ~ *julxu-*, карач.-балк. *žulq-* 'выдергивать, выщипывать'; тув. *čulγu-* 'сдирать кожу с животных'.

Zūra- 'месить (тесто)', др.-тюрк. *joγur*, ср.-тюрк. (At-tuḥfa 25b M) *joγur-*, (At-tuḥfa 25b 9) *jovur-*, туркм. *juγur-*, м.-п. *žiγura-*, калм. *zūr-*, мнгр. *žura-*.

Zürxen 'сердце', др.-тюрк. *jüräk*, кирг. *žürök*, тат. *jöräk*, хак. *čürek*, ср.-монг. *žürüken*, м.-п. *žirüken*, бн., мнгр. *žirge*, даг. *žurug* ~ *žurugu* ~ *žurgu*, дунс. *žyе*, калм. *zürkn*, сч. *žerke*.

Žel 'год', др.-тюрк. *žil*, хак. *čil*, як. *sil*; м.-п., даг., калм. *žil* 'год' (по двенадцатилетнему животному циклу).

Žemes 'плод, фрукт', др.-тюрк. *jemiš*, кирг. *žemiš*, тат. *žimış*, м.-п. *žemis* ~ *žimis*, калм. *zetš*, м. *žims*.

Žolō 'повод, поводья'; др.-тюрк. *jular* 'узда'; даг. *žilō* ~ *dilō*, калм. *žola*, м.-п. *žiluγa*, м. *žolōn* 'поводья', 'вожжи'.

Žorō 'иноходь', 'иноходец'; др.-тюрк. *joriγa*, ср.-монг. *žoriγa*, м.-п. *žiruγa* 'иноходец'; кирг. *žorγo*, хак. *čorγa*, як. *žorio* 'иноходь', 'иноходец'; калм. *žora*, м. *žorō*, мнгр. *žioro* 'иноходь'.

Žühen 'масть животных', 'внешность', 'лицо'; др.-тюрк. *jüz* 'лицо'; алт. *d'üs* 'лицо', *d'üzün* 'внешний вид', 'облик', 'форма'; м.-п. *žisün*, даг. *žus*, калм. *züsн* 'цвет', 'внешний вид', 'масть (животных)'.

Слова нетюркского происхождения среди тюркских заимствований бурятского языка

Изучение особенностей передачи в бурятском языке слов нетюркского происхождения представляет особый интерес в силу того, что заимствование их в большинстве случаев осуществлялось через посредство тюркских языков и таким образом тюркский след несет дополнительную информацию о природе их фонетических преобразований. Не исключено, что отдельные слова из помещенного ниже списка могли по-

пасть в бурятский язык непосредственно из языков-источников, однако убедительных доказательств в каждом конкретном случае нет.

Приведенный ниже список далек от того, чтобы быть исчерпывающим. Его целевое назначение — показать многообразие источников заимствования, состав языков, так или иначе оказавшихся источниками пополнения лексического фонда бурятского языка, а также масштабы преобразования внешнего облика изначальных типов при многоступенчатости заимствования. Следует также подчеркнуть, что этимологические справки не во всех случаях достаточно надежны, хотя сам факт иноязычного происхождения соответствующих слов более или менее очевиден.

Aḡta ‘мерин, холощенный конь’ (перс. *āxta*).

Al'ma ‘яблоко’ (скр. *amla* ‘кислый’).

Arig ‘чистый’, ‘благородный’, ‘священный’ (скр. *ārya*).

Aršan ‘целебный источник’, ‘минеральная (целебная) вода’ (скр. *rasāyana*).

Bagša ‘учитель, наставник’ (кит. *bag-ši, boši*).

Bātar ‘богатырь, герой’ (перс. *bahādur*).

Beše- ‘писать’ (кит. *pjet*, даг. *pī* ‘кисть для писания’, -e — аффиксальный элемент тюркского происхождения).

Bišen ‘обезьяна’ (?).

Buḡan ‘добро’, ‘благоденствие’ (скр. *puṇya*).

Bulad ‘сталь’ (перс. *bulād*).

Bular ‘хрусталь’ (перс. *bulūr*).

Burxan ‘божество’ (кит. *bvyr*).

Būd ‘ткань, материя’, ‘хлопчатобумажная ткань’ (гр. *βύσσος*).

Debter ‘тетрадь’ (перс. *defter*).

Erdeni ‘драгоценность’, ‘сокровище’, ‘клад’ (скр. *ratna*).

Hudar ‘сутра (священная книга, буддийский трактат)’ (скр. *sūtra*).

Laj ‘ил’ (перс. *lāj*).

Lū ‘дракон’ (кит. *lun, luṅ*).

Mal ‘скот’ (ар. *māl*).

Mešen, см. *bišen*.

Nom ‘книга’ (согд. < гр. *νομος*).

Otog в *otog bajra* ‘балаган, шалаш (на покосе)’ (согд. *'wt 'k* ‘местность’, ‘место’).

Saban ‘мыло’ (ар. *sābūn*).

Sad, см. *zed*.

Senxir ‘светло-голубой’, ‘светло-синий’ (перс. *zengār*).

Sereg ‘войско’, ‘война’ (скр. *kṣatriya* ‘каста воинов’).

- Sül* 'пустыня' (перс. *čūl*).
Šaraj 'лицо' (перс. *čehra*).
Šata 'ступень', 'ступенька лестницы', 'лестница' (перс. *šātu*).
Šatar 'шахматы' (перс. *šatranj*).
Šere 'краска' (кит. *sir*).
Šexer 'сахар' (перс. *šeker*).
Šog 'шутка, проказа, шалость' (перс. *šūx*).
Tama 'ад, преисподняя' (согд. *tmw*).
Tani- 'узнавать' (перс. *dān*, осн. наст. вр. гл. *dānistan*).
Tebše 'небольшое корыто', 'деревянное блюдо' (кит. *diep-č'i*).
Teŋeri 'небо', 'небожитель' (?).
Torgon 'шелк' (?).
Toti 'попугай' (перс. *tūti*).
Tug 'знамя, стяг' (кит. *dug*).
Tümen 'десять тысяч' (тох. В *tmāne* ~ *tmāne*).
Ubsansa 'монахиня', 'дама', 'барыня' (согд. 'wp'snč').
Ušša 'мирянин, принявший монашеский обет' (согд. 'wp'sy').
Üzeg 'буква' (?).
Xalib 'форма для отливки пуль', 'калибр' (ар. *qālib*).
Xatan 'ханша' (согд. *γwt'yn* ~ *xwt'yn* 'царица').
Xān 'хан' (др.-тюрк. *qaγan* < ?).
Xüxer 'сера' (перс. *gūgerd*).
Zam 'дорога' (< ?).⁴⁸
Zed 'медь (красная)' (тох. А *wās*, тох. В *yasa*).

⁴⁸ Обзор этимологий большинства приведенных выше слов см.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963 (I); 1965 (II); 1967 (III); 1975 (IV).

Состав заимствованной лексики и особенности фонетического освоения тюркизмов в монгольских языках

Особенно важен учет всех фонетических изменений, происходивших в монгольских языках и заметно разграничивающих заимствованные слова и их тюркские прототипы. И хотя в ряде случаев «экзотические» особенности могли быть принадлежностью изолированных тюркских языков и диалектов, все же есть возможность относительно четко и надежно очертить круг тех преобразований, которые должны рассматриваться в основном как следствие фонетического освоения тюркизмов в иной языковой среде.

Учет производится раздельно по языкам с тем, чтобы в дальнейшем подвести итоги и дать характеристику общих тенденций.

Раздел 1. Бурятский язык.

Расширение узких гласных корневой и аффиксальных морфем

а). В первом слоге: *belig* 'мудрость, разум, ум' (др.-тюрк. *bilig*), *beše-* 'писать' (др.-тюрк. *biti-*), *bešeg* 'письмо' (др.-тюрк. *bitig*), *ošon* 'искра' (тур. *uçqun*), *šaba-* 'обмазывать, штукатурить' (др.-тюрк. *suva-* 'обмазывать глиной', алт., кирг. *šiba-* < монг.), *šaraj* 'лицо' (ср.-тюрк. *čiraj*), *šaxa-* 'жать, давить' (др.-тюрк., алт., тув. *siq-*), *šene-* 'впитываться, всасываться' (др.-тюрк., тув. *siŋ-*), *šere* 'краска' (др.-тюрк., алт. *sir*), *šešer-* 'дрожать' (др.-тюрк. *titrä-*).

Расширению подверглись гласные *i* (*i* > *e*), *ï* (*ï* > *a*, *e*), *u* (*u* > *o*). Подобные изменения характерны и для некоторых тюркских языков. Довольно строгая регулярность их в бурятском языке ставит его в особое положение по сравнению с другими монгольскими языками. Ср.: бур. *eše-*, м.-п. *iče-*, калм. *ič-* 'стесняться, стыдиться'; бур. *šeme-*, м.-п. *sime-* 'сосать, высасывать'; бур. *šene*, м.-п. *sine*, м. *šine* 'новый'.

б). В непервых слогах: *agtaša* 'коновал' (ст.-узб. *axtači*), *altaša* 'золотых дел мастер' (др.-тюрк. *altunči*), *arān* 'клык' (др.-тюрк.; тув. *aziŋ*,

алт. *azu*), *ašag* 'польза, выгода' (др.-тюрк. *asiŭ*; тув. *asiq šaliŋ* 'зарплата'), *azarga* 'жеребец' (< тюрк. **aδγiraq*; др.-тюрк. *aδγir* ~ *ajγir*, алт. *ajγir*, як. *atir* 'олень-самец'), *bašag* 'грязь' (др.-тюрк., кирг. *balčiq*), *belge* 'знак, символ' (др.-тюрк. *belgü* 'знак, признак'; туркм. *belgi* 'тавро, клеймо', 'метка, знак'), *belšer* 'место слияния рек', 'устье', 'перекресток' (др.-тюрк., алт. *beltir*), *budag* 'краска' (др.-тюрк. *boduŋ* ~ *bodyŋ*, алт. *buduq* < монг.), *bulaŋ* 'угол' (др.-тюрк. *bulung* 'угол', 'страна света', 'направление горизонта'), *bular* 'хрусталь' (тур. *billür*, кар. *bilör*), *burantag* 'поводок, идущий от носовой затычки верблюда' (др.-тюрк. *burunduq*, кирг. *turuntuq*), *büzeg* 'танец, пляска' (др.-тюрк. *büdik* ~ *büdik*, кирг. *bij*; алт. *bid'e* < монг.), *ešen* 'посол' (др.-тюрк., алт. *elči*), *hežeg* 'сомнение' (др.-тюрк. *sezig* 'мнение, суждение'; алт. *sezik* 'догадка', 'сомнение'), *jargašan* 'палач' (алт. *d'arγiči* 'судья', тув. *čarγi* 'судебное дело', 'иск, тяжба'), *m'axašag* 'вроде мяса, подобный мясу' (др.-тюрк. *begsig* 'подобный беку', *oylansiŋ* 'подобный ребенку'), *otošo* 'лекарь' (др.-тюрк. *otači*), *šara* 'желтый' (др.-тюрк. *sariŋ*, алт. *sari*), *šata* 'лестница', 'ступень, ступенька' (ср.-тюрк. *šatu*, кирг. *šati*), *tama* 'ад, преисподняя' (др.-тюрк. *tamuŋ* ~ *tamu*, туркм. *tamī*; тув. *tamī* 'пропасть', 'яма', 'преисподняя'), *tar'āšan* 'земледелец' (др.-тюрк. *tarīγiči*), *tebše* 'небольшое корыто', 'деревянное блюдо' (др.-тюрк. *tevsi*, алт. *tepiš*), *tuha* 'польза, выгода' (др.-тюрк. *tusuŋ* ~ *tusu*), *tümerše(n)* 'кузнец' (др.-тюрк. *temirči* ~ *temürči*), *ulas* 'народ', 'страна' (др.-тюрк. *uluš* 'селение'), *urag* 'родственник' (др.-тюрк. *uruŋ*), *xatan* 'ханша', 'госпожа' (др.-тюрк. *qatun*), *xoŋor* 'соловьи', 'светло-рыжий' (др.-тюрк. *qoŋur*, алт. *qoŋir* 'темно-серый, каурий'), *xudag* 'колодец' (др.-тюрк. *quduŋ*), *xüleg* 'аргамак, рысак' (др.-тюрк. *kölik* 'вьючное животное', 'повозка'; алт. *kölkö* 'упряжное животное'), *xüšege* 'занавес, полог' (др.-тюрк. *köšik*).

Расширение гласных непервых слогов, происходившее в ходе фонетического освоения тюркских заимствований, было ориентировано прежде всего на приведение их в соответствие с бурятскими закономерностями гармонического согласования. Именно поэтому все случаи расширения гласных на бурятской почве могут быть поняты лишь при учете характера вокализма первого слога. Ср.: *i, u > a* (*aa, ua*), *i, ü > e* (*ee, üe*), *ï, u > o* (*oo*), *i, ü > ö* (*öö*). Особого внимания заслуживает тип гармонического согласования широких гласных с широкими гласными. Есть данные, позволяющие говорить о наличии так называемой лингвальной разновидности гармонии гласных в древнетюркском языке, и есть письменные свидетельства разграничения древних тюркских диалектов в зависимости от качества гласных непервых слогов, ср.: *bardim* ~ *bardum* ~ *bardam*.¹

¹ См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 75-76.

Примечательно, что только в якутском и долганском языках встречаются единичные примеры гармонического согласования типа *aa*: як. *altan* 'медь', *alta* 'шесть'. К последнему типу примыкает лабиальная разновидность гармонии гласных: *otošo, xoŋor*. Что касается типа *ua, üe* (ср.: *budag, bulaŋ, bular, burantag, büžeg, tuha, tümer, udagan, ulas, ülgese, xudag, xüleg, xüşege*), то он не вполне обычен для тюркских языков, в особенности для древних, и иногда может служить диагностическим признаком монголизмов в старописьменных тюркских текстах; ср.: *tusu* и *tusa* 'польза, выгода'. Таким образом, все случаи расширения гласных в первом слоге отражают тенденции фонетического развития вокализма первого слога в бурятском языке, тогда как расширение гласных в непервых слогах связано с приведением их в соответствие с особенностями общемонгольского гармонического согласования.

Сужение широких гласных

а). В первом слоге: *bulad* 'сталь' (каз. *bolat*, кирг. *bolot*), *burū* 'теленок до года' (др.-тюрк. *bozaŋu*, каз. *büzav*), *büleg* 'отдел, глава' (др.-тюрк. *bölük* 'часть, доля', 'отдел, глава'; кирг. *bölük* 'отдел, раздел'), *türe-* 'рождаться (о человеке)' (др.-тюрк. *törä-* ~ *törü-* 'рождаться', 'появляться, возникать', 'рожать'; алт. *törö-* 'рожать'), *üŋe* 'цвет, окраска', 'вид, наружность, внешность' (др.-тюрк., алт., каз. *öŋ*), *xüneg* 'деревянная бадья, ведро' (др.-тюрк. *könäk*, алт. *könök*), *xürme-* 'плести' (др.-тюрк., алт., ног. *ör-*), *xürxe* 'кузнечный мех' (др.-тюрк., алт. *körük*, каз. *körük*), *xüxe* 'синий, голубой' (др.-тюрк., алт., каз. *kök*).

б). В непервых слогах имели место изменения, аналогичные тем, которые рассматривались в предыдущем разделе («Расширение узких гласных»), и вызванные необходимостью установления указанных выше типов соответствий гласных первого и непервых слогов, преимущественно в рамках гармонии гласных.

Лабиализация неогубленных гласных

а). В первом слоге: *münxe* 'вечный' (др.-тюрк. *beŋgü* ~ *meŋgü*), *tümer* 'железо' (др.-тюрк. *temir* ~ *temür*, алт. *temir*), *udagan* 'шаманка' (др.-тюрк. *ïduq* ~ *ïduq* 'святой, священный'; алт. *ïjiq* 'священный', 'духи рек, гор, долин', 'предмет поклонения'), *ülgese* 'вешалка' (кирг. *ilgič*).

б). В непервых слогах не наблюдаются, за редкими исключениями.

Делабиализация огубленных гласных

а). В первом слоге: *setgen* 'полая трубчатая кость' (др.-тюрк. *söŋük*, алт. *sök* 'кость').

Как лабиализация неогубленных, так и делабиализация огубленных гласных в первом слоге заимствованных тюркских слов явления — чрезвычайно редкие. Трудно сказать, на какой почве происходили они, хотя маловероятно, что прототипы их были в тюркской языковой среде.

б). В непервых слогах: *xōhen* ‘пена’ (др.-тюрк. *kōrük*), *xudag* ‘колодец’ (др.-тюрк. *quduq*, кирг. *quduq*), *xūleg* ‘аргамак, рысак’ (др.-тюрк. *kölük* ‘вьючное животное’, ‘повозка’; алт. *kölkö* ‘упряжное животное’).

Прочие изменения гласных

К прочим отнесены все случаи изменения вокализма, не поддающиеся четкой квалификации. Однако по конечному результату они не выходят за пределы упомянутых выше типов. Примеры: *semgen* ‘полная трубчатая кость’ (др.-тюрк. *söñük*, алт. *sök* ‘кость’), *šoglo-* ‘шутить, подшучивать’ (туркм. *šōxlan-* ‘становиться шутливым, веселым’), *toborog* (~ *tōrog*) ‘пыль, прах’, ‘земля’ (др.-тюрк. *topraq*, алт. *tobraq*, каз. *topıraq*), *tōhon* ‘пыль’ (др.-тюрк. *toz*, алт. *tozin*), *torgon* ‘шелк’ (др.-тюрк. *torqu*, каз. *torqa*), *tošon* ‘наледь’ (др.-тюрк., алт. *toš* ‘лед’), *xamag* ‘весь, все’ (др.-тюрк. *qamaq* ~ *qamuq*), *xono-* ‘ночевать’ (др.-тюрк. *qon-* ‘опускаться, садиться’, ‘поселяться, оседать’; алт. *qon-* ‘опускаться, садиться’, ‘останавливаться на жительство’, ‘останавливаться на ночлег’).

Изменения согласных

а₁). *č* > *s*: *sag* ‘время’ (др.-тюрк. *čaq* ~ *čaq*), *sasa-* ‘разбрызгивать’, ‘разбрасывать’, ‘рассеивать’ (др.-тюрк., кар. *sač-*), *saxi-* ‘высекать огонь’ (др.-тюрк., кирг. *čaq-*), *saxilgān* ‘молния’ (кирг. *čayılγan*), *seg* ‘предел, граница чего-л.’ (ср.-тюрк. *ček*), *seseg* ‘цветок’ (др.-тюрк. *čečäk*, алт. тув. *čeček*), *solboŋ* ‘Венера’ (алт. *čolmon*, каз. *šolpan*), *ülgeše* ‘вешалка’ (кирг. *ilgič*), *xusa* ‘баран’ (др.-тюрк. *qoč*).

а₂). *č* > *š*: *balšag* ‘грязь’ (др.-тюрк., кирг. *balčiq*), *elšen* ‘посол’ (др.-тюрк., алт. *elči*), *jargašan* ‘палач’ (др.-тюрк. *jarγan* ‘палач’, хак. *čarγiči* ‘судья’), *mešen* ‘обезьяна’, ‘год обезьяны’ (др.-тюрк. *bičin*, кирг. *mečin*, туркм. *bijin*), *ošon* ‘искра’ (кар., кирг., тур. *učqun*), *otošo* ‘лекарь’ (др.-тюрк. *otači*), *šanaga* ‘ковш’ (др.-тюрк. *čanaq* ‘чашка, миска’, ‘блюдо’), *šaraj* ‘лицо’ (ср.-тюрк. *čiraj* ‘лицо’; кирг. *čiraj* ‘черты лица’, ‘красота лица’).

Переход *č* в *s* и *č* в *š*, прослеживаемый в тюркизмах бурятского языка, является всеобщим, не допускающим исключений. Он наблюдается в любых позиционных условиях. Очевидно, этот переход происходил и в слове *semgen*, в котором первоначально на месте тюркского *s* вы-

ступал *č*, ср.: м.-п. *čimügen*. Именно такая разновидность могла стать прототипом бурятского *semgen*.

б1). *S > š*: *ašag* 'польза, выгода' (др.-тюрк. *asiγ*, тур. *asi*), *šaba*- 'обмазывать, штукатурить' (др.-тюрк. *suva*-, ср.-тюрк. *suva*- ~ *siva*-), *šara* 'желтый' (др.-тюрк., тув. *sariγ*, кирг. *sari*), *šaxa*- 'жать, давить' (др.-тюрк., кирг., тув. *siq*-), *šeye*- 'впитываться, всасываться' (др.-тюрк., кирг., тув. *siη*-), *šere* 'краска' (др.-тюрк. *sir*), *tebše* 'небольшое корыто', 'деревянное блюдо' (др.-тюрк. *teusi* 'поднос'), *ubša* 'мирянин, принявший монашеский обет', 'послушник' (др.-тюрк. *upasi* < согд.).

б2). *S > h*: *baha* 'опять, еще', 'также' (др.-тюрк., каз., кирг. *basa*), *haxi*- 'охранять' (др.-тюрк., тур., туркм. *saqla*-), *hala* 'плот' (др.-тюрк., алт., кирг., тув. *sal*), *hā*- 'доить' (др.-тюрк., туркм. *saγ*-, кирг. *sā*-), *hün* 'молоко' (др.-тюрк., тув., хак. *süt*), *hüne*- 'гаснуть' (др.-тюрк. *sön*- 'прекращаться, исчезать'; тур., туркм. *sön*- 'гаснуть', 'угасать, меркнуть'), *tōhon* 'пыль' (др.-тюрк., кар. *toz*, каз. *tozın*), *tuha* 'польза, выгода' (др.-тюрк. *tusuγ* ~ *tusu*), *xühe*- 'желать' (др.-тюрк. *küsä*-).

Переход *s > š* или *s > h* в начале слова возможен в одинаковых фонетических условиях, и, очевидно, разная направленность изменений предопределена диалектными обстоятельствами. Переход *s > h* в интервокальном положении является регулярным.

в). *š > s*: *asari* 'весьма, очень' (др.-тюрк. *ašru*, тур. *aširi*), *xas* 'яшма' (др.-тюрк. *qaš*, м.-п. *xas* 'нефрит'), *xarasa* 'взгляд' (кирг., узб. *qaraš*), *xos* 'пара' (др.-тюрк. *qoš* ~ *qōš*).

г1). *Q (k) > x*: *baxa* 'лягушка' (др.-тюрк., кирг. *baqa*), *berxe* 'трудный' (др.-тюрк. *berk* 'крепкий'; кар. *berk* 'укрепление, крепость', 'укрепленный'), *erxe* 'право' (др.-тюрк. *erk* 'сила, могущество, власть'), *ezir* 'близнецы' (др.-тюрк. *ikkiz* ~ *ikiz*, тур. *ikiz*), *herxe* 'кастрированный козел' (кирг., туркм. *serke*), *saxi*- 'высекать огонь' (др.-тюрк., алт., кар., кирг. *čaq*-), *texe* 'козел' (др.-тюрк. *tekä*), *xeb* 'форма, модель, штамп', 'образец' (др.-тюрк., алт., кирг. *kep*), *xire* 'грязь' (др.-тюрк., алт. *kir*), *xirmag* 'мелкий снег, пороша', 'изморозь' (др.-тюрк. **qirmaq*), *xül* 'озеро' (в топонимах) (др.-тюрк. *köl*), *xüneg* 'деревянная бадья', 'ведро' (др.-тюрк. *könäk* 'сосуд, ведро', 'бурдюк'; хак. *könek* 'ведро'), *xür* 'сугроб' (др.-тюрк. *küri*- 'грести, сгребать'; кум. *kürt* 'сугроб'), *xürze* 'лопата' (др.-тюрк. *kürgäk*).

г2). *Q (k) > g*: *balšag* 'грязь' (др.-тюрк., кирг. *balčiq*), *büleg* 'отдел, глава' (др.-тюрк. *bölük* 'часть, доля', 'отдел, глава'; кар. *bölek* 'часть', 'стадо'), *büžeg* 'танец, пляска' (др.-тюрк. *büdik* ~ *büdik*), *hežeg* 'сомнение' (др.-тюрк. *sezik* ~ *sezig* 'мнение, суждение'), *zulag* 'кромка', 'рант' (кирг. *žuluq*).

Поскольку в тюркских языках в исходе односложных слов с этимо-

логическими долгими гласными и в многосложных словах с любыми гласными, как правило, имеет место ослабление согласных и полное или частичное озвончение, появление в бурятском языке слабого (звонкого) увулярного или заднеязычного становится само собой разумеющимся.

Таким образом, спирантизация $q(k)$ и переход $q(k) > g$ позиционно разграничены: спирантизация $q(k)$ наблюдается в начале слова, в интервокальном положении и в сочетаниях с согласными в середине слова, переход $q(k) > g$ — только в конечной позиции.

д1). $*\vartheta \sim \check{c} \sim \check{j} \sim z \sim j$ (в начале слова) $> d$: *dajn* 'враг' (др.-тюрк., туркм. *jaγī* 'враг', 'недруг'), *dajr* 'рана, ссадина (на спине верхового животного)' (др.-тюрк., туркм. *jaγīr*), *dom* 'заговор от болезней' (др.-тюрк. **jom*), *dulān* 'теплый' (др.-тюрк. *jīliγ*).

д2). $*\vartheta \sim \check{c} \sim \check{j} \sim z \sim j$ (в начале слова) $> z$: *zaxa* 'край, кончик', 'ворот, воротник' (др.-тюрк. *jaqa*), *zān* 'слон' (др.-тюрк. *jaγān* ~ *jaγan* ~ *jaŋa*), *zed* 'медь красная', 'латунь' (др.-тюрк. *jiz*), *zolgo-* 'встречать' (др.-тюрк. *joluq-* 'встречаться'), *zoliγ* 'выкуп', 'залог' (др.-тюрк. *juluγ*), *zud* 'гололедица', 'бескормица, вызванная гололедицей' (др.-тюрк. *jut*, алт. *d'ut*), *zula* 'свечка' (др.-тюрк. *jula* 'факел, светильник'), *zulag* 'кромка', 'рант' (кирг. *ǰuluq*), *zürxen* 'сердце' (др.-тюрк. *jüräk*, кирг. *ǰürök*).

д3). $*\vartheta \sim \check{c} \sim \check{j} \sim z \sim j$ (в начале слова) $> \check{z}$: *žel* 'год' (др.-тюрк. *jil*, хак. *čil*, як. *sil*), *žemes* 'плод, фрукт' (др.-тюрк. *jemiš*, кирг. *ǰemiš*), *žolō* 'повод, поводья' (др.-тюрк. *jular* 'узда'), *žorō* 'иноходь', 'иноходец' (др.-тюрк. *goriγa* ~ *goruγa*, кирг. *ǰorγo*).

д4). $*\vartheta \sim \check{c} \sim \check{j} \sim z \sim j$ (в начале слова) $> j$: *jel* 'год' (бох., эхир.), *jel* 'год' (барг.),² *gorō* 'иноходец' (барг.) (др.-тюрк. *jil*, *goriγa*).

Многообразие соответствий пратюркскому анлаутному $*\vartheta$ — следствие разноместного и одновременного вхождения иноязычных слов в бурятский язык и вместе с тем свидетельство их тюркской принадлежности. «Те монгольские лексемы, в которых начальный пратюркский j отражается в виде d , \check{j} , n , — как заметила С.С.Харькова, — являются заимствованиями», «т.к. в монгольских исконных словах начальный j не претерпевает по существу никаких изменений».³

Если из обзора всех имеющихся в нашем распоряжении случаев замены $*\vartheta \sim \check{c} \sim \check{j} \sim z \sim j$ в бурятском языке исключить последний,

² См.: Раднаев Э.Р. О фонетических своеобразиях баргузинского говора // Сб. тр. по филол. III. Улан-Удэ, 1958. С. 299.

³ Харькова С.С. К вопросу о монголо-тюркских лингвистических контактах // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 8. См. также: Clark L.V. Turkic loanwords in Mongol. I: The treatment of non-initial s, z, š, ç // CAJ, 1980. XXIV, 1-2. P. 41.

явно необычный и встречающийся лишь в двух-трех говорах, станет очевидным то многообразие отражений некоего тюркского архетипа, которое было предопределено особенностями его качества. В условиях позиционного или независимого от позиции ослабления тюркский *ʃ в анлауте мог восприниматься в бурятском языке так же, как тюркский *δ в интервокальном положении, ср.: *adag* 'конец', 'устье' (др.-тюрк. *adaq* ~ *adaq* 'нога', 'конец'), *buda-* 'красить' (др.-тюрк. *bodu-* ~ *bodu-*) или как *z*.

Примечательно, что некоторые авторы почти полное отсутствие начального *ž* и использование вместо него *j* в эхирит-булагатском и качугском говорах объясняют тюркским влиянием на эти говоры, ср.: эхир.-булаг. *jada* 'копье', *jil* 'год', *jara* 'рана'.⁴

е). *δ в интервокальном положении > *d*, см. выше.

ж). *T* > *š* перед *i*, *e*: *belšer* 'место слияния рек', 'перекресток' (др.-тюрк. *beltir*), *beše-* 'писать' (др.-тюрк. *biti-*), *xerše-* 'крошить', 'резать' (др.-тюрк. *kert-* 'делать метку', 'надрезать').

Ротацизм и ламбдаизм

Данный вид изменения согласных привлекает к себе внимание широкого круга специалистов, преимущественно тех, кто придерживается ортодоксальной точки зрения на природу связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. По этой причине он занимает особое место в нашем обзоре.

а). *Z* (*s*) > *r*: *arān* 'клык' (др.-тюрк. *aziγ*), *boro* 'серый' (др.-тюрк. *boz*), *burū* 'теленка до года' (др.-тюрк. *bozaγu*, чув. *pāru*), *exir* 'близнецы' (др.-тюрк. *ikkiz*), *xūr* 'смычковый музыкальный инструмент' (др.-тюрк. *qobuz*), *xūr'gen* 'зять' (др.-тюрк. *kūdāgū* ~ *kūdāgū*).

б). *š* > *l*: *šulūn* 'камень' (др.-тюрк. *taš*, чув. *čul*).

Близость предполагаемого прототипа бурятского *šulūn* (ср.-монг. *čila'un*, м.-п. *čilaγun*) к чувашскому отражению тюркского **tāš* едва ли случайна. Именно материалы чувашского языка могут служить опорой для объяснения природы ротацизма и ламбдаизма в монгольских языках; ср.: бур. *burū*, чув. *pāru* 'теленка по первому году, теленок до года'; бур. *exir* 'близнецы', чув. *jěğěr* 'двойной', *jěğěreš* 'близнецы'.

⁴ См.: Митрошкина А.Г. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят // Сб. тр. по филол. III. Улан-Удэ, 1958. С. 290.

Выпадение γ (g) в интервокальном положении
и в конце слова

Примеры.

1). *Bōrsog* 'мелкое печенье' (др.-тюрк. **baγīrsaγ*, тат. *bavīrsaγ* 'куски теста, зажаренного в масле или на жиру'), *burū* 'теленочек до года' (др.-тюрк. *bozaγu*), *bōre* 'почка' (др.-тюрк. *bōgūr*, кар. *bōgrek*), *būl'ū* 'точило' (др.-тюрк. *bilāgū*, туркм. *bilev*), *ēre-* 'прясть' (др.-тюрк. *egir-*, ср.-тюрк. *egri-*), *hūlga* 'ведро' (ср.-тюрк. *saγu*), *jamān* 'коза' (др.-тюрк. *jīmγa*), *tax'ā* 'курица' (др.-тюрк. *taqīγu*), *tērme* 'мельница' (др.-тюрк. *tegirmān*), *ūrag* 'молозиво' (др.-тюрк. **oγyzaγ*, *oγuz*), *xarā-* 'ругать, проклинать' (< **xarāγa-*, др.-тюрк., алт. *qarγa-*), *xirē* 'ворон' (< **kirege*, др.-тюрк., алт. *qarγa*), *zān* 'слон' (др.-тюрк. *jaγan* ~ *jaγan* ~ *jaγa*), *žolō* 'повод, поводья' (< **joluγa*, др.-тюрк. *jular* 'узда'), *žorō* 'иноходь', 'иноходец' (др.-тюрк. *jorīγa* ~ *joruγa* 'иноходец').

2). *Arān* 'клык' (др.-тюрк., тув. *aziγ*), *tušā* 'пути' (др.-тюрк. *tušaγ*, каз. *tūšav*), *ulā* 'подвода, телега' (др.-тюрк. *ulaγ* 'вьючное животное', 'почтовый транспорт на перегонах'), *šara* 'желтый' (др.-тюрк., тув. *sariγ*), *xatū* 'твердый, крепкий' (др.-тюрк. *qatiγ*).

Во всех случаях преобразование сочетаний типа *aga*, *agi*, *agu*, *ege*, *egi*, *iγa*, *iγu*, *oγi*, *ōgū*, *uga*, *ugu*, представляющее собой фонетическое явление, обычное для всех монгольских языков, имело конечным результатом возникновение заместительной долготы. Развитие вторичной долготы наблюдается и почти во всех случаях выпадения конечного γ (g).

Выпадение сонанта β (< * p) в интервокальном положении

Примеры: *tā-* 'отгадывать' (< **taβa-*, др.-тюрк. *tap-* 'находить'), *tōrog* ~ *toborog* 'пыль, прах' (< **toborog*, др.-тюрк. *topraq* 'земля', 'пыль, прах'), *xā-* 'закрывать', 'запирать' (< **qaβa-*, др.-тюрк. **qap-* 'закрывать', *qarqaq* 'крышка'), *xūā* 'каурый, песочного цвета' (< **xuβa*, др.-тюрк. *quba* 'палевый'), *xūr* 'смычковый музыкальный инструмент' (< **quβur* ~ **quγur*, др.-тюрк. *qobuz*), *xūrge* 'мост' (< **kōβūrūge* ~ **kōgūrūge*, др.-тюрк. *kōprük*).

Выпадению p предшествовала его сонантизация, происходившая в интервокальном положении, которое могло быть изначальным или вторичным. Последнее создавалось изменением фонетической структуры: к конечному p или к p в составе сочетаний согласных присоединялись гласные.

Структурно-фонетическое освоение тюркизмов

Данный вид фонетических изменений охватывает все случаи присоединения дополнительных гласных и выпадение одного из согласных в группах *rs*, *rt*, *ry* (*rg*).

1). *Aba* 'охота', 'облава', 'ловля' (др.-тюрк. *ab*), *agsaga* 'разбитость, изнеможение' (др.-тюрк. *aqsaq* 'калека'), *ajaga* 'чаша' (др.-тюрк. *ajaq*), *arsalan* 'лев' (др.-тюрк. *arслан*), *asari* 'весьма, очень' (др.-тюрк. *aşru* ~ *aşri*), *azarga* 'жеребец' (др.-тюрк. *aδγir*, **aδγiraq*), *baras* 'барс' (др.-тюрк. *bars*), *berze* 'опытный, ловкий' (др.-тюрк. *berk* 'крепкий, прочный'), *büte-* 'завершаться, кончаться' (др.-тюрк. *büt-* ~ *bit-*), *ere* 'мужчина' (др.-тюрк. *er*), *er'je* 'кастрированный баран' (др.-тюрк. ?), *erze* 'право' (др.-тюрк. *erk* 'сила, воля, могущество', 'власть'), *hala* 'плот' (др.-тюрк. *sal*), *huna-* 'вытягиваться, тянуться' (др.-тюрк. *sun-*), *hüne-* 'гаснуть' (др.-тюрк. *sön-* 'прекращаться', 'исчезать'), *menze* 'родинка' (др.-тюрк. *meñiz* 'лицо'), *meñe* 'родинка' (др.-тюрк. *meñ*), *tata-* 'тянуть, тащить' (др.-тюрк. *tart-*), *teñeri* 'небо', 'небожитель' (др.-тюрк. *täñri* ~ *teñri*), *toborog* ~ *tōrog* 'пыль, прах' (др.-тюрк. *topraq*), *tušā* 'пути' (др.-тюрк. *tušay*, бур. *tušā* < *tušaga*), *ula* ' подошва ноги', 'подметка' (др.-тюрк. *ul*), *ulā* 'подвода' (< *ulaga*, др.-тюрк. *ulay* 'вьючное животное', 'почтовый транспорт на перегонах'), *urga* 'шест с петлей (для ловли лошадей или скота)', *ur'xa* 'силос, ловушка, петля' (др.-тюрк. *uqruq* 'аркан'), *ūñe* 'цвет, окраска, масть' (др.-тюрк. *öñ*), *xarasa* 'взгляд' (др.-тюрк. *qaraş*), *xarā-* 'ругать, проклинать' (< **qaraça-*, др.-тюрк. *qarça-*), *xata-* 'сохнуть, засыхать' (др.-тюрк. *gat-*), *xerše-* 'мелко резать, нарезать' (др.-тюрк. *kert-* 'делать метку', 'надрезать'), *xire* 'грязь' (др.-тюрк. *kir*), *xirga-* 'срезать', 'стричь' (др.-тюрк. *qirq-*), *xumxi* 'пыль', 'песчинка' (др.-тюрк. *qum*, **qumaq*), *xusa* 'баран' (др.-тюрк. *qoç*), *xūra-* 'поджаривать' (др.-тюрк. *qaçur-*), *xürxe* 'кузнечный мех, горн' (др.-тюрк. *körük*), *xūxe* 'синий', 'голубой' (др.-тюрк. *kök*), *zolgo-* 'встречать' (др.-тюрк. *joluq-* 'встречаться').

2). *Bar* 'барс' (др.-тюрк. *bars*), *tata-* 'тянуть, тащить' (др.-тюрк. *tart-*).

Наличие эпизодически встречающихся дополнительных гласных в тюркизмах бурятского и других монгольских языков — следствие существования в них закона открытого слога (исключение составляет лишь конечный *n*). Структурно-фонетическое многообразие бурятского слога явилось результатом внутренних фонетических процессов, а проявление такого многообразия в заимствованной лексике объясняется разновидностью заимствований.

Существование закона открытого слога в монгольских языках подверглось многократному обсуждению, однако вплоть до настоящего

времени нет более или менее убедительных ответов на многие возникающие при этом вопросы. Отсутствует четкое представление о границах его действия, о степени обязательности определенных структурно-фонетических нормативов, о хронологических рамках проявления. И хотя это скорее тема монголистических, чем алтаистических исследований, она, тем не менее, нуждается в специальном освещении и в нашей работе, и получит его в одном из заключающих книгу разделов.

Раздел 2. Калмыцкий язык

Тюркизмы калмыцкого языка представляют особый интерес с учетом своеобразия и направленности миграционных процессов калмыков. Отрыв от основной массы монголоязычных народов и перемещение далеко на запад по существу исключили возможность тесного контактирования калмыцкого языка с тюркскими языками, хотя на Северном Кавказе соприкосновение их — реальный факт.

Для калмыцкого языка характерно наличие наряду с общемонгольскими такими тюркизмами тюркского и нетюркского происхождения, которые в большинстве своем могли быть заимствованы во время пребывания калмыков в Средней Азии и на Северном Кавказе. Попутно следует подчеркнуть, что имели место случаи заимствования ряда аналогичных слов другими монгольскими языками в условиях иного тюркоязычного окружения. Примеры:⁵

agč 'клён' (ср.: тур. *ağca-ağaç*), *aju* 'медведь', *alms* 'чудовище', 'ведьма', *ard* 'сади', *asxn* 'вечер', *bāl-* 'воспалиться', *čahr* 'вино', *častr* 'гимн', *dār* 'порох', *durnav* 'бинокль', *ig* 'прядильное веретено', *irg* 'валух', *irvsg* 'барс', *išk* 'козленок', *iškr-* 'свистеть', *keŋkrg* 'барабан', *ker* 'гнедой', *kičg* 'щенок', *kilŋ* 'бархат', 'плис', *küč-kölsn* 'труд', *künjd* 'кунжут', *lal* 'рубин', *ödmg* 'хлеб', *šalvr* 'брюки, штаны', *šalh* 'коса', *tagt* 'мост', *tarvs* 'арбуз', *tas* 'гриф', *tāva* 'сковорода', *tävhl* 'таволга', *term* 'решетчатая стенка юрты', *ters* 'иноверец', 'враждебный', 'противоположный', *tohrun* 'журавль', *tohstn* 'павлин', *torha* 'жаворонок', *tortsg* 'маленький кожаный бурдюк', *tov* 'пушка', *tsōxr* 'пестрый, пятнистый', *xala* 'жесть', 'жестяной', *tanjal* 'кинжал', *tarha* 'сосна', *xarm-* 'сгребать сено', *zeg* 'орнамент', 'узор', *zem* 'падаль', 'труп', *zēgn* 'росомаха', *zērn* 'джейран', *zä* 'место' (м. *dzaj*).

Следующая особенность — необычное преобразование тюркизмов, связанное как с фонетическим, так и с морфологическим освоением их. Примеры: *bajn* 'богатый' (др.-тюрк. *baj*), *balhsn* 'город' (др.-тюрк.

⁵ Ср.: Общий список лексических тюркизмов. С. 19-70.

balïq), *belküsñ* 'поясница' (др.-тюрк. *bel*), *kilhsñ* 'волос, щетина' (др.-тюрк. *qil*, **qilaq*, чув. *xělëx*).

Э.Ч.Бардаев подразделяет заимствованную лексику калмыцкого языка на 3 пласта, отражающие 3 периода его истории: ранний (ойратский), когда калмыки находились в Джунгарии (до XVI в. включительно); средний, охватывающий время переселения калмыков в приволжские степи (с XVII по XIX вв.), и поздний, или советский.⁶

Заимствования, относящиеся к раннему пласту, составляют общемонгольскую группу тюркизмов. Гласные первого слога в них сохраняются обычно без изменений, тогда как гласные непервых слогов подвергаются разного рода изменениям, главным образом редукции.

Ниже приведен небольшой список тюркизмов, большинство которых отсутствует в бурятском языке. Часть их могла быть заимствована в период возникновения Джунгарского государства, когда, как отмечает Д.А.Павлов, «ойратский язык пополнился значительным количеством заимствований из ... тюркских и других языков».⁷

Примеры: *arslñ* 'денежная единица, равная тугрику' (др.-тюрк. *ar-slan* 'лев'), *asxñ* 'вечер' (др.-тюрк. *axšam* < перс.), *baldr* 'метис' (др.-тюрк. *baldır* 'неродной, приемный'), *bas* 'опять, еще', 'также' (др.-тюрк. *basa*), *čačr* 'шатер' (др.-тюрк. *čatır* ~ *čačır* ~ *čašır* < перс.), *idš* 'корыто', 'лохань' (др.-тюрк. *iđiš* ~ *iđiš* 'сосуд', 'чашка', 'бокал'), *irvsq* 'барс' (др.-тюрк. *irbič* ~ *irbiz* 'леопард', ср.: м. *irves* 'леопард', 'пантера'), *žilk* 'парус' (ср.-тюрк. *jelkän* ~ *jilkän* 'парус'), *kevg* 'отруби' (др.-тюрк. *keräk*, ср.: м. *xevæg*, мнгр. *kavaγ* ~ *kajaγ*), *körkxñ* 'миловидный, хорошенький' (др.-тюрк. *körklüg* 'красивый'), *kozldur* 'очки' (др.-тюрк. *közlük* 'наглазники', *közöldürük* 'наглазники для лошадей'), *orndq* 'кровать' (др.-тюрк. *orunluq* 'ложе', 'носилки'), *ödmq* 'хлеб' (др.-тюрк. *etmäk*), *örmq* 'шинель' (др.-тюрк. **örmäk*), *särmsq* 'чеснок' (др.-тюрк. *sarmusaq* ~ *samursaq*, ср.: дунс. *samusa*, м. *sarimsaq*), *solha* 'левый' (др.-тюрк. *solamıq* 'левша', *sol* 'левый'), *sul* 'овес'⁸ (кирг. *sulu*, узб. *suli*), *tam* 'стена' (др.-тюрк. *tam*), *tañsq* 'прекрасный, дивный, чудесный' (др.-тюрк. *tañsuq* 'удивительный, необычный'), *tasm* 'кожаный ремешок' (ср.-тюрк. *tasma*), *term* 'решетчатая стенка юрты' (ср.-тюрк. *termä* 'войлочная юрта', 'кибитка'), *terz* 'окно' (кирг. *tereze*, узб. *deraza* < перс.), *tohstñ* 'павлин' (др.-тюрк. *tovus* ~ *tavus*), *tor* 'сетка, клетка для ловли птиц' (др.-тюрк. *tor*), *tsaq* 'время' (др.-тюрк. *čaγ*), *tsatsq*

⁶ См.: Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985. С. 114.

⁷ См.: Павлов Д.А. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Алма-Ата, 1976. С. 7.

⁸ См.: Дамдинов Д.Г. О земледельческих терминах в монгольских языках // Исследования по восточной филологии. М., 1974. С. 51-63.

‘кисть, бахрома’ (др.-тюрк. *saĉaq*, ср.: м. *tsatsag*), *tulm* ‘кожаный мешок’ (кар., туркм., уйг. *tulum* ‘бурдюк’), *xavxg* ‘капкан’ (др.-тюрк. **qar-qaq*, туркм. *ġaran*), *xorhljñ* ‘свинец’ (др.-тюрк. **qorġuġšīn*, кар. *qorġašīn*, ст.-узб. *qorġašūn*), *xuv* ‘янтарь’ (др.-тюрк. *quba*).

В калмыцком языке на ступени существования общемонгольского языка группы *aġa*, *ege*, *oġo*, *ögö*, *aġa* преобразовались в долгие гласные: *āh* ‘чаша’ (др.-тюрк. *ajaq*), *bātr* ‘богатырь’, ‘герой’ (др.-тюрк. **baġatur*), *bōrtsg* ‘куски теста, зажаренные в масле’ (др.-тюрк. *baġīrsaq*), *bōr* ‘почка’ (др.-тюрк. *bögür*, ср.-монг. *bōre*), *bülü* ‘точило, оселок’ (др.-тюрк. *bilägü*), *kōsn* ‘пена’ (др.-тюрк. *köpük*, м.-п. *kögesün*), *tērm* ‘мельница’ (др.-тюрк. *teġirmän*), *xūr-* ‘жарить’ (др.-тюрк. *qaġur-*).

Примечательно, что проявление ротацизма и ламбдаизма наблюдается лишь в пределах той группы слов, которая обнаруживает эту особенность в среднемонгольском и монгольском письменном языках, например: *aran* ‘клык’ (др.-тюрк. *azīġ*, ср.-монг. *ari'a* ~ *arā*, м.-п. *araġa*), *eljgn* ‘осел’ (др.-тюрк. *eškäk* ~ *ešjäk* ~ *ešäk*), *ikr* ‘двойня’ (др.-тюрк. *ikiz* ~ *ikkiz*, ср.-монг. *ikir*, м.-п. *ikire*), *kürgn* ‘зять’ (др.-тюрк. *küädägü* ~ *küädägü*, ср.-монг. *küreken* ~ *kürgen*), *kürn* ‘хорек’ (др.-тюрк. *küzün*, алт. *küzen*), *tūla* ‘заяц’ (др.-тюрк. *tavišqan* ~ *tabišqan* ~ *tavšan*), *ūrg* ‘молозиво’ (др.-тюрк. *aġuž* ~ *aġuz* ~ *oġuz*, м.-п. *uġuraġ*, м. *ūrag*), *ūkr* ‘корова’ (др.-тюрк. *öküz*, ср.-монг. *üker* ~ *hüker* ‘бык, вол’), *xurhn* ‘ягненок’ (др.-тюрк. *qozi*, ср.-монг. м.-п. *quraġan*), *xūr* ‘смычковый музыкальный инструмент’ (др.-тюрк. *qobuz*, м.-п. *quġur*).

Отличительная черта калмыцкого языка в плане фонетического освоения тюркизмов — опереднение гласных как под влиянием последующего *j*, так и независимо от его наличия. Примеры: *ärä* ‘едва’, ‘еле-еле’, ‘чуть-чуть’ (алт., тув. *araj*), *čirä* ‘лицо’ (бур. *šaraj*, ср.-тюрк. *čiraj*), *dän* ‘война’ (бур. *dajn* ‘война’, ‘враг’; др.-тюрк. *jaġi* ‘враг’), *där* ‘порох’ (< перс.), *dār* ‘рана, ссадина, потертость (на спине верхового животного)’ (бур. *dajr*, др.-тюрк. *jaġir*), *ōmsn* ‘чулки’ (м. *ojmson*), *tär-* ‘обрабатывать землю’ (др.-тюрк. *tari-*), *täräč* ‘земледелец’ (др.-тюрк. *tariġčä*), *tsäk-* ‘высекать огонь’ (др.-тюрк. *čaq-*, ср.-монг. м.-п. *čaqi-*), *tsäkür* ‘кремень’ (м. *tsaxiur*), *tsäsġ* ‘любящий пить чай’ (бур. *sajn* ‘чайный’), *xön* ‘овца’ (др.-тюрк. *qon* ~ *qoġ* ~ *qoj*), *xūrä* ‘сухой’ (бур. *xūraj*).

Раздел 3. Халха-монгольский язык (современный монгольский язык)

Существенных различий в фонетическом освоении тюркизмов между халха-монгольским и бурятским языками очень мало, и, понятно, они связаны с различиями в звуковом составе, фонетической структуре и

процессах преобразования внешнего облика слов. Нецелесообразно, таким образом, рассматривать заимствованную тюркскую лексику халха-монгольского языка по общепринятой для данной работы схеме: в большинстве случаев имело бы место буквальное повторение того, что было изложено несколько выше. Очевидно, следует ограничиться перечнем основных расхождений и небольшим количеством примеров, дающих более или менее полное представление о характере и размерах этих расхождений.

1). Несовпадения в фонетической структуре слога (в бурятском языке, по сравнению с халха-монгольским, слог чаще открытый), ср.: бур. *arsalan*, м. *arşlan* 'лев'; бур. *arsa*, м. *arts* 'можжевелик'; бур. *asari*, м. *asar* 'весьма, очень'; бур. *bagša*, м. *bagš* 'учитель'; бур. *baha*, м. *bas* 'опять, еще', 'также'; бур. *balta* 'молот, кувалда', м. *balt* 'топор'; бур. *baxa*, м. *bax* 'лягушка'; бур. *belterge*, м. *beltreg* 'волчонок'; бур. *boro*, м. *bor* 'серый'; бур. *botogon*, м. *botgo* 'верблюжонок'; бур. *bulad*, м. *bold* 'сталь'; бур. *būra*, м. *būr* 'верблюдо-самец', 'верблюдо-производитель'; бур. *elžegen*, м. *iljgen* 'осел'; бур. *hura-*, м. *sur-* 'спрашивать, осведомляться'; бур. *otošo*, м. *otoš* 'лекарь'; бур. *zula*, м. *dzul* 'лампадка', 'свечка'; бур. *žemes*, м. *žims* 'плоды, фрукты, ягоды'.

2). Отсутствие в халха-монгольском языке перехода анлаутного *s* в *h*, ср.: бур. *belxūhen*, м. *belxūs* 'талия, поясница'; бур. *duhal*, м. *dusal* 'капля'; бур. *haba-*, м. *sav-* 'стегать', 'бить (шерсть)'; бур. *hala*, м. *sal* 'плот'; бур. *hanān*, м. *sanān* 'мысль, дума', 'желание, намерение'.

3). Отражение *ǰ* в виде *dz* в халха-монгольском языке (в бурятском *z*), ср.: бур. *azarga*, м. *adzragan* 'жеребец'; бур. *zalkū*, м. *dzalkū* 'ленивый'; бур. *zarlig*, м. *dzarlig* 'указ', 'повеление'; бур. *zud*, м. *dzud* 'гололедица', 'бескормица из-за гололедицы'.

4). Расширение узких гласных корневой морфемы и продуктивных аффиксальных морфем в бурятском языке при преимущественном сохранении их без изменений в халха-монгольском, ср.: бур. *ašag*, м. *ašig* 'польза', 'выгода', 'прибыль'; бур. *balšag* 'грязь', 'лужа', м. *balčig* 'болото, трясина'; бур. *belig*, м. *bilig* 'мудрость', 'ум, разум', 'знание', 'умение, талант'; бур. *bešeg*, м. *bičig* 'письмо', 'письменность', 'запись'; бур. *bulšan*, м. *bulčig* 'мускулы'; бур. *bulšarxaj*, м. *bulčirxaj* 'железа'.

5). Сужение широких лабиализованных гласных первого слога в бурятском языке: бур. *būd*, м. *bös* 'ткань (преимущественно хлопчатобумажная)'; бур. *ühōn*, м. *ös* 'месть'; бур. *üge*, м. *öğö* 'цвет', 'окраска', 'масть'.

6). Частные случаи бурятско-халха-монгольских несоответствий, ср.: бур. *agsam*, м. *agsan* 'буйный (о человеке)', 'резвый, горячий (о лошади)'; бур. *arbaј*, м. *arvaj* 'ячмень'; бур. *bajalig*, м. *bajalag* 'богат-

ство'; бур. *bandan*, м. *bandaŋ* 'лавка, скамейка', 'нары'; бур. *belge*, м. *beleg* 'предзнаменование', 'признак, примета'; бур. *büder*, м. *bider* 'крапинка', 'пятно, пятнышко', 'полосы (у животных)'; бур. *bül'ū*, м. *bil'ū* 'точильный камень'; бур. *exir*, м. *ixer* 'двойня', 'близнецы'; бур. *olтиrog*, м. *olтриg* 'остров', 'архипелаг'; бур. *segē*, м. *ösög* 'кумыс'.

Различия в составе заимствованной тюркской лексики и в семантике отдельных слов также не велики и не имеют принципиального значения для обобщающих выводов. Так, в халха-монгольском языке могут быть выделены как не имеющие бурятских параллелей следующие слова: *aqč mod* 'клен' (ср.: тур. *aqčaaγač*), *bag* 'первичная административная единица в сельской местности' (ср.: др.-тюрк. *baγ* 'территория рода'), *balgas* 'город' (ср.: др.-тюрк. *balıq*), *bürtsag* 'горох' (ср.: др.-тюрк. *burčaq*), *sarimsag* 'чеснок' (ср.: др.-тюрк. *sarmusaq* ~ *samursaq*) и некоторые другие.

Раздел 4. Баоаньский, дунсянский, монгорский языки

Объединение трех монгольских языков в одну группу вызвано тем, что, несмотря на некоторые различия между ними, имеются значительные сходства. Высказывается предположение, что еще в XIII-XIV вв. монголы, говорившие на этих языках, отделились от основной массы монгольского этноса, осели на сопредельных территориях и в последующее время не поддерживали регулярных связей с остальными монголами,⁹ поэтому некоторые фонетические особенности бурятского, калмыцкого и халха-монгольского языков не получили широкого распространения. Сказанное касается прежде всего перелома *i* в первом слоге после начальных аффрикат *ǰ*, *č* и спиранта *š*, ср.: бур. *šabar* 'грязь, слякоть', 'глина', бн. *šbar* ~ *hbar* ~ *bar*, дунс. *šuva*; бур. *šana-* 'варить', бн., мнгр. *čina-*, дунс. *čīna-*; бур. *šara* 'желтый', бн., мнгр. *šira*, дунс. *šīra*; бур. *zula* 'свеча', 'лампадка', бн. *ǰilā*, мнгр. *ǰilā* ~ *ǰula*; бур. *žada* 'копье', дунс. *ǰida*, мнгр. *ǰida*.

В баоаньском и монгорском языках есть долгие гласные.

Важная черта, объединяющая баоаньский, дунсянский и монгорский языки, — наличие в анлауте дополнительных согласных (*f*, *x*, *h*), которые в ортодоксальной алтаистике рассматриваются как отражения праалтайского спиранта **h*¹⁰ или смычного **φ*.¹¹

Примеры: бур. *al'gan* 'ладонь', *amar-* 'отдыхать', *ani-* 'зажмуривать, закрывать глаза', *arban* 'десять', *on* 'год', *oroj* 'поздно', *ulān* 'красный',

⁹ См.: Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964. С. 3 сл.

¹⁰ См.: Ramstedt G.J. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache // JSFOu, 1916-1920. XXXII₂. S. 1-10.

¹¹ См.: Pelliot P. Les mots à h initiale aujourd'hui amuie dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles // JA, 1925. CCVI, 2. P. 263.

upa - 'садиться на лошадь', 'ехать верхом', *un'ār* 'дым', 'маревое, дымка', *urta* ~ *uta* 'длинный', *ūr* 'гнев', *ūta* 'мешок', *ūre* 'плод', 'семя', 'зерно'; бн. *xalge*, *hamera-*, *xani-*, *harvaŋ*, *xoŋ*, *xoro*, *felaŋ*, *fune-*, *fene*, *fdu*, *hor*, *fuda*, *fure*; дунс. *hanγa*, *hamura-*, *xani-*, *harvan*, *xon-*, *xulan*, *unu-*, *funie*, *fudu*, *xō*, *fuda*, *fure*; мнгр. *xalγa*, *xambura-*, *xani-*, *xarvan*, *fen* ~ *fān* ~ *xon*, —, *uriē*, *fulān*, *funi-*, *funi*, *fudur*, *ūr*, *fūda*, *furiē*. Однако есть серьезные основания видеть в них протетические звуки. Достаточно сослаться на сам факт появления соответствующих звуков в словах, заимствованных из тюркских, индоевропейских и других языков, ср.: ср.-монг. *hula* 'подошва', 'подметка', *hūker* 'бык, вол', мнгр. *xaldan* 'золото'.

В языках данной группы отмечается действие закона открытого слога с определенными ограничениями: в конечной позиции допускаются все или некоторые сонанты и *g*. Действием закона открытого слога можно объяснить структурно-фонетические преобразования в ряде тюркских заимствований, нарушающих указанную выше закономерность: появление дополнительных гласных или выпадение конечных шумных согласных.

В отличие от дунсянского языка, в баоаньском и монгорском нередки случаи выпадения начальных гласных, и процесс этот широко охватывает также заимствованную лексику. Примеры: мнгр. *ŋguo* 'цвет, окраска', *rdem* 'ловкость, умение', 'талант', *rjige* ~ *jige* 'осел'.

а). Баоаньский язык

Анализ тюркизмов баоаньского языка позволяет сделать вывод о типичности для них главным образом структурно-фонетических изменений, связанных, как только что было отмечено выше, с действием закона открытого слога, ср.: *ajiγe* ~ *jiγa* 'чашка', *aseman* (< перс.) 'небо', *ete* 'рано', *njige* 'осел', *taše* ~ *taxe* 'камень', 'каменный', *texa* 'курица', *tope* 'овца'.

В заимствованной тюркской лексике, как и в собственно монгольских словах, наблюдается переход *n* в *ŋ*. Примеры: *almaŋ* 'груша', *altaŋ* ~ *antaŋ* 'золото', *amaŋ* 'рот', *aruŋ* 'чистый', *bajaŋ* 'богатый', *imaŋ* 'коза', *poγsoŋ* 'шерсть', *oroŋ* 'место', *putoŋ* 'весь, целый', *termaŋ* 'мельница', *upaŋ* 'корова', *xodoŋ* 'звезда', *xurγaŋ* 'ягненок'.

Наряду с древнейшим пластом тюркской лексики, выделяемым с небольшим количеством исключений во всех монгольских языках, в баоаньском языке присутствуют тюркизмы явно позднего заимствования, например: *dem* 'стена', *jaxsa* 'хороший' (ср.: *jaŋγeg* 'орех', калм. *jaŋhg*), *taše* ~ *taxe* 'камень', 'каменный'. Ср. также (?): *jure* - 'резать'.

б). Дунсянский язык

Несмотря на ограниченность имеющихся в нашем распоряжении материалов можно вполне определенно говорить о разновременности вхождения тюркской лексики в дунсянский язык, иными словами, о наличии в нем нескольких пластов лексических заимствований из тюркских языков. Выделяется группа слов, полностью или почти полностью сохранивших внешний облик тюркских прототипов: *ada* ~ *ata* 'отец', *ana* 'мать', *baγa* 'лягушка', *jara* 'рана', *qara* 'черный', *sana* - 'думать', *šajtan* 'черт', *tani*- 'узнавать', *tari*- 'сеять', 'сажать'.

Самое значительное изменение внешнего облика тюркских прототипов связано с действием закона открытого слога. Из согласных дунсянский язык допускает в конечной позиции лишь *n* (*η*) и *j*. Устранение закрытости в заимствованных словах достигается путем присоединения гласных, опущения конечных согласных или преобразования сочетаний гласных с согласными в дифтонги. Примеры: 1) *asīman* (ср.-тюрк. *astan* < перс.) 'небо', *bore* 'почка' (др.-тюрк. *bögür*), *bosi* 'хлопчатобумажная ткань' (др.-тюрк. *böz*), *čimeγe* 'костный мозг' (др.-тюрк. *söñük* 'кость'), *jidoγo* 'знахарь' (др.-тюрк. *ïduq* ~ *ïduq* 'святой', 'священный'), *jīγa* 'чаша' (др.-тюрк. *ajaq*), *kugie* 'синий' (др.-тюрк. *kök*), *saγi*- 'охранять, стеречь', 'ждать' (др.-тюрк. *saq* 'внимательный, чуткий, осторожный'), *siγaγan* 'мышь' (др.-тюрк. *sičqan*), *šinaγa* 'половник' (др.-тюрк. *čanaq* 'деревянная долбленая посуда'), *tašī* 'камень' (др.-тюрк. *taš*), *uγi* 'конец, кончик', 'острие' (др.-тюрк. *uč*), *uγie* 'лицо', 'внешность', 'облик' (др.-тюрк. *öη* 'цвет, масть, окраска'); 2) *apa* 'ячмень' (др.-тюрк. *arpa*), *bula* 'родник', 'источник' (др.-тюрк. *bulaq*), *duja* 'мир', 'спокойствие' (др.-тюрк. *dünja* < ар.); 3) *baudej* 'пшеница' (др.-тюрк. *buγdaj*). Четвертый случай устранения закрытости слога может быть представлен примером, иллюстрирующим совмещение разных способов: *basī* 'тигр' (др.-тюрк. *bars*).

У большей части тюркизмов фонетический облик, характерный для среднемонгольского и монгольского письменного языков, объясняется, по всей видимости, ранним вхождением соответствующей группы слов в монгольские языки. Примеры: *alima* 'фрукты', 'ягоды', 'плоды', *arun* ~ *aruni* 'чистый, опрятный', *boroη* ~ *boroηni* 'серый', *bulun* 'угол', *eγen* 'хозяин', *fugier* 'рогатый скот', *γada* 'скала', *γadu*- 'вбивать, всаживать', *γoni* 'овца', *jīman* 'коза', *γaγa* 'воротник', *γarun* 'половина', *γula* 'свеча', 'лампадка', *noγosun* 'шерсть', *quγan* 'ягненок', *šieri*- 'пробуждаться', *taulej* 'заяц'.

в). Монгорский язык

Стратификация тюркских заимствований в монгорском языке вызывает определенные трудности: многие слова не имеют очевидных признаков отнесенности к тому или иному хронологическому пласту. Лишь выделение слов, заимствованных в сравнительно позднее время, является более или менее надежным. Все же, предположительно, большинство тюркизмов имеет глубокую историю и вхождение их в монгорский язык относится, по всей вероятности, к периоду существования общемонгольского языка. Ниже приведен перечень слов, охватывающий разные виды фонетического преломления тюркизмов в монгороязычной среде. Примеры: *badzar* 'город', *būdi* 'пшеница', *jāra* 'рана', *jiγ* 'веретено' (м.-п., калм. *ig*), *kavaγ* ~ *kajaγ* 'отруби', *pijaγ* 'горох', *sad* 'время', *sāli* 'дойная корова', *sgō-* 'ругать, поносить', *sogodi-* 'преклонять колени', *solγue* ~ *sorguj* 'левый', *suno-* 'переставать существовать, гибнуть', 'завять', *šdime* 'хлеб', *tarā* 'посев', 'хлеб', *tarāči* 'хлебопашец, земледелец', *tas* ~ *tar* 'камень', *xoγuor* 'колокольчик'.

Раздел 5. Дагурский язык

Своеобразие дагурского языка, являющегося, по мнению Н.Н.Поппе и других монголистов, бесспорно монгольским языком — следствие продолжительных контактов с тунгусо-маньчжурскими языками. Именно эти языки оказали наибольшее влияние на его развитие, и именно поэтому высказывались предположения о первоначальной принадлежности дагурского языка тунгусо-маньчжурской языковой семье. Будучи в определенной мере изолированным от других монгольских языков, дагурский сохранил ряд черт, характерных для монгольских наречий XIII-XIV вв.¹²

Перелом *i*, о котором уже неоднократно говорилось выше, в дагурском языке наблюдается в меньших размерах, чем в бурятском, халха-монгольском и калмыцком языках,¹³ ср.: *huri* 'хлопчатобумажная ткань' (м.-п. *bös*), *jilō* 'поводья' (м.-п. *jiluyā*), *jurug* 'сердце' (ср.-монг. *jürüken*), *kilgās* 'конский волос' (м.-п. *kilyasun*), *šarā* 'лицо' (ср.-монг. *širaj*), *šavar* 'глина' (ср.-монг. *šibar*).

По составу заимствованных тюркских слов дагурский незначительно отличается от других монгольских языков Китая. Ср.: *arkan* 'спина', *borčō* 'горох, бобы', *čičire-* 'дрожать', *čolō* 'камень', *čičug* 'виноград', 'лесной орех', *dagī* ~ *dajē* ~ *dagē* 'снова, опять', *ǰalkō* 'лени-

¹² Поппе Н.Н. Дагурское наречие: Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. М., 1930. Вып. 6. С. 2.

¹³ Тодаева В.Х. Дагурский язык. М., 1986. С. 15.

вый', *julim* 'подпруга', *kese-* 'бродить, ходить, гулять', *sanā* 'мысль', 'дума', 'намерение, желание', *sana-* 'думать, мыслить', 'считать', *sere-* 'просыпаться, пробуждаться', *solgī* 'левый', 'левша', *šarla-* 'желтеть', *tak* 'подкова', *tarē* 'пашня', 'посев', *vācī* 'крестец', 'круп (лошади)'.

Раздел 6. Могольский язык

Как принято считать, могольский — один из тех монгольских языков, которые в наибольшей мере сохранили черты среднемонгольского состояния, т.е. черты общемонгольского языка XIV-XV вв. Однако месторасположение моголов и среда их обитания таковы, что язык их подвергся сильному иноязычному влиянию, которое затронуло даже наиболее устойчивую часть лексики, например, количественные числительные до десяти частично заменены числительными иранского происхождения. Находясь в окружении таджикских говоров Афганистана, язык моголов претерпел существенные изменения и в области фонетики, хотя, как указывает Л.Лигети,¹⁴ в случаях соответствия особенностей монгольской фонетики особенностям иранской типические черты древнемонгольского состояния в языке моголов сохранились без изменений. Это обстоятельство придает особую значимость его материалам как в аспекте сравнительных исследований монгольской фонетики, так и в плане выявления и разграничения разновременных пластов лексики, заимствованной из тюркских языков. Нельзя не отметить при этом, что непосредственные контакты моголов с тюрками в Афганистане, по видимому, были исключены или ограничивались кратковременными соприкосновениями, поэтому основной путь проникновения тюркских слов в могольский язык лежал через таджикские говоры.

В специальном разделе статьи Л.Лигети приведены тюркские слова, составляющие особую группу.¹⁵

В соответствии с задачей исследования, заключающейся в определении особенностей передачи тюркских долгих гласных в языке моголов, это слова, в которых могут быть восстановлены первичные долгие гласные, и слова тюркского происхождения с долгими гласными в таджикском и персидском языках. Приведенный список не является полным перечнем тюркизмов, но, тем не менее, он дает представление о составе заимствованной лексики. Мы воспроизводим его в последовательности, предложенной Л.Лигети, но с незначительным вынужденным упрощением транскрипционных знаков: *bōj* 'богатый', *γōz* 'гусь', *qōš* 'брови', *jōl* 'грива', *sōj* 'река', *tōj* 'жеребенок', *jōyā ~ jaγā* 'бунт', 'бунтовщик', *qōšiq* 'ложка', *qōzuq ~ qōzyuq* 'гвоздь', *sōylāy ~ sōyloy* 'овца', *aslōn*

¹⁴ См.: Ligeti L. Les voyelles longues en Moghol // АОН, 1964. XVII. P. 1.

¹⁵ Ibid. P. 19-30.

‘лев’, *čaxtōx* ‘огниво’, *bušlōγ* ‘сыр’, *qablōn* ‘пантера’, *qajmōq* ‘сливки, пенка на молоке’, *qalqōn* ‘помощь, поддержка’, *qäšlōq* ~ *γäšlōγ* ‘зимняя ставка’, *taγōj* ‘дядя по матери’, *tajōγ* ‘палка, трость’, *sanōč* ‘бурдюк’, *ulōq* ‘осел’, *jet* ‘фураж’, *kema* ‘лодка’, *begim* ‘дама’, *bezgak* ‘лихорадка’, *čečak* ‘оспа’, *jelim* ‘клей’, *kelin* ‘молодая женщина’, ‘невестка’, *telpak* ‘меховой чепчик’, *teppa* ‘холм, пригорок’, *terlik* ‘подкладка под седло, потник’, *kētuk* ‘хрящ’, *kēpanak* ‘пальто’, *kēzlik* ‘нож’, *čūγ* ~ *čūq* ‘горящие угли’, *qūš* ‘упряжка быков’, *ūq* ‘патрон’, *tūr* ‘сетка’, *tūrba* ‘сума, катомка’, *dūlma* ‘фаршированные листья капусты’, *tūyrī* ‘верно, правильно’, *tūj* ‘свадьба’, ‘свадебный пир’, *tūqli* ‘овца’, *būlak* ‘часть, кусок’, *būrī* ‘волк’, *kūl* ‘озеро’, ‘болотистое место, топь’, *ūrdak* ‘утка’, *tūš* ‘грудь’, *čūl* ‘степь’, *čūrak* ‘лепешка, чурек’, *kūč* ‘кочевка’, ‘кочевье’, *kūmoč* ‘вид лепешки’, *kūpruk* ‘мост’, *kūruk* ‘пена’, *ūgaj* ‘сирота’. Заметим, что некоторые приведенные Л.Лигети слова (например, *čūl*, *čūrak*) не являются собственно тюркскими.

Наибольшее количество тюркизмов может быть извлечено из списка слов, названных собственно могольскими: *qarō* ‘черный’, *širō* ‘желтый’, *ulō* ‘ подошва (ноги)’, ‘подошва, подметка’, *altōn* ‘монета’, *qurγōn* ‘овца’, ‘ягненок’, *qälyōsu•n* ‘волос’, ‘шерсть’, *éljigōn* ‘осел’, *kūragō* ‘зять’, *siŋgōγ* ‘водянистый’, *ōtōγ* ‘комната’.

И в тюркизмах, и в собственно могольских словах наблюдается характерная для таджикских говоров тенденция лабиализации широких заднерядных гласных непервых слогов и отчасти первого слога, ср.: могольск. *arōsun* ‘шкура, кожа’, *čōsun* ‘снег’, *jōsun* ‘кость’, *miqōn* ‘мясо’, *qudōl* ‘ложь’, *mōrta* ‘забывать’, *unō* ‘падать’, *taγōj* ‘змея’.

Обратим внимание на перелом *i* > *u* (*ü*), *e* > *u* (*ü*) в первом слоге в собственно могольских словах и отсутствие его в словах тюркского происхождения. Примеры: *čusun* ‘кровь’, *übül* ‘зима’, *üdür* ‘день’, *nüdün* ‘глаз’, *südün* ‘зуб’.

Большинство тюркских слов вошло в могольский язык в относительно поздний период времени через таджикские говоры и именно поэтому они не были охвачены теми фонетическими процессами, которым подверглись слова монгольского происхождения. В этом отношении примечательны слова *kūpruk* ‘мост’ и *kūruk* ‘пена’. Однако в могольском языке присутствует и очень древний пласт, общий по существу для всех монгольских языков, ср.: *širō* ‘желтый’, *qurγōn* ‘овца’, ‘ягненок’, *qälyōsu•n* ‘волос’, ‘шерсть’, *éljigōn* ‘осел’, *kūragōγ* ‘зять’.

Заключение к главе II

Говорить о заимствованной тюркской лексике в целом, о ее составе с детализированным учетом материалов всех монгольских языков невозможно. Возможно и, больше того, целесообразно выделить две-три группы слов, объединяемых наличием примечательных фонетических черт и таким образом способствующих установлению относительной глубины тюркско-монгольских контактов.

Одной из подобных групп могут быть слова ротацирующего типа, ср.: бур. *arān* 'клык', *boro* 'серый', *burū* 'теленоч до года', *exir* 'двойня', *üxer* 'крупный рогатый скот', 'вол, кастрированный бык', *xur'gan* 'ягненок', *xūr* 'смычковый музыкальный инструмент', *xūr'gen* 'зять'. Примечателен здесь не только сам факт ротацизма, но и то, что эти слова выступают с соответствующей фонетической особенностью во всех монгольских языках, древних и современных. Следовательно, мы можем рассматривать их как достояние общемонгольского языка и относить время проникновения в общемонгольский язык к периоду интенсификации контактов с древнетюркским языком чувашского типа, т.е. к V-VI вв. н.э.

Другая группа — слова с начальным *d* на месте древнетюркского *j*, ср.: бур. *dajñ* 'враг, неприятель', 'война', *dajr* 'рана, ссадина (на спине верхового животного)', *deleŋ* 'вымя', *delhen* 'грива', *dulān* 'теплый'. И в этом случае обращает на себя внимание появление указанной особенности в общемонгольском масштабе, свидетельствующее, кстати сказать, о своеобразной предыстории древнетюркского *j*. Последний имел и несколько рядов относительно поздних общемонгольских отражений, ср.: бур. 1) *žel* 'год', *žemes* 'плод, фрукт', *žolo* 'повод, поводья', *žoro* 'иноходь', *žühen* 'масть животных', 'внешность', 'лицо'; 2) *zaxū* 'ленивый, нерадивый', *zaŋ* 'нрав, характер', 'обычай', *zar* 'оповещение, извещение, объявление' и т.д. К сказанному добавим, что в исконных монгольских словах начальный *j* не подвергался каким-либо изменениям.¹⁶

Выступающий же в эхирит-булагатских говорах *j* вместо *ž* бурятского литературного языка И.Д.Бураев считает «элементом тюркского субстрата».¹⁷

Третью группу составляют слова с согласным *d* в интервокальном положении на месте древнетюркского *ð*, ср.: бур. *adag* 'конец', 'устье

¹⁶ См.: Харьковская С.С. К вопросу о монголо-тюркских лингвистических контактах. С. 8.

¹⁷ См.: Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1987. С. 59. См. также: Митрошкина А.Г. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. С. 290.

реки', *buda-* 'красить', *budag* 'краска', *n'udarga* 'кулак', *xada* 'скала, утес', 'гора', *xada-* 'прибивать', 'приколачивать', 'пришивать', *xudag* 'колодец', *xudarga* 'шляя, подхвостный ремень'. Их, так же как и слова двух первых групп, выделяет общемонгольский характер данной фонетической черты.

Безусловно, изменения звуков в тюркизмах бурятского и других монгольских языков не ограничиваются тем, что было указано выше. Они многочисленны и многообразны, но только названные выше изменения, каждое в отдельности и все вместе взятые в совокупности, дают четкое представление о начальной ступени тюркско-монгольского взаимодействия.

Глава III

Тюркские морфологические элементы в словоформах бурятского и других монгольских языков

Общий список морфологических тюркизмов

Раздел 1. Бурятский язык

Мы начинаем обзор тюркских морфологических элементов в составе монгольских словоформ с бурятского языка. Но, как и в главе, посвященной описанию лексических заимствований, вслед за примерами из бурятского языка приводятся примеры из других монгольских языков, а в специальных разделах (отдельно для каждого монгольского языка ср.: гл. II) отмечены лишь случаи, не имеющие широкого распространения или выделяющиеся своеобразными чертами.

Количество аффиксальных морфем тюркского происхождения в бурятском языке значительно, однако далеко не все они продуктивны. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что словообразовательные возможности бурятского, калмыцкого и халха-монгольского языков заметно расширились благодаря интенсивному использованию тюркских аффиксальных средств.

Аффиксы отыменного образования имен

-Lig... Образует отвлеченные имена существительные и относительные прилагательные. Примеры: бур. *bajalig*¹ 'богатство, сокровище', 'богатый, щедрый', *bātarlig* 'доблестный, героический', *eberlig* 'роговой', 'ро-

¹Примеры почерпнуты из различных словарей и грамматик, в частности, из работ Б.Х.Тодаевой преимущественно тех, которые содержат описание монгольских языков Китая: 1) Дунсянский язык. М., 1961; 2) Баоаньский язык. М., 1964; 3) Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь. М., 1973; 4) Дагурский язык. М., 1986. Материалы монгольского письменного языка извлекались из нескольких источников и прежде всего из словаря Ф.Д.Лессинга. См.: Lessing F.D. Mongolian-English dictionary / Comp. by Haltod M., Hangin J.G., Kassatkin S. and Lessing F.D. Berkley and Los Angeles, 1960.

гатый', *hanālig* 'сообразительный', 'толковый (о ребенке)', *nōholig* 'шерстистый', *seseglig* 'цветущий', *šonolig* 'изобилующий волками', *šubūlig* 'подобный птице', *talalig* 'равнинный', *tümerlig* 'железистый', 'похожий на железо', *uxālig* 'сметливый, сообразительный', *ūlalig* 'пробковый', *ūjelig* 'почти ровесники' (букв. 'относящиеся к одному поколению'), *ūnderlig* 'высоковатый', 'возвышенный', *xadalig* 'гористый', *xojorlig* 'двойственный', *xōhelig* 'пенистый', 'похожий на пену', *xužarlig* 'солончаковый'; калм. *maxl'g* 'мясистый, полноватый', *urnl'g* 'склонный к мастерству'; м. *altlag* 'золотистый', *bātarlag* 'героизм, доблесть', 'героический, доблестный', *borlog* 'сивый', *öndöglög* 'яйцевидный', *sürleg* 'величавый, величественный', *tsetsegleg* 'цветник', 'цветущий'.

Обзор приведенных примеров позволяет сделать вывод о заметном сдвиге в семантике рассматриваемых форм. Значительная часть их не является в собственном смысле отвлеченными именами существительными или относительными прилагательными: так, в бурятском языке они выражают преимущественно степень насыщенности признака, в роли которого выступает обозначаемый производящей основой предмет, ср.: *hozorlig* 'плохо видящий', *hüderlig* 'тенистый', *hünlig* 'похожий на молоко', *ojlig* 'лесистый', *sāxarlig* 'сахаристый'. Семантический сдвиг особенно заметен при сопоставлении с тюркскими прототипами заимствованных словоформ: др.-тюрк. *öñlüg* (ср.-монг. *öñetü*) 'имеющий цвет, окраску'; бур. *üñelig* 'цветистый', 'цветастый'.

Использование аффикса *-lig* в монгольских языках в качестве продуктивного словообразовательного элемента имело место в довольно позднее время и главным образом в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках. Э.Ховдхауген, посвятивший аффиксу *-lig* специальную статью,² указывает на ограниченное использование его в старописьменных монгольских текстах. Так, в «Altan Tobči» он прослеживается лишь в именах собственных и в топонимах.

-*šag* ~ -*šeg* ~ -*šog* ... Образует прилагательные и наречия, выражающие неполноту признака, недостаточность, частичность его проявления в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках. Собственно монгольское соответствие аффиксу *-šag* ~ -*šeg* ~ -*šog* в монгольских языках аффикс *-btar*, ср.: бур. *šarabtar* 'желтоватый', 'рыжеватый'. Примеры: бур. *adlišag* 'подобный', 'сходный', *axašag* 'как старший', *axiršag* 'слабоватый', 'захудалый', *bagašag* 'маловатый', *berxešeg* 'трудноватый', *borošog* 'сероватый', *gašūnšag* 'довольно горький', 'довольно кислый', *hüderšeg* 'довольно тенистый', *jexešeg* 'довольно большой', *m'axašag* 'похожий на мясо', 'вроде мяса', *mūšag* 'плоховатый', *narinšag* 'доволь-

² См.: Hovdhaugen E. The Mongolian suffix *-lig* and its Turkic origin: Researches in Altaic languages // ВОН XX. Budapest, 1975. P. 75.

но тонкий', *ogsomšog* 'довольно резкий', *ōdonšog* 'коротковатый', *uhašag* 'водянистый', *ulānšag* 'красноватый', *ūbdenxejšeg* 'немного больной', *ūnderšeg* 'довольно высокий', 'высоковатый', *ūnišeg* 'довольно давно', *xatūšag* 'довольно твердый', 'твердоватый', *xaxiršag* 'довольно хриплый', *xāšag* 'царек' (пренебрежительно), *xilenšeg* 'бархатистый', 'похожий на бархат', *xünšeg* 'похожий на человека', 'человекообразный', *xūtešeg* 'синеватый', *zalkūšag* 'довольно ленивый'; калм. *boldšŋ* 'подобный стали', *čolunšŋ* 'подобный камню', *modnšŋ* 'подобный дереву', *tsahanšŋ* 'беловатый', *zalušg* 'возмужавший'; м. *ōdōr šig* 'как день', *xün šig* 'как человек' (м.-п. *kütün sig*).

Впрочем, словоформы с аффиксом *-šŋ*, характерные для калмыцкого языка, могут находиться в приведенном выше ряду лишь условно, так как остаются сомнения в возможности сближения аффикса *-šŋ* с аффиксом *-šg*, ср.: бур. *xün šigi* 'словно человек'.³

Ср. также: ср.-тюрк. (At-tuhfa 88b 13) *siŋär* 'подобно'.

В тюркских языках аффикс *-siŋ* ~ *-sig* состоит из двух компонентов: *-sī* ~ *-si* и *-γ* ~ *-g*.⁴

Первый из них восходит к глаголу *sī-* 'походить, быть подобным', и поэтому первоначально элемент *siŋ* ~ *sig* употреблялся как самостоятельное слово, затем перешел в категорию служебных слов и, наконец, стал обычным аффиксом, ср.: алт., тат. *aqsu* 'беловатый', 'слегка белый', *qarasu* 'черноватый', т.е. 'подобный черному', 'как черный'; тур. *adamsi* 'человекообразный', *sarimsi* 'желтоватый', *qizilimsi* 'красноватый'. Глагол *sī-* и сам по себе преобразуется в аффиксальную морфему: кирг. *köbürsü-* 'принимать вид пены'; уйг. *adämsi-* 'выдавать себя за важную персону', 'походить на важную персону'. Именно он оказывается также первым компонентом сложных морфем *-sīl*, *-sīra*, *-sīmaq*, *-sīman*, *-sīmār* и т.д.

Не ясно, в каком отношении к аффиксу *-šag* ~ *-šeg* ~ *-šog* находится аффикс *-šū* ~ *-šū*, ср.: бур. *uhanšū* 'похожий на воду', *xilenšū* 'бархатистый', 'похожий на бархат', *xünšū* 'похожий на человека', 'человекообразный'. Возможность существования в древнетюркском языке разновидности аффикса *-siŋ* ~ *-sig* с огубленным гласным не исключена, и поэтому для *-šū* также вполне реален тюркский источник.

Время заимствования данной формы бурятским языком, очевидно, позднее. Попутно заметим, что в современных тюркских языках аффикс *-siŋ* ~ *-sig* непродуктивен и использование его ограничено регионом Сибири.

³ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938. С. 183.

⁴ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. С. 219-220.

-*ša(n ~ -še(n)*. Производные формы с аффиксом *-ša(n ~ -še(n)* и с его фонетическими разновидностями составляют обширную группу существительных, выражающих значение действующего лица: бур. *abaralša(n)* 'прорицатель', 'колдун', *agtaša* 'коновал', *altaša* 'золотых дел мастер', *belgeše* 'гадальщик', *domšo* 'лекарь', 'знахарь', *galša* 'истопник', *nādagša* 'игрок', *tümerše(n)* 'кузнец', *uhaša* 'любитель воды, водохлеб', *xeleše* 'языкастый', *zagaħaša(n)* 'рыбак, рыболов'; калм. *aduč* 'табунщик', *aḡhuč* 'охотник', *balč* 'пасечник', *emč* 'врач', *hosč* 'сапожник', *maxč* 'мясник', *šogč* 'шутник', *tsergč* 'воин', *tuhlč* 'телятник', *zahšč* 'рыбак'; м. *anč(in)* 'охотник', *dūčīn* 'певец', *maxčīn* 'людоед', 'хищник', *nomč* 'книжник', *tömörč(in)* 'кузнец', *dzagasč(in)* 'рыбак, рыболов', *dzesč* 'медник'; бн. *asončē* 'скотовод', *moreče* 'конеvod', *xoneče* 'пастух овец'; даг. *adōči(n)* 'табунщик', 'конюх', *ajlči(n)* 'гость', *manāči(n)* 'сторож', 'караульный', *twāči(n)* 'повар'; дунс. *asunčīn* 'пастух', *davejčīn* 'охотник', 'зверолов', *γudančīn* 'лгун', *jaγasunčīn* 'рыбак, рыболов', *qarančīn* 'сквернослов', *suruγačīn* 'учитель', *ujliečīn* 'рабочий'; мнгр. *āsenči* 'скотовод', *γudalči* 'лжец', *jiūči* 'швея', 'портной', *solγujči* 'левша', *xoniči* 'пастух'.

Характерно, что многие из приведенных бурятских слов с рассматриваемым аффиксом имеют параллели в тюркских языках: др.-тюрк. *altunčī* 'золотых дел мастер', *otačī* 'лекарь', *temürčī* 'кузнец'; алт. *belgeči* 'гадалка'; кирг. *domču* (в *emči-domču*) 'знахарь'.

Особо следует выделить словоформы на *-ša(n ~ -še(n)*, образованные от отглагольного имени на *-ag ~ -eg*, прототипом которого могло быть только соответствующее отглагольное имя тюркских языков, ср.: бур. *bederegše* 'искатель' (*beder-* 'искать, разыскивать'), *šudxagša* 'литейщик' (*šudxa-* 'отливать'), *ügesegše* 'сообщник' (*ügese-* 'сговариваться'), *üldegše* 'преследователь' (*ülde-* 'преследовать'); калм. *irgč* 'будущий, грядущий' (*ir-* 'приходить', 'приезжать', 'являться').

Первоначально в тюркских языках словоформы на *-(i)γčī ~ -(i)gčī* употреблялись как причастия настоящего времени и нередко выполняли функции определения, что отразилось и на особенностях их употребления в бурятском языке, ср.: др.-тюрк. *bitigčī* 'писарь' (*biti-* 'писать'), *tariγčī* 'хлебопашец, земледелец' (*tarī-* 'сеять, засеивать'); тув. *čüdükčü* 'верующий' (*čüdü-* 'веровать'), *sanaqčī* 'счетовод' (*sana-* 'считать').

Условно сюда же можно было бы отнести и некоторые другие формы монгольских языков (например, даг. *batāči(n)* 'рыбак', 'охотник' (*bata-* 'ловить рыбу', 'охотиться'), *kirēdēči* 'пильщик дров' (*kirēdē-* 'пилить, распиливать'), *sāgāči(n)* 'дойрка' (*sā-* 'доить'), образовавшиеся, по-видимому, не от глагольных основ, а от глагольных имен. Однако расширение тюркско-монгольских параллелей за счет включения в них

форм настоящего или настоящего однократного времени не является достаточно обоснованным.

-*Msag* ~ -*mseg* ~ -*msog*. Встречается в небольшой группе словоформ, образованных от существительных и прилагательных: бур. *gojomsoq* 'щеголеватый, модный' (*gojo* 'нарядный, красивый'), *jexemseg* 'горделивый' (*jexe* 'большой, крупный'); м. *xöñömsög* 'вежливый, учтивый', 'легкомысленный' (*xöñön* 'легкий', 'пустяковый'), ср.-монг. (Ну II 71) *sarimsax* 'чеснок'. По существу, и в тюркских языках подобные словоформы единичны: др.-тюрк. *sarmusaq* ~ *samuraq*, ср.-тюрк. (At-tuñfa 10a M) *sarimsaq* 'чеснок'. Предположительно — от **sari* 'завертывание, обматывание', ср.: др.-тюрк. *saru-* 'завертывать, обматывать'. Более надежным, хотя и не вполне обоснованным, является сближение монгольских словоформ с аффиксом -*msag* ~ -*mseg* ~ -*msog* с тюркскими прилагательными, выражающими неполноту признака, ср.: азерб. (диал.) *ağımsoj* 'беловатый', *bozumsoj* 'сероватый'; гаг. *sarımşı* 'желтоватый'; тат. *žilimsa* 'тепловатый'; тур. *jeşilimsi* 'зеленоватый', *qırmızımsı* 'красноватый'.⁵

-*Daxi* ~ -*dexi* ~ -*doxi* — аффикс, образующий в бурятском языке относительные прилагательные и порядковые числительные: *sāšadaxi* 'дальнейший', *übsünderi* 'находящийся на груди', *negedexi* 'первый', *xojordoxi* 'второй' (= *xojordugār*), *gurbadaxi* 'третий', *dürbedexi* 'четвертый'. В калмыцком и халха-монгольском языках рассматриваемый аффикс прослеживается лишь в небольшой группе относительных прилагательных: калм. *urdk* 'предыдущий', *zaxdk* 'крайний'; м. *dornodor* 'восточный', *eregdez* 'прибрежный, находящийся на берегу', *ur'dax* 'прежний, предыдущий'.

В тюркских языках в аффиксе -*daği* ~ -*degi* ~ -*daqı* ~ -*deki* выделяется относительная частица *qi* ~ *ki*, широкоупотребительная сама по себе и в составе сложных морфологических показателей, первым компонентом которых оказываются различные падежные формы. Примеры: др.-тюрк. *aşnuqi*, *baştıñqi* 'первый', *buluñdaqı* 'расположенный в одной из сторон света', *jıñaqqi* 'относящийся к какому-либо направлению', *jıñaqdaqı* 'находящийся в каком-либо направлении', *küntäki* 'имевший место в какой-либо день', *üstünki* 'находящийся сверху'; азерб. *joldaqı* 'находящийся в пути'; кар. *menimki* 'мой', *seninki* 'твой'; карач.-балк. *arbadayı* 'находящийся в телеге'; тув. *čajjı* 'летний'; тур. *öteki* 'находящийся по ту сторону'; туркм. *menıñki* 'мой', *olarıñqi* 'их'; туркм. (диал.) *menki* 'мой', *olarqi* 'их'; узб. *meniki* 'мой'; уйг. *baştıñki* 'первый', *içki* 'внутренний'; чув. *irxi* 'утренний';

⁵ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977. С. 117.

шор. *čerdegi* 'находящийся на земле'; як. *burunyu* 'первый', *tīatāyi* 'находящийся в тундре'.

В тувинском языке в сочетании с количественными числительными аффикс *-qi* ~ *-ki*, восходящий к относительной частице, сам по себе образует порядковые числительные: *birgi* 'первый', *üškü* 'третий', *beški* 'пятый', *tosqu* 'девятый'. Ср.: тоф. *ihiški*, *üzüşkü*, *törtiški*.

Монголы заимствовали аффикс *-ki* ~ *-xi* на уровне среднемонгольского языка (ср.: *gerteki* 'находящийся в юрте', *qabardayi* 'находящийся в носу'),⁶ причем главным образом в составе сложного аффикса. В бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках он получил распространение большей частью как показатель относительных прилагательных со значением места или времени нахождения одного предмета в отношении другого. Примеры: бур. *doroxi* 'нижний', *endexi* 'здешний', *manajxi* 'наш', *tugārxi* 'недавний';⁷ калм. *al'k* 'какой, который', *dērk* 'верхний', *dork* 'нижний', *endk* 'здешний', *maḡhdurk* 'завтрашний', *ōrxndk* 'ближний', *xaḡudk* 'находящийся рядом, совсем близко';⁸ м. *dorxi* 'нижний', *dotorxi* 'находящийся внутри', *endexi* 'здешний', *ojrxi* 'находящийся вблизи', *xojšxi* 'последующий, задний'.

Несколько загадочной остается форма порядковых числительных в калмыцком языке: *negdgč* 'первый', *xojrdgč* 'второй', *hurvdgč* 'третий'. Традиционное рассмотрение их как образованных от усеченных количественных числительных при помощи сложного аффикса *-dgč*, в котором *-d* — аффикс глагольной основы, а *-gč* аффикс однократного причастия,⁹ нуждается в дополнительном обосновании.¹⁰

-Sag ~ *-sog* — аффикс уменьшительности, встречающийся редко: бур. *oronsog* 'избенка', *hūlgansag* 'большая деревянная посуда'. Ср.: алт. *balačaq* 'ребеночек', *oročog* 'ямка'; тув. *qulunčaq* 'жеребеночек'; шор. *ujačaq* 'гнездышко', *taγčaq* 'горка'.

Далее, выделим аффикс *-xan*, выступающий с существительными и прилагательными в значении собственно уменьшительности, а также выражающий в сочетании с количественными числительными в бурятском языке ограничительное значение: бур. *tūxan* 'плохонький', *ondōxon* 'немного другой', *tūmerxen* 'железка', *ūnderxen* 'высококонький', *xaraxan* 'черненький', *negexen* 'только один', *xojorxon* 'только

⁶ См.: Godzin'ski S. Język s'ředniomongolski. Słownik. Odmiana wyrazów. Składnia. Warszawa, 1985. S. 26.

⁷ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. С. 94.

⁸ См.: Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983. С. 137-138.

⁹ Там же. С. 154.

¹⁰ Ср.: Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание / Пер. с нем. М., 1957. С. 67.

два', *gurbaxan* 'всего лишь три'; калм. *axrxn* 'коротенький', *bičkxn* 'маленький', *dulaxan* 'тепленький'; м. *parijxan* 'тоненький', *šinexen* 'новенький'; даг. *dulākan* 'тепленький', *jeulēken* 'мягонький'; мнгр. *ariun-xān* 'чистенький', *jūtān-xān* 'узковатый'. Ср.: каз. *onıyana* 'только его', *Aqbotayana* 'только Акбота'; таг. *šunnan sōnyına* 'только после этого'; узб. *qoragina* 'черноватый', *semizgina* 'полноватый', *birgina* 'один единственный'.¹¹

Как и в некоторых других случаях, мы не уверены в правомерности сближения приведенных форм, но считаем целесообразным и даже необходимым фиксировать наряду с бесспорными сомнительные параллели, так как при дальнейших поисках не исключена возможность обнаружения подкрепляющих подобные сближения промежуточных звеньев.

Из совпадающих словообразовательных элементов выделяется также аффикс *-gana* ~ *-gene*, встречающийся в наименованиях растений в бурятском и халха-монгольском языках. Примеры: бур. *altargana* 'золотарник', *balšargana* 'чемерица', 'борщевик сибирский', *gülzörgene* 'земляника', *šasargana* 'облепиха', *ulāgana* 'кислица', *ulālzagana* 'красная смородина', *xargana* 'караган'; м. *balčirgana* 'борщевик', *dzedgene* 'клубника', *sedergene* 'вьюнок'. В тюркских языках им соответствуют словоформы на *-yan* ~ *-gen*, многие из которых имеют прозрачную тюркскую этимологию, например, др.-тюрк. *arγan* 'миртук восточный' от *arγa* 'ячмень'.¹²

-Darga ~ *-derge*. Примеры: бур. *belterge* 'волчонок', *hagaldarga* 'ременная застежка (под уздой)'; калм. *ul'trg* 'стелька'; м. *beltreg* 'волчонок', *segeldreg* 'петля', 'шнурок', *xömöldrög* 'нагрудный ремень (у лошадей)'. Связь данного аффикса с тюркским аффиксом *-duruq* ~ *-dürük* не требует доказательств: ряд слов был заимствован вместе с тюркской производящей основой, например, *xömöldrög* (м.-п. *kömüldürge*). Ср.: др.-тюрк. *bojunturuq* ~ *bojunduruq* 'ярмо' (*bojun* 'шея'), *kömüldürük* 'подпруга' (*kömül* ~ *köñül* 'грудь'), *qılduruq* 'волосинки на колосе пшеницы' (*qil* 'волос'); тув. *mojunduruq* 'воротник' (*mojun* 'шея'); туркм. *aγıddirıq* 'удила'; хак. *ulturux* 'стелька', *xastirix* 'лыко'.

В тюркских языках аффикс *-turuq* ~ *-duruq* утратил продуктивность в относительно давнее время, однако сохраняется значительное количество слов с этим аффиксом как в древних, так и в современных тюркских языках. Продуктивность его на монгольской почве маловероятна,

¹¹ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л., 1987. С. 102.

¹² См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. С. 222.

хотя единичные случаи присоединения к собственно монгольским словам вполне допустимы.

Для бурятского языка характерно употребление собирательных числительных типа *dürbūlen* 'вчетвером';¹³ ср.: калм. *dörvülñ*, м. *dörvülen*; дунс. *γuala* 'вдвоем', *γurala* 'втроем', *tavuala* 'впятером'.¹⁴

В тюркских языках прослеживаются три аффикса собирательных числительных: *-av ~ -ov ~ -ō* (< **-aγu*), *-avlan ~ -alan ~ -olan* (< **aγulan*) и *-alā ~ -ala* (< **-aγula*), причем второй из них включает в себя первый аффикс, не ясный по происхождению форматив *-la* и факультативно аффикс орудного падежа *-n*, который в древнетюркском языке мог также присоединяться непосредственно к аффиксу *-aγu ~ -āgū*: *ekigün* 'двое', 'вдвоем', *üčägün* 'трое', 'втроем'. Сам факт широкого использования аффикса орудного падежа при образовании различных форм в тюркских языках облегчает решение многих вопросов, связанных с образованием сложных аффиксов, не всегда поддающихся простому анализу.

Характер преобразования данного морфологического элемента в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках ничем не отличается от тех фонетических процессов, которые происходили вообще в монгольских и отчасти в тюркских языках, ср.: ст.-узб. *ikävülä ~ ikävülän* 'двое', 'вдвоем', *üčävülä ~ üčävülän* 'трое', 'втроем'; м.-п. *xojaγula(n)* 'двое', 'вдвоем', *dörbegüle(n)* 'четверо', 'вчетвером', *tabuγula(n)* 'пятеро', 'впятером'; калм. *dörvülñ, tavulñ*, м. *dörvül, tavül*.

-Sag ~ -seg... Примеры: бур. (диал.) *emäsäg* 'женолюб, ловелас' (*emä* 'женщина'), *maxasag* 'любитель мяса' (*maxa* 'мясо');¹⁵ калм. *in'gsg* 'дружелюбный' (*in'g* 'друг'), *maxsg* 'любитель мяса' (*maxñ* 'мясо'); м. *emseg* 'женолюб, ловелас' (*eme* 'женщина'), *erseg* '(женщина) любящая мужчин' (*ere* 'мужчина'), *nöxörsög* 'дружелюбный' (*nöxör* 'друг, товарищ'). Ср.: др.-тюрк. *ersäk* '(женщина) любящая мужчин', 'распутная женщина' (*er* 'мужчина'), *tavarsaq* 'любящий вещи, богатство' (*tavar* 'добро, имущество, богатство'); кирг. *malzaq* 'человек, любящий скот' (*mal* 'скот'), *qatınzaq* 'женолюб, ловелас' (*qatın* 'женщина').

В составе тюркского аффикса *-saq ~ -säk* легко выделяется аффикс отыменного образования глаголов *-sa*, восходящий к самостоятельному слову, и аффикс отглагольного образования имен *-q ~ -k*. Первоначальное значение глагола *sa* - 'хотеть, желать' прослеживается в ряде производных глаголов, в которых он по существу становится обычным морфологическим показателем, ср.: бур. *zagaharxa* - 'хотеть рыбы';

¹³ Там же. С. 223.

¹⁴ См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. С. 37.

¹⁵ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. С. 98.

др.-тюрк. *bariysa*- 'хотеть пойти', *satiysa*- 'хотеть продать', ср.-тюрк. *köñülse*- 'испытывать влечение'; ккалп. *suvsa*- 'хотеть воды, испытывать жажду'; тув. *aliqsa*- 'хотеть брать', *biligse*- 'хотеть знать, проявлять любопытство', *körükse*- 'хотеть видеть'.

В монгольских языках аффикс *-sag* ~ *-seg* неразложим, что позволило Дж.Клосону говорить о его тюркском происхождении: монголы параллельно заимствовали такие тюркские слова как *er* и *erseg* и затем стали присоединять аффикс *-sag* ~ *-seg* к монгольским словам.¹⁶

Аффиксы отглагольного образования имен

-G ~ *-ag* ~ *-eg* — аффикс, обнаруживаемый часто в лексических заимствованиях из тюркских языков и приобретающий статус продуктивного морфологического показателя в бурятском языке, вследствие заимствования соответствующих производящих глагольных основ, ср.: *bešeg* 'письмо', 'письменность' (*beše-*, др.-тюрк. *biti-* 'писать'), *budag* 'краска' (*buda-*, др.-тюрк. *bodu-* ~ *bodu-* ~ *boda-* ~ *boda-* 'красить'), *büleg* 'отдел, глава' (*büle-*, др.-тюрк. *böl-* 'делить, разделять'), *xabšag* 'щипцы' (*xabša-* 'схватывать, сжимать, сдавливать'), *xonog* 'сутки' (*xono-*, др.-тюрк. *qon-* 'останавливаться, проводить ночь'); бн. *pejeg* 'письмо' (*peje-* 'писать'); даг. *aulāg* 'охотник' (*aulā-* 'охотиться'), *tatag* 'выдвижной ящик' (*tata-* 'тянуть, тащить'); калм. *bičg* 'письмо' (*bič-* 'писать'), *budg* 'краска' (*bud-* 'красить, окрашивать'), *xavčg* 'ущелье, теснина' (*xavč-* 'жать, сжимать, сдавливать'); м. *bičig* 'письмо' (*bič-* 'писать'); мнгр. *budag* 'краска' (*buda-* 'красить'), *pujig* 'письмо' (**puji-* 'писать'). Бурятское *xabšag* и калмыцкое *xavčg* образованы от глагольных основ монгольского происхождения: *-ša* ~ *-č* — аффикс отыменного образования глаголов, присоединившийся к тюркской глагольной основе (*qar-*'хватать руками, зубами') в порядке ее морфологического освоения.

Примеры образования имен при помощи аффикса *-g* ~ *-ag* ~ *-eg* от монгольских основ: бур. *bajarxag* 'хвастающийся своим богатством' (*bajarxa-* 'хвастаться своим богатством'), *šemeteg* 'украшение, убранство, наряд' (*šeme-* 'украшать, наряжать, убирать'), *zorig* 'стремление, намерение' (*zori-* 'стремиться к чему-л., куда-л.', 'намереваться'), *zurag* 'рисунок', 'картина' (*zura-* 'рисовать'); даг. *bēreg* 'зябкий' (*bēre-* 'зябнуть'), *devseg* 'подстилка' (*devse-* 'подстилать'), *šičig* 'стыд, совесть' (*šiči-* 'стыдиться, стесняться'); калм. *dutg* 'недостаток' (*dut-* 'нехватать, недоставать'), *idg* 'подножный корм' (*id-* 'есть'), *zavg* 'наказание' (*zas-* 'наказывать'); м. *dzurag* 'рисунок', 'картина' (*dzur-* 'рисовать', 'чертить').

¹⁶ См.: Clauson G. The earliest Turkish loan words in Mongolian // CAJ, 1959. IV, 3. P. 177.

С большой степенью вероятности можно считать тюркским по происхождению используемый в бурятском и некоторых других монгольских языках аффикс отглагольного образования имен $-(i)m$. Примеры: бур. *alkat* 'шаг' (*alka-* 'шагать'), *xeršem* 'ломоть' (*xerše-* 'крошить, мелко резать'), *zūxet* 'кусок' (*zūxe-* 'резать ломтями', 'нарезать полоски'); калм. *sām* 'удой' (*sā-* 'доить'), *toxm* 'потник' (*tox-* 'седлать', 'накладывать потник'); м. *alkam* 'шаг' (*alk-* 'шагать'), *toxom* 'потник', 'войлок' (*toxo-* 'подкладывать войлок под седло'), *xerčim* 'ломоть' (*xerč-* 'крошить, рубить на куски'). Ср.: ср.-монг., дунс. *toγun*, м.-п. *toqum*, бн. *toxom*, мнгр. *tuγum* 'потник'.

Далее, есть некоторые основания отнести к числу тюркских морфологических средств аффикс $-tag \sim -teg$. Примеры: бур. *šalkamag* 'род творорога', *tātag* 'загадочный', 'таинственный', *xajlamag* 'раствор', 'плавка', *xātag* 'загородка', 'барьер', *xeršemeteg* 'ломоть', *xūrtag* 'ложный, фальшивый, подложный', *zūhemeg* 'ломоть', 'обрез', 'срез', *zūjxemeteg* 'четырёхугольная посуда из бересты'; калм. *tašmg* 'бич, кнут, плеть'. В тюркских языках подобные образования являются отглагольными именами, в монгольских же языках не всегда удается выделить соответствующие глагольные основы.

По-видимому, тюркского происхождения (из отрицательной частицы *joq*) аффикс *gūj*, который передает отсутствие предмета или признака, выраженного знаменательным словом: бур. *obgūj* 'подавленный' (*ob* 'бодрость', ср.: бур. *ūgī*, калм. *uga*, м. *ūgūj* 'отсутствие', 'неимение'), *xebgūj* 'бесформенный' (*xeb* 'форма'), *xereggūj* 'ненужный' (*xereg* 'дело'), *šadalgūj* 'не имеющий сил, слабый' (*šadal* 'мощь, сила'); калм. *kūčngo* 'бессильный' (*kūčn* 'сила'), *tan'dgo* 'незнакомый' (*tan'l* 'знакомый'), *usngo* 'безводный' (*usn* 'вода'); м. *xereggūj* 'незачем, не надо', 'ненужный, непригодный' (*xereg* 'дело', 'нужда, необходимость'), *tanixgūj* 'незнакомый' (*tanix* 'узнавание, распознавание'), *tesvergūj* 'нетерпеливый' (*tesver* 'терпение, выносливость').

-Gese — в слове *ūlgese* 'вешалка'. Принято считать, что в данном случае мы имеем дело с существительным, образованным от глагола *ūlge-* 'вешать', 'цеплять' при помощи аффикса $-se$. Однако больше оснований рассматривать появление глагола *ūlge-* в бурятском языке как следствие морфологического освоения заимствованного тюркского глагола (ср.: др.-тюрк. *il-* 'цеплять, подцеплять') или как следствие переразложения соответствующего тюркизма (ср.: кирг. *ilgič*, ног. *ilgiš*, тат. *ilgič* 'вешалка'). Ср. также: ног. *ilgek* 'крючок', 'застежка, петля'; тат. *ilmäk*, бур. *ūlgūr* 'вешалка'. Из сказанного можно сделать вывод, что мнимый бурятский аффикс $-gese$, являющийся неотделимым компонентом слова *ūlgese*, представляет собой несколько измененный фонетически тюрк-

ский аффикс *-gič* ~ *-geč*. В бурятском языке в качестве продуктивного морфологического элемента он не использовался.

-*Xān*. В нашем распоряжении единственный пример употребления отглагольного имени на *-xān* в бурятском языке — *tarxān* 'таракан'. И хотя в нем есть также ряд других словоформ, образованных от глагольной основы *tara-* 'расходиться, рассеиваться, разбегаться', слово *tarxān*, представляющее в тюркских языках форму причастия прошедшего времени, следует отнести к тюркизмам.

Аффиксы отыменного образования глаголов

Группа совпадающих морфологических показателей отыменного образования глаголов обширна. Можно уверенно говорить о том, что почти все продуктивные аффиксы этой группы прослеживаются в бурятском языке. Многие из них широкоупотребительны и в других монгольских языках, хотя степень продуктивности их, за редкими исключениями, не велика.

-*La* ~ *-le* ~ *-lo*: бур. *ajragla-* 'делать айрак, кислое квашенное молоко', *dūla-* 'петь', *ojlo-* 'уходить в лес', 'бродить по лесу', *sajla-* 'пить чай', 'чаевничать', *šōlo-* 'насмехаться', 'издеваться', *šubūla-* 'охотиться на птиц', *tabagla-* 'класть в тарелку', *tümerle-* 'стягивать железными обручами', *ulla-* 'подшивать подошву', 'подбивать подметку', *xarla-* 'чернеть', 'темнеть', *xazārla-* 'взнуздывать', *xojorlo-* 'сдваивать'; бн. *samle-* 'расчесывать', *xičele-* 'стричь'; даг. *adōla-* 'пасти скот, табун', *ajlčila-* 'ходить в гости', *antala-* 'делать вкусным, придавать вкус', *bajirla-* 'радоваться', *besle-* 'опоясывать, подпоясываться', *darxalā-* 'делать что-л., мастерить', *degēle-* 'зацеплять крючком', *jujāla-* 'утолщать', *tajbarla-* 'идти малой иноходью', *xarla-* 'чернеть'; дунс. *baula-* 'вязать', *nasula-* 'быть в летах', *šīnayala-* 'черпать', 'разливать ложкой', *šīrala-* 'становиться желтым', *taγula-* 'полнеть', *usula-* 'поить', 'орошать'; калм. *agtl-* 'кастрировать, оскоплять', *atll-* 'золотить, покрывать позолотой', *bagl-* 'связывать, увязывать', *bagšl-* 'учить', 'наставлять', *kevl-* 'формовать', *kölql-* 'ездить', *küčl-* 'применять насилие', *möčl-* 'разделять тушу', *möηkl-* 'увековечивать', *mörl-* 'отправляться в путь', *noml-* 'учить, изучать', *tovčl-* 'застегивать', *tsagl-* 'датировать', 'устанавливать срок', *xurhl-* 'ягниться', *zarl-* 'объявлять, извещать', *zuhl-* 'проводить лето'; м. *alxl-* 'идти быстрыми шагами', *bačl-* 'лукавить, хитрить, обманывать', *büsl-* 'опоясывать', *durl-* 'желать, хотеть', *mūl-* 'хулить', 'сплетничать', *najrl-* 'пировать', *süxl-* 'рубить топором', *tavl-* 'заклепывать', *url-* 'искусно делать что-л., мастерить'; мнгр. *adalla-* 'жить, существовать', *dāxala-* 'жеребиться', *fūdala-* 'класть в мешок', *γadarla-* 'пришивать подкладку', *morila-* 'отправляться в путь', *narla-* 'болеть', *noγōla-* 'ста-

новиться зеленым', *tādala-* 'приближаться', *verla-* 'держат за пазухой', 'прятать', *xarala-* 'становиться черным'; др.-тюрк. *arpala-* 'кормить лошадь ячменем', *siyirla-* 'принимать за корову', *tübütlä-* 'считать жителем Тибета'; кар. *tisle-* 'кусать'; карач.-балк. *aqla-* 'белить'; тув. *sajla-* 'пить чай'.

-la ~ -le ~ -lo- самый распространенный в современных тюркских языках глаголообразующий аффикс, использование которого в древности было по существу неограниченным. По крайней мере, в старописьменных текстах он наряду с аффиксом *-a ~ -e* являлся главнейшим морфологическим элементом, при помощи которого образовывались глагольные основы от имен.

В глагольном словообразовании бурятского и других монгольских языков аффикс *-la ~ -le ~ -lo* также занимает одно из основных мест, однако есть и существенное различие: по мере удаления от современного состояния масштабы использования его сокращаются, и, например, в ранних старомонгольских текстах он встречается преимущественно в заимствованных тюркских глагольных основах. Исключение «Сокровенное сказание», в котором при наличии приблизительно 20 случаев использования аффикса *-la* большая часть их охватывает собственно монгольские глаголы. Дополнительный аргумент в пользу тюркского происхождения рассматриваемого аффикса то, что и в современных монгольских языках он нередко обнаруживается в глаголах, заимствованных из тюркских языков.

Аффикс *-la* в качестве глаголообразующего элемента получил распространение также в тунгусо-маньчжурских языках. Четко выделяющаяся глаголообразующая функция придавала ему значимость служебного слова, и, возможно, это способствовало его внедрению в нетюркские языки.

К числу фонетических вариантов аффикса *-la* относятся *-da*, *-ta*, *-na*, условия появления которых в тюркских языках не одинаковы. В языках Сибири и Алтая, в казахском и киргизском языках, а также в некоторых других наличие аффикса *-la* или его вариантов предопределено качеством последнего звука основы. Для большинства тюркских языков вариант *-da* типичен в случаях, когда производящая основа оканчивается на *-l*, что отражает устойчивую тенденцию избегать стечения двух *l* в пределах одного слога или в смежных слогах (ср. форму страдательного залога): др.-тюрк. *alda-* 'обманывать', *tilda-* 'говорить'; ст.-узб. *jolda-* 'направляться', *qolda-* 'вести'. Реже аффикс *-da* встречается после других сонантов.¹⁷

¹⁷ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л., 1981. С. 143.

Обстоятельства, при которых в качестве словообразовательного элемента глагола появляется аффикс *-na*, не вполне ясны. Полная неясность остается в отношении природы аффикса *-ša* как одного из предполагаемых вариантов аффикса *-la*.

Перечисленные выше фонетические разновидности аффикса *-la* есть в бурятском языке и отчасти в других монгольских языках, причем эпизодически допускается параллельное употребление разных вариантов. Примеры: бур. *bagada*- 'недоставать, нехватать', *galda*- 'жечь, сжигать', *ojrto*- 'приближаться', *šabarda*- 'обмазывать глиной', 'вязнуть в грязи', *aldarša*- 'становиться известным, прославляться'; бн. *bajde*- 'богатеть', *belude*- 'точить', *kitaŋde*- 'холодать'; даг. *argada*- 'хитрить', *dauda*- 'звать', *emeldē*- 'быть впереди', 'стараться', *lekdē*- 'точить (на оселке)', *minādā*- 'ударять кнутом, плетью', *bōrto*- 'быть стельной (жерёбой)', *daute*- 'читать (книгу)'; дунс. *mauda*- 'ухудшаться, портиться', *sugieda*- 'рубить топором', *sumuda*- 'пускать стрелу', *šiduda*- 'становиться острым', 'оказываться острым', *tašida*- 'бить камнем', 'бросать камень', *unduda*- 'становиться высоким'; калм. *sāvürd*- 'подметать', *xürd*- 'играть на кобузе', *aldrš*- 'прославляться', *döŋn*- 'поддерживать, содействовать', *aŋn*- 'охотиться', *emn*- 'лечить', *maxš*- 'становиться полным, тучным'; м. *bezd*- 'тушевать, затушевывать', *davxard*- 'удваиваться, повторяться', *mörd*- 'выслеживать, идти по следу', *mūd*- 'ухудшаться', *xatūd*- 'оказываться твердым', *imn*- 'делать метку', *ind*- 'молотить хлеб каменным катком'; мнгр. *boŋonda*- 'становиться низким', *sumuda*- 'пускать стрелу', *tašda*- 'ударять, бить камнем'.

-R ~ *-re* — аффикс, присоединяемый к существительным, прилагательным и наречиям и служащий целям обозначения приобретаемого нового качества или состояния.¹⁸

Примеры: бур. *balajr*- 'слепнуть', *xüxer*- 'синеть', 'зеленеть'; бн. *gegar*- 'становиться светлым', *niter*- 'становиться влажным', 'становиться сырым'; даг. *kukere*- 'синеть', 'зеленеть', 'голубеть'; дунс. *noŋora*- 'зеленеть', *ninkere*- 'становиться тонким', *kujčiere*- 'холодать', *quajčira*- 'устаревать', 'приходить в ветхость'; калм. *bahr*- 'уменьшаться, делаться меньше', *balvr*- 'дробиться, разбиваться, разваливаться', *čolur*- 'становиться каменистым', *nimgr*- 'утончаться, становится тонким'; м. *dülijr*- 'глохнуть, становится глухим', *nomxor*- 'усмиряться, делаться смирным', *xatūr*- 'затвердевать, становится твердым', *xüjtr*- 'холодать', 'морозить', *dzalxūr*- 'лениться'; др.-тюрк. *kögär*- 'становиться синим, голубым'; алт., кар., тур. *qarar*-, як. *xarār*- 'чернеть, становится черным, темным'; кар. *saŋar* ~ *sarar*- 'становиться желтым', 'бледнеть'; хак. *aŋar*- 'становиться белым', 'сесть'.

¹⁸ Там же. С. 148-149.

-*Rxa* — аффикс, придающий разные значения, чаще всего связанные с отрицательными признаками, например: бур. *amtarxa* — ‘проявлять аппетит’, *arharxa* — ‘хвастаться обилием шкур’, *atārxa* — ‘завидовать’, *bağsarxa* — ‘держаться высокомерно’, ‘постоянно всех поучать’, *m'axarxa* — ‘хвастаться тем, что много мяса’, ‘объедаться мясом’, *morirxo* — ‘хвастаться своей лошадью’, *nomšorxo* — ‘хвастаться своим знанием книг’; калм. *ezrk* — ‘вести себя как хозяин’, ‘действовать силой’, *kūnārḱ* — ‘чуждаться, стесняться в чужом доме’, *nomtrx* — ‘хвастаться своими знаниями’, *sārḱ* — ‘хвастаться, быть тщеславным’, *son'rx* — ‘интересоваться, проявлять интерес’; м. *bajarx* — ‘хвастаться богатством’, *nojorx* — ‘кичиться’, ‘держаться высокомерно’, ‘изображать из себя господина, барина’, *nomčirx* — ‘хвастаться своими знаниями, ученостью’, *öšörx* — ‘причинять вред’, ‘мстить’; др.-тюрк. *tañirqa* — ‘удивляться’; алт. *bajirqa* — ‘хвастаться богатством’; туркм. *düjšürge* — ‘видеть сон’; хак. *küčürke* — ‘считать себя сильным, могущественным’; як. *bajirγā* — ‘считать себя богатым’.

Аффикс *-rxa* один из относительно древних аффиксов, прослеживаемый, кстати сказать, в старописьменных монгольских текстах. Тем не менее, доступные нам материалы языков широнгольской группы не содержат очевидных примеров употребления этого аффикса.

Следующий заимствованный аффикс — *-šā*. Он имеет несколько фонетических вариантов в монгольских языках и сохранил в значительной мере лексическую семантику своего знаменательного прототипа, хотя и подвергся морфологизации. Таким знаменательным прототипом является тюркский глагол *sa-* ‘считать’ (см.: ДТС 478), который стал компонентом ряда грамматических форм, возможно, еще в древнетюркском языке: тур. *azimsa* — ‘считать недостаточным’, *benimse* — ‘pretendовать на что-л.’, ‘считать своим’, *çoqsa* — ‘считать лишним’. Убедительное доказательство указанного семантического своеобразия — существование слова *san* со значением ‘число’, образованного при помощи общетюркского аффикса отглагольных имен *-n*. Примеры из монгольских языков: бур. *adaršā* — ‘считать лишним’, *adlišā* — ‘находить подобным’, *bagašā* — ‘считать малым’; даг. *borōšē* — ‘считать неправильным, порицать’, *mōšē* — ‘считать плохим’, *sajšā* — ‘считать хорошим’, ‘одобрять’, *unenšē* — ‘считать действительным, истинным’; м. *sajšā* — ‘одобрять, находить хорошим’; мнгр. *mūšā* — ‘считать, представлять плохим’.

Формы словоизменения

Заемствованные из тюркских языков формы словоизменения бурятского языка составляют две группы: формы, являющиеся синтетическими образованиями, и формы композитивного типа, имеющие несколько разновидностей.

Первая группа включает в себя форму множественного числа на *-nar ~ -ner* (др.-тюрк. *-lar ~ -lär*), встречающуюся в среднемонгольском и монгольском письменном языках редко, причем в последнем, как и в некоторых современных монгольских языках, она используется для ограниченного круга лексики: существительные со значениями профессиональной принадлежности, рода занятий, а также слова, передающие родственные отношения, ср.: ср.-монг. *gerler* 'дома, юрты', *honlar* 'годы', *qučalar* 'бараны';¹⁹ м.-п. *degüner* 'младшие братья', *tegriler* 'боги'; бур. *axanar* 'старшие братья', *lamanar* 'ламы', *emšener* 'врачи', *exener* 'женщина' (в значении единственного числа);²⁰ калм. *bagšnr* 'учителя', *dünr* 'младшие братья', *eknr* 'матери', *etsknr* 'отцы', *tosxačnr* 'строители';²¹ м. *bagš nar* 'учителя', *egč dū nar* 'сестры', 'сестры и младшие братья'.

К тюркскому показателю множественного числа *-lar ~ -lär ~ -nar ~ -när* восходит и аффикс *-la*, имеющий значение множественного числа в баоаньском и дунсянском языках: бн. *imaŋle* 'козы', *kuŋle* 'люди', *agule* 'девочки', *nerele* 'имена', *šaŋjela* 'мальчишки';²² дунс. *bierila* 'жены', *hela* 'они'.²³

Оба языка занимают несколько изолированное положение, и появление в них тюркского аффикса множественного числа связано с какими-то особыми, пока неясными историческими обстоятельствами. Нельзя не обратить внимание на то, что и баоань, и дунсяне приняли ислам вероятнее всего через посредство тюрков, так как никаких других мусульманских народов в ближайшем окружении тех и других не было. Убедительным свидетельством тесных контактов баоань и дунсян с тюркскими народами в относительно поздний период времени является наличие в их языках таких тюркских слов как бн. *taše*, дунс. *taši* 'камень'.

Время появления аффикса *-nar ~ -ner* в бурятском и вообще в монгольских языках устанавливается довольно точно: в старомонгольских

¹⁹ См.: Godzin'ski S. *Język s'redniomongolski*. S. 80.

²⁰ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. С. 115.

²¹ См.: Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. С. 98.

²² См.: Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. С. 23.

²³ См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. С. 19. См. также: Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960. С. 93.

текстах случаи его употребления единичны. Нельзя сказать определенно, имеет ли связь с тюркским аффиксом условного наклонения *-sa* (др.-тюрк. *-sar*) бурятский условный аффикс *-hā ~ -hē ~ -hō (-sā* в селенгинских *ц*-говорах).²⁴

К формам композитивного типа относятся редупликативные образования, выражающие превосходную степень признака, с полным повтором прилагательных или с усеченным первым компонентом. Появление редупликации относится к общемонгольскому состоянию, и она, естественно, получила повсеместное распространение, хотя некоторые варианты усеченной редупликации характерны для небольшого круга монгольских языков и не имеют параллелей в тюркских языках. В баоанском языке усеченный тип отсутствует. Примеры: бур. *bod boro* 'совсем серый', *sab sasū* 'совершенно одинаковый', *šab šara* 'совершенно желтый', *xab xara* 'черный-черный', *xab xaranxuj* 'совершенно темный';²⁵ даг. *čim čigān* 'белый-пребелый', *ku kujten* 'холодный-прехолодный', *šav šara* 'желтый-прежелтый', *ši šilān* 'синий-пресиний', *xab xalūn* 'горячий-прегорячий';²⁶ дунс. *čī čīyan* 'белый-белый', *no noyon* 'зеленый-зеленый', *qa qalun* 'жаркий-жаркий', *qa qara* 'черный-черный';²⁷ калм. *tsab tsahan* 'белый-белый', *tseb tseykr* 'совершенно голубой', *xab xar* 'совершенно черный';²⁸ м. *av ar'un* 'чистый-чистый', *gav gašūn* 'горький-горький', *šav šar* 'желтый-желтый', *tsav tsagan* 'белый-белый', *uv ulān* 'красный-красный', *xav xar* 'черный-черный';²⁹ мнгр. *qa(b) qara* 'черный-черный', *xu(b) xulan* 'красный-красный'.³⁰ Ср.: дунс. *šurirayan* 'желтый-прежелтый', *xurulayan* 'красный-красный';³¹ бн. *xaberyi* 'черный-пречерный'.³²

Неполная редупликация в тюркских языках имеет свои особенности, проявляющиеся, в частности, в наличии большого количества разновидностей, однако монгольский тип удвоения с усечением первого компонента и присоединением к нему согласного, пожалуй, наиболее распространен в тюркских языках, ср.: алт. *bop-boro* 'серый-серый'; каз. *sap-sari* 'желтый-желтый', кум. *ap-aq* 'белый-белый'; чув. *xur-xura* 'совершенно черный'; як. *ur-uhun* 'очень длинный', *töp-tögürük* 'совершенно круглый'.³³

²⁴ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. С. 224-225.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ См.: Тодаева Б.Х. Дагурский язык. С. 51.

²⁷ См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. С. 25.

²⁸ См.: Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. С. 136.

²⁹ См.: Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. С. 84.

³⁰ См.: Тодаева Б.Х. Монгорский язык. С. 67.

³¹ См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. С. 139, 143.

³² См.: Тодаева Б.Х. Баоанский язык. С. 149.

³³ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков.

Особенным своеобразием форм усеченной редупликации выделяется турецкий язык: *bet-bejaz* 'совершенно белый', *bot-boş* 'совершенно пустой', *sap-sarı* 'совершенно желтый', *ter-temiz* 'совершенно чистый', *çar-çabuc* 'очень быстрый', *mas-mavi* 'совершенно синий', 'совершенно голубой', *mos-mor* 'совершенно фиолетовый'.³⁴

Для решения вопросов, связанных с происхождением приведенных выше редупликативных форм прилагательных разных монгольских языков, чрезвычайно важны материалы среднемонгольского языка и прежде всего материалы «Мукаддимат ал-адаб», в которых среднемонгольские формы приведены в сопоставлении со среднетюркскими: ср.-монг. (МА 129) *čab čayan*, ср.-тюрк. *ab aq* 'совершенно белый', ср.-монг. (МА 219) *köb köke*, ср.-тюрк. *köm kök* 'совершенно синий', ср.-монг. (МА 332) *šib šira*, ср.-тюрк. *sap sarıy* 'совершенно желтый'. Ср.: м.-п. *čab čayān* 'совершенно белый', *geb gegegen* 'очень блестящий', *köb köke* 'голубой-голубой', *sib sira* 'совершенно желтый'.

Сложные глаголы

В большинстве монгольских языков прослеживается тенденция к образованию сложных глагольных форм, в составе которых один из глаголов утрачивает самостоятельное лексическое значение и выступает в качестве вспомогательного глагола, сочетающегося с деепричастием. Примеры: бур. *bariža üze-* 'ощупывать' (*üze-* 'смотреть'), *butarža una-* 'разваливаться', 'разламываться' (*una-* 'падать, сваливаться'), *šegneže üge-* 'отвешивать' (*üge-* 'давать'), *busāža jaba-* 'возвращаться' (*jaba-* 'ходить, ездить'); калм. *bärüljög-* 'вручать' (*ög-* 'давать'), *dävrj orx-* 'атаковать' (*orx-* 'бросать'), *keljög-* 'сообщать', *ömsgjög-* 'одевать'. В дунсянском языке вспомогательными оказываются такие глаголы, как *agi-* 'брать', *ala-* 'убивать', *čiji-* 'начинать', *eči-* 'идти, отправляться', *ijie-* 'есть', *ire-* 'приходить', *javu-* 'идти', *kijie-* 'лежать', *ogi-* 'давать', *sau-* 'сидеть', *taj-* 'ставить', *uče-* 'видеть', *una-* 'падать', *vita-* 'терять', 'лишаться',³⁵ в монгорском — *bos-* 'вставать', *ge-* 'бросать', *re-* 'приходить', *sū-* 'сидеть', *šji-* 'идти', *uγū-* 'давать' и др.³⁶

Ср.: ср.-монг. *aburaži ögbe* 'спас' (*abura-* 'спасать', *ög-* 'давать'), *üküjü ilebe* 'скончался, умер' (*ükü-* 'умирать', *ile-* 'посылать'; м.-п. *abči üčebe* 'попробовал взять' (*ab-* 'брать', *üče-* 'видеть').³⁷

(Имя). С. 120-121.

³⁴ Ср.: Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. С. 72.

³⁵ См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. С. 60.

³⁶ См.: Тодаева Б.Х. Монгорский язык. С. 141.

³⁷ См.: Haenisch E. Grammatiche Besonderheiten in der Sprache des Manghol un Niuca Tobca'an // StO, 1950. XIV. S. 23, 24.

В подобных случаях глаголы подвергаются лишь окказиональной грамматикализации, сохраняя в других условиях собственные лексические значения.³⁸

Все перечисленные здесь глаголы — монгольского происхождения, однако в соответствующих параллелях тюркских языков устойчиво используются глаголы аналогичной семантики: *bašla-*, *ber-*, *joru* ~ *gori-*, *kel-*, *olur-*, *o(l)tur-*, *tašla-*.

Причастия и деепричастия

Ранее уже были описаны бурятские словоформы типа *bederegše* 'искатель', *šudxagša* 'литейщик', имеющие параллели в других монгольских языках и обычно выступающие в значении имени деятеля, ср.: дунс. *javučīn* 'идуший', *suruγačīn* 'учащийся', *šiniečīn* 'смеющийся'. Сказанное выше необходимо дополнить некоторыми замечаниями. В одном ряду с дунсянским аффиксом *-čīn* стоит монгольский аффикс причастия настоящего времени *-čīŋ*, который соответствует аффиксу *-gčī* большинства монгольских языков.³⁹

Как уже указывалось, в рассматриваемых словоформах легко обнаружить черты древнейшего морфологического образования тюркских языков — причастия настоящего времени на *-iγčī* ~ *-igčī*, выражающего значение действующего лица. Примеры: др.-тюрк. *bariγčī* 'идуший, ходок', *jaziγčī* 'пишущий, писарь', *tariγčī* 'сеющий, сеятель'. В языках огузской группы аффикс *-iγčī* изменился в *-ičī*, ср.: *alīčī* 'берущий', *baričī* 'идуший'. В киргизском языке к нему восходит аффикс *-či* ~ *-čü*, образующий форму прошедшего времени. Форма на *-či* ~ *-čü* используется сама по себе и в сочетании с вспомогательными словами: *alči* 'он брал', *kelčüsün* 'ты приходил', *Momun eč qačan Alabašqa minčü emes ele* 'Момун никогда не садился на Алабаша'. Как и многие другие причастия тюркских языков, данная форма является вторичным образованием:⁴⁰ глагольное, или отглагольное, имя на *-iγ* ~ *-ig* + аффикс имени действующего лица, ср.: др.-тюрк. *keligli* (*kelig-li*), *keligmä* (*kelig-mä*), *keligsäk* (*kelig-säk*). По-видимому, она относится к ранним заимствованиям из тюркских языков и первоначально выступала как причастие.

Другое причастие, обязанное своим появлением в бурятском и других монгольских языках тюркскому влиянию, — на *-xa* ~ *-xe* ~ *-xo*; м.-п. *-qu* ~ *-quj* ~ *-qun*; калм. *-x*; мнгр. *-gu*. Примеры: бур. *irexe xün* 'че-

³⁸ См.: Амоголонов Д.Д. Введение в морфологию бурят-монгольского языка // Уч. зап. Бурят-монгольского гос. пед. ин-та. Улан-Удэ, 1955. 7. С. 103-106.

³⁹ См.: Тодаева Б.Х. Монгольский язык. С. 117.

⁴⁰ См. выше. С. 95.

ловек, который придет', *jabaqa xargi* 'дорога, по которой пойдет'; калм. *irx kün* 'человек, который придет', *unx tsasn* 'снег, который выпадет'. Г.И.Рамстедт осторожно характеризует его как монгольско-тюркское глагольное имя,⁴¹ хотя тюркское происхождение данного причастия не требует специальных доказательств. В древнетюркском языке оно имело значение будущего времени и часто использовалось в функции предиката, ср.: *jıraq turγu jumšağ tep inanmaγu* 'он должен стоять далеко и не верить говорящему елейно'. Обычно присутствующие в его значении модальные оттенки — необходимость, категоричность, обязательность, долженствование. Границы распространения причастия на *-γu ~ -gü* в тюркских языках Средней Азии четко очерчивает Махмуд Кашгари: у чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгуров *barγu jer* 'место, по которому следует идти', *turγu oγur* 'время, в которое следует встать'; у огузов и кыпчаков *barası jer, turası oγur*.⁴²

От причастия на *-γu ~ -gü* образуются вторичные глагольные имена типа *barγuluq, barγučı*, по форме стоящие в одном ряду с вторичными глагольными образованиями типа *barıylıq, barıyçı*, но отличающиеся от них по значению. Примеры: (МК II 256) *ol at suvγaryuluq erdi* 'он намеревался напоить лошадь'; (КТ6₅₃) *bitig etgüči* 'соорудитель камня с надписью'; (QBN 50₁₂) *keligli turur qut jana barγučı* 'приходящее счастье снова уходит'.

Деепричастия в монгольских языках составляют большую группу, лишь отчасти не совпадающую по материалам отдельных языков. В целом они распределены примерно так же, как в тюркских языках: соединительные, слитные, разделительные, условные, целевые, предельные, уступительные. При этом условным и уступительным деепричастиям дунсянского языка в тюркских языках соответствуют формы, имеющие иной статус. Говорить об активном участии тюркских языков в образовании монгольских деепричастных форм не приходится, все же едва ли можно отрицать определенную роль в этом процессе тюркской модели распределения деепричастий по передаваемым ими значениям. Что касается деепричастия цели, особенно широко представленного в монгольском письменном языке, то сведения о нем и доказательства его тюркского происхождения подробно изложены в нашей предыдущей работе, посвященной тюркско-монгольским языковым связям.⁴³

⁴¹ См.: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963. С. 131.

⁴² См.: Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961. С. 139.

⁴³ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. (VIII-XIV вв.). С. 218.

Раздел 2. Калмыцкий язык

Принципиальных различий между калмыцким и бурятским языками в отношении количества и состава морфологических заимствований нет. Есть различия в некоторых частностях, обусловленные особенностями миграционных процессов и контактов. Например, в калмыцком языке, по сравнению с бурятским и другими монгольскими языками, более интенсивно используется имя действующего лица на *-č*. По существу этот аффикс стал основным показателем и основным морфологическим средством образования указанной словоформы.

Примечательно образование глагола *aŋhičl-* 'охотиться' от имени действующего лица: *aŋn-* 'охотиться', *aŋhič* 'охотник'. Кстати, подобные случаи образования глагольных основ встречаются также в бурятском и халха-монгольском языках: м. *ančl-* 'охотиться'. В основном же глагольные основы на *-l* (< *-la*), *-n* (< *-na*) образуются в калмыцком языке от исходных именных основ. Многие из них образованы от существительных тюркского происхождения или от существительных других языков, первоначально заимствованных тюркскими языками, например: *agt*, *alt*, *bag*, *bagš*, *kev*, *kölg*, *küčn*, *möŋk*, *zar*, *im*, *em*, *tsag* и т.д. Обилие тюркских производящих основ в составе приведенных выше глаголов важное свидетельство исконной принадлежности их морфологических элементов тюркским языкам.

В калмыцком языке явным тюркизмом является описательный способ обозначения животных по полу при помощи слов *er* 'самец' и *em*, *kükŋ*, *ölgčn* 'самка': *er haŋa* 'кабан' — *em*, *kükŋ haŋa* 'свинья', *er halun* 'гусак' — *em*, *kükŋ halun* 'гусыня', *ölgčn čon* 'волчица', *ölgčn aju* 'медведица'.⁴⁴

Весьма вероятны тюркские истоки у предельного падежа на *-tsa* ~ *-tsä*, ср.: калм. *övdgtsä* 'по колено', *šahatsa* 'по щиколотку'; ст.-узб. *qilča* 'с волосок', *biläkčä* 'с кисть руки'; шор. *ajče* 'с месяц'. В тюркских языках прослеживается связь аффикса *-ča* с послелогом, имеющим предельное или ограничительное значение: тат. *čaqlı* 'до, вплоть до'; тув. *šā* 'приблизительно, около', 'размером с'.⁴⁵

Полностью совпадает с древнетюркским аффикс винительного падежа *-ig* ~ *-ig*: *mösig* 'лед', *xadig* 'скалу', *xunig* 'лебеда'. Однако только по результатам сравнительного исследования падежных форм монгольских языков можно будет дать определенный ответ на вопрос о том, имело ли здесь место влияние тюркских языков или же совпадение аффиксальных морфем является случайным. В этой связи обратим

⁴⁴ См.: Грамматика калмыцкого языка. С. 96.

⁴⁵ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). С. 54-55.

внимание на то, что сам по себе факт заимствования словоизменительных морфем, каким бы невероятным он ни казался, для агглютинативных языков должен рассматриваться как вполне допустимый. И словообразовательные, и словоизменительные морфемы могли восприниматься как относительно самостоятельные единицы, иначе говоря, как служебные слова. Их главнейшая особенность, в отличие от морфологических единиц флективных языков, в отсутствии многозначности, в семантической определенности, облегчающей вхождение в иноязычную систему.

Далее, совпадение наблюдается в формах соединительного падежа калмыцкого языка и творительного падежа тюркских языков, ср.: калм. *modnla* 'с деревом', *mörnälä* 'с конем', *temänlä* 'с верблюдом', *tosnla* 'с маслом'; алт. *atla* '(с) конем', *maltala* '(с) топором'; хак. (кызыл.) *aγaēla* '(с) деревом'. Учитывая, что архетип формы соединительного падежа калмыцкого языка и архетип формы творительного падежа указанных тюркских языков различны (соответственно, *-luγa* ~ *-lügä* и *birlä* ~ *bilä* ~ *bilän*), данное совпадение следует считать случайным.

Напомним также, что Г.И.Рамстедт возводил к тюркскому глаголу *sa-* 'желать, хотеть' калмыцкий аффикс отыменного образования глаголов *-s*, приносящий сходное значение.⁴⁶

Б.Х.Тодаева, отмечая попытку Г.И.Рамстедта связывать глаголы на *-s*, встречающиеся с глаголом *ge-* 'говорить' в калмыцком языке, с тюркскими глаголами на *-sa* ~ *-se* и возводить аффикс *-sa* ~ *-se* к самостоятельному глаголу, указывает вместе с тем на возражения тюркологов, считающих, что «ни в мертвых, ни в современных тюркских языках подобная основа глагола на *-sa* ~ *-se* со значением 'хотеть, желать' не обнаруживается».⁴⁷

На самом деле такой глагол надежно реконструируется на основе материалов, приведенных выше.⁴⁸ Имеются в виду материалы как древних, так и современных тюркских языков. И вообще, необходимо учитывать, что словообразовательная система глагола в тюркских языках формировалась в относительно позднее время и значительное число морфологических показателей сохраняет следы своего происхождения от знаменательных слов.

⁴⁶ См.: Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre // MSFOu, 1952. CIV. S. 187-189.

⁴⁷ См.: Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. С. 69-70.

⁴⁸ См. выше. С. 99-100.

Раздел 3. Халха-монгольский язык (современный монгольский язык)

Из морфологических тюркизмов современного монгольского языка на первом плане оказываются глаголообразующие аффиксы, из которых особой продуктивностью выделяется аффикс *-la*. Однако бросающихся в глаза черт, отличающих его от аналогичного аффикса бурятского языка, обнаружить не удастся. Вхождение аффикса *-la* и других глаголообразующих аффиксов тюркского происхождения в монгольскую систему средств глагольного образования относится к периоду существования общемонгольского языка, и именно этим обстоятельством объясняется широта сферы его употребления.

Раздел 4. Баоаньский, дунсянский, монгорский языки (языки так называемой широнгольской группы)

а). Баоаньский язык

Подобно другим монгольским языкам баоаньский язык в числе продуктивных морфологических средств использует аффикс имени действующего лица *-če*, восходящий к тюркскому словообразовательному аффиксу *-čī ~ -či*.

Возможно, тюркские истоки имеет образующий форму абстрактной принадлежности аффикс *-ge*, который в баоаньском языке, как и в других монгольских языках, присоединяется к форме родительного падежа или непосредственно к основе имени существительного, например: *ne gar čenege o* 'этот дом твой', *ene luse ābege o* 'этот мул — отца'.⁴⁹

Ср.: туркм. (диал.) *tenki* 'мой'; узб. (диал.) *aketmiki* 'моего старшего брата'; тур. *seninki* 'твой'.

б). Дунсянский язык

Заметные следы влияния тюркских языков на дунсянский язык обнаруживаются в образовании форм условного и уступительного наклонений: *duralaseda* 'хотя и любил', *naduseda* 'хотя и играл', *uḡese* 'если увидит', *unuse* 'если поедет верхом'.⁵⁰

Последние не чужды и другим монгольским языкам Северо-Западного Китая, но не встречаются в бурятском, халха-монгольском и калмыцком языках, если не принимать во внимание отмеченный нами выше условный союз бурятского языка, ср.: бн. *γura orse* 'если пойдет

⁴⁹ См.: Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. С. 32.

⁵⁰ См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. С. 50-51.

дождь', *idersede* 'хотя и устали', *njesada* 'хотя и видит', *sūsada* 'хотя и сидел';⁵¹ мнгр. *poṭiē tuḡasa da* 'хотя собака и лает'.⁵²

В тюркских языках аффикс условного наклонения — *-sa* ~ *-so* ~ *-sä*. Древнейшая разновидность его, прослеживаемая в якутском и долганском языках, в рунических надписях, манихейских и уйгурских текстах, оканчивается на *-r*, ср.: др.-тюрк. *ol jergärü barsar türk bodun öltäčisän* 'если пойдешь в ту страну, ты, тюркский народ, погибнешь'; ст.-кыпч. *kim maḡa bersä men d'aḡar beräjim* 'если кто-нибудь мне даст, я также дам ему'; як. *kördörbün* 'если увижу'; ккалп. *barsa da kelmes* 'хотя и пойдет (если и пойдет), не вернется'; тув. *bilze-dā* 'хотя и знает'.⁵³

Это единственная в тюркских языках форма условного наклонения, и наиболее вероятным прототипом ее было сочетание деепричастия на *-i* ~ *-u* с аористой формой глагола *sa* 'думать, считать', 'намереваться' *bol-u-sar*, *kel-i-sär*. По мнению А.Бодроглигети, вначале одна и та же форма выражала условие совершения действия и время его протекания, затем выделились формы на *-sa* и *-isa*, и далее аффикс *-sa* стал показателем условного наклонения, а аффикс *-isar* показателем будущего времени.⁵⁴

В баоаньском, дунсянском и монгорском языках используется лишь поздняя разновидность аффикса условного наклонения (в сочетании с частицей *da* — уступительного), и есть основания полагать, что в указанной группе языков она появилась сравнительно поздно.

При оценке возможности заимствования грамматических форм глагола необходимо учитывать бесспорные факты взаимопроникновения тюркских и монгольских морфологических образований и сам факт существования языков с частично смешанной морфологией, таких как язык хотонов. В последнем Б.Я.Владимирцов выделял «особую форму на *-la* ~ *-lä*, возникшую или благодаря консонантной ассимиляции из формы на *-di*, или благодаря влиянию монгольского языка, где форма прошедшего на *-la* очень распространена и могла вызвать появление аналогичных образований и в турецких (resp. тюркских. — А.Щ.) словах и выражениях хотонов». ⁵⁵

⁵¹ См.: Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. С. 96-97.

⁵² См.: Тодаева Б.Х. Монгорский язык. С. 132.

⁵³ См.: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). С. 58-66.

⁵⁴ См.: Bodrogligeti A. Finite forms in *-isar* ~ *-isär* in Fourteenth Century Turkish literary documents // АОН, 1970. XXIII, 2. P. 176.

⁵⁵ См.: Владимирцов Б.Я. и Самойлович А.Н. Турецкий народец хотоны // ЗВО ИРАО, 1916. XXIII. С. 272.

в). Монгорский язык

В монгорском языке в основном наблюдаются те же особенности морфологии, связанные с тюркским влиянием, что и в баоаньском и дунсянском.

Раздел 5. Дагурский язык

Морфология дагурского языка не подверглась существенным изменениям под влиянием тюркских языков. По крайней мере, очевидных значительных изменений, вызванных контактами с тюркскими языками, обнаружить не удается.

Аффикс *-nar* ~ *-ner* ~ *-nir*, прототипом которого является тюркский аффикс множественного числа *-lar* ~ *-lär* ~ *-nar* ~ *-när*, в дагурском языке употребляется чрезвычайно редко и только с существительными, обозначающими людей.⁵⁶

Примеры использования тюркских по происхождению аффиксов существительных, обозначающих имя деятеля *-či(n)*, *-āči(n)* ~ *-ēči(n)*, приведены в разделе, посвященном бурятскому языку.⁵⁷

То же самое можно сказать о примерах использования аффикса *-kan* ~ *-ken* ~ *-kun* с уменьшительно-ласкательным значением, аффикса собирательных числительных *-āl* ~ *-ōl* ~ *-ūl* и аффиксов глагольного словообразования *-la* ~ *-le*, *-da* ~ *-de*, *-ra* ~ *-re*.

Раздел 6. Могольский язык

Могольский язык, подвергшийся всестороннему влиянию говоров таджикского языка, сохранил несмотря на это некоторые архаические черты. Следы тюркского влияния на него, судя по опубликованным текстам и исследованиям,⁵⁸ не очень заметны. Отметим имя действующего лица на *-qči* ~ *-kči* ~ *-xči*, причастие будущего времени на *-qu* ~ *-ku* и единственный указанный М.Вайерсом послелог *qattu* (*jaŋgal qattu* 'в лесу').⁵⁹

В порядке предположения к тюркизмам следует отнести первый компонент отрицательного глагола *geibe* ~ *ugeibi*. Примеры: *kuzadu dotaneini*

⁵⁶ См. Тодаева Б.Х. Дагурский язык. С. 39.

⁵⁷ См. выше. С. 95.

⁵⁸ См.: Ramstedt G.J. Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan // JSFOu, 1905. XXIII.4. S. 1-60; Ligeti L. Les voyelles longues en Moghol // АОН, 1964. XVII. P. 1-48; Weiers M. Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. (Sprachmaterial. Grammatik. Wortliste) // Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Göttingen, 1971. Bd. 49.

⁵⁹ Weiers M. Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. S. 149.

usun geibe 'в горшке нет воды', *germini qolo geibe* 'мой дом недалеко', *ina adam naqaq ugeibi* 'этот человек прав' (букв. 'не неправ').⁶⁰

Заключение к главе III

Список аффиксов тюркского происхождения, обнаруживаемых в словоформах бурятского и других монгольских языков, свидетельствует, как и следовало ожидать, о преобладании заимствованных словообразовательных элементов. Количество их велико, и некоторые из них в ряде монгольских языков достаточно продуктивны. Словоизменительные аффиксы же составляют небольшую группу, объединяющую разные виды словоизменения. Наблюдается также параллелизм аналитических способов образования грамматической формы, возникший как следствие влияния тюркских языков.

Говоря о словообразовательных элементах, следует обратить внимание на особенность их тюркских прототипов, которые в большинстве своем до недавнего времени находились и находятся даже в настоящее время на ступени самостоятельных или служебных слов. Ранее мы воспроизводили процесс морфологизации прилагательного *sīŋ* 'подобный' (от глагола *sī-* 'походить, быть подобным') и глаголов *sā-* 'желать, хотеть' и *sā-* 'думать, считать'. Примечателен факт широкого употребления в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках аффиксов отыменного образования глаголов, используемых и в других монгольских языках, но в меньших размерах и менее интенсивно. Были заимствованы, кроме того, аффиксы некоторых причастий и депричастий.

Заимствования средств словоизменения эпизодичны, и, как правило, они различаются по языкам. Объединяют все или почти все монгольские языки лишь формы редупликативности, в той или иной мере копирующие тюркские редупликативные сочетания.

Общими для большинства монгольских языков являются сложные глаголы, представляющие собой сочетания соединительных деепричастий с вспомогательными глаголами.

Подводя итог, можно сказать, что заимствованиями охвачены все части речи, за исключением послелогов, выделение которых происходило в позднее время, когда влияние тюркских языков на процесс монгольского формообразования перестало быть интенсивным и вообще прекратилось.

Таким образом, не только лексика монгольских языков, но и морфология подверглись значительным изменениям под влиянием тюркских языков. Помимо явных и широкомасштабных внедрений тюрк-

⁶⁰ Ibid. S. 142.

ских морфологических средств и способов образования грамматической формы существуют и частные малозаметные заимствования, обнаружение которых потребует дальнейших тщательных и глубоких поисков. Попытка Н.Н. Поппе доказать, что морфологические параллели не могут быть результатом заимствования,⁶¹ предпринята без надежной опоры на фактические данные. Безусловно, механизм заимствования аффиксальных морфем и способов выражения грамматических значений многообразный и сложный, действующий в зависимости от разных обстоятельств, одним из которых является особенность структуры и связанная с ней типологическая близость языков. Иными словами, в языках агглютинативного строя различие между лексемой и аффиксальной морфемой сведено к минимуму: и лексема, и аффиксальная морфема, по существу, грамматически однозначны. Двуязычие и социальные факторы придают действию указанного выше механизма достаточно большую широту и создают предпосылки для частичного смешения разных языков.

⁶¹ См.: Poppe N. Über einige Verbalstammbildungsaffixe in den altaischen Sprachen // *Orientalia Suecana*, 1973. XXI (1972). S. 122 ff.

Особенности морфологического освоения тюркизмов

Переходя к вопросу о морфологическом освоении тюркизмов в бурятском и других монгольских языках, заметим, что под морфологическим освоением имеются в виду различные типы преобразования заимствованных слов: усложнение путем присоединения дополнительных аффиксальных элементов, структурные изменения и переразложение словоформ, переосмысление составных частей и т.д.

Дополнительными аффиксальными элементами, присоединяемыми к именам, являются $-n \sim -an \sim -en, -han (-sun)$, значение которых остается невыясненным. И хотя это обстоятельство вызывает сомнения при определении истинной природы указанных элементов, мы, тем не менее, можем условно считать их аффиксальными морфемами, так как в подобных случаях нет оснований говорить ни о фонетическом освоении тюркизмов, ни о каких-либо иных процессах. В отношении семантики явных ограничений нет, и, таким образом, установить и систематизировать их особенности не удастся.

Аффикс $-n \sim -an \sim -en$ присоединяется к существительным и числительным, точнее к одному числительному, во всех монгольских языках или избирательно. Примеры: бур. *arān* 'клык', 'коренной зуб' (др.-тюрк. *aziγ* 'клык', ср.-монг. *ari'a* ~ *arā*, м.-п. *araγa*, даг., мнгр. *arā*), *arxi* 'молочная водка', 'вино' (тат. *araqı̄*, тур. *raqı̄*, м.-п. *arakin*, бн. *rače*, даг. *arigi* ~ *argi* ~ *arig*, калм. *ärk*, м. *artin*), *bajan* 'богатый', 'богатство', 'богач' (др.-тюрк. *baj* 'богатый', 'богач', ср.-монг., м.-п., дунс., м. *bajan*, бн. *bajaγ*, даг. *bajan* ~ *bajin*, калм. *bajn*, мнгр. *bajan* ~ *bajān*), *ezen* 'хозяин' (др.-тюрк. *idi* ~ *idi*, *igā* ~ *ijā*, ср.-монг., дунс. *ejen* 'хозяин', 'господин'; даг. *ejin* 'хозяин', 'государь', 'царь'; калм. *ezn*, м. *edzen* 'хозяин'), *jamān* 'коза' (др.-тюрк. *jimγa* 'самка каменного козла', ср.-монг. *ima'an*, м.-п. *imaγan*, бн. *imaγ*, даг., мнгр. *imā*, дунс. *jiman*, калм. *jaman*, м. *jamān*, сч. *ima* ~ *jima*), *jargašan* 'палач' (др.-тюрк. *jarγan* 'палач', ср.-монг. *jarγučı̄*, м.-п. *jarγačın* 'судья'), *t'aγan* '1000' (др.-тюрк. *tiγ*, ср.-монг. *minqan* ~ *tiγan*, м.-п., мнгр. *tiγγan*, даг., м.

m'aŋan, калм. *miŋhn*), *ordon* 'дворец' (др.-тюрк. *ordu*, м.-п. *ordu qarsi*), *setgen* 'полая трубчатая кость' (др.-тюрк. *söŋük*, ср.-монг. *čimegen* 'кость'; м.-п. *čimügen*, даг. *šimug ~ simüge ~ šimehe*, калм. *čimgn*, м. *čötög*, мнгр. *čimuge* 'костный мозг'), *tōhon* 'пыль' (др.-тюрк. *tōd ~ todan*, ср.-монг. *to'osun*, м.-п. *toγosun*, калм. *tōsn*, м. *tōson*), *tošon* 'наледь' (др.-тюрк. *toš* 'наледь', 'лед'), *udagan* 'шаманка' (др.-тюрк. *īduq ~ iduq* 'священный'; м.-п. *iduyan ~ uduyan*, даг. *jadagan* 'шаманка'), *ühōn* 'месть', 'злоба' (др.-тюрк. *ōč*, калм. *ōšān*, м. *ōšōn*).

Аффикс *-n ~ -an ~ -en* часто входит в состав аффикса имени действующего лица: бур. *anša(n)* 'зверовод' (др.-тюрк. *aŋčī*, м. *anč(in)* 'охотник'), *elšen* 'посол', 'посланец' (др.-тюрк. *elči* 'посол', 'важное должностное лицо', ср.-монг., даг. *elči*, м.-п. *elčin* 'посол', 'посланник'; калм., м. *elč* 'посол', 'говец', 'курьер'), *otošo* 'лекарь' (др.-тюрк. *otačī*, ср.-монг. *otači*, м.-п. *otačīn* 'лекарь'; калм. *otč* 'костоправ'), *tümerše(n)* 'кузнец' (др.-тюрк. **temirči*, аз. *demirji*), *ulāšan* 'возчик' (др.-тюрк. **ulaγčī*, м. *ulāč* 'ямщик'), *zagahaša(n)* 'рыбак, рыболов' (дунс. *jaγasunčīn*, калм. *zahsč*, м. *dzagasč(in)*).

Аффикс *-gen (-ēn ~ -jen)* сам по себе и образуемый примыканием к аффиксу *-n ~ -an ~ -en* конечного заднеязычного основы последовательно, хотя и не без исключений, прослеживается в тюркизмах-наименованиях животных: бур. *botogon* 'верблюжонок' (др.-тюрк. *botu* 'верблюжонок по первому году', ср.-монг. *botayan*, калм. *botzn*, м. *botgo*), *elzegeŋ* 'осел' (др.-тюрк. *ešāk ~ eškāk*, м.-п. *eljigen*, даг. *eljig ~ ejgen*, калм. *eljgn*, мнгр. *rjige ~ jige*), *temēn* 'верблюд' (др.-тюрк. *tevā*, ср.-монг. *teme'en ~ temēn*, м.-п. *temegen*, калм. *temān*, м. *temēn*, сч. *time*), *ünejen* 'корова' (др.-тюрк. *iŋäk*, ср.-монг. *ünejen*, м.-п. *ünige ~ ünije*, бн. *unaŋ*, м. *ünēn*).

Следующий дополнительный аффикс — *-han ~ -hon ~ -hen* (м.-п. *-sun ~ -sün*). В монгольских языках он встречается в различных по семантике словах, но попытки определить его значение до сих пор не увенчались успехом, ср.: бур. *adū(n)* 'табун' — *adūha(n)* 'домашние животные', *argal* 'сухой помет (скота)' — *argahan* в том же значении, *zübšöl* 'одобрение', 'согласие' — *zübšōhen* 'согласный с кем-л., с чем-л.' По мнению Г.И.Рамстедта,¹ он служит целям выражения конкретности, что, в общем, может быть высказано в отношении почти любого слова. Б.Х.Тодаева возводит к нему монгольский аффикс *-se ~ -dze*, образующий существительные от глаголов со значениями: а) орудия действия; б) результат действия.²

¹ См.: Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Пер. с нем. М., 1957. С. 199.

² См.: Тодаева Б.Х. Монгольский язык. М., 1973. С. 63.

Однако связь мнгр. *-se* ~ *-dze* с м.-п. *-sun* вызывает сомнения. Кстати сказать, аффикс *-sun* в монгольском письменном языке присоединяется обычно к именам, но не к глаголам. Остается предположить, что в древнемонгольском языке различались формы единственного и множественного числа, и одним из морфологических показателей единственного числа был как раз данный аффикс. В пользу нашего предположения свидетельствует наличие специального аффикса единственного числа в современных монгольских языках широнгольской группы, баоаньском и монгорском.³

Тюркские слова с аффиксом *-han* ~ *-hon* ~ *-hen* в монгольских языках немногочисленны и не выделяются какими-либо семантическими особенностями. Примеры: бур. *balgāhan* 'закуток', 'хлев', *balgān* 'шалаш' (др.-тюрк. *balıq*, ср.-монг. *balγasun*, калм. *balhsn*, м. *balgas* 'город'; мнгр. *balγāse* ~ *valgāse* ~ *barγase*, сч. *balgası* 'стена, ограда'), *dajsa* (*n*) 'враг, противник, неприятель' (др.-тюрк. *jaγı*, ср.-монг. *dajisun*, даг., м. *dajsan*, калм. *dāsn*), *delhen* 'грива' (др.-тюрк. *jal*, калм. *del*), *xadāhan* 'гвоздь' (др.-тюрк. *qadγuyū*, ср.-монг. *qadāsun*, калм. *hasn*, м. *gadāsan* 'кол'; м.-п. *qadaγasun*, дунс. *qatasun*, калм. *xadasn*, м. *xadāsan* 'гвоздь'), *xilgāhan* 'конский волос' (др.-тюрк. *qıl*, **qılaq*, ср.-монг. *qılγasun*, м.-п. *kılγasun*, даг. *kilgās* ~ *kirgās*, калм. *kilhsn*, м. *x'algasan*), *xōhen* 'пена' (др.-тюрк. *kōpük*, ср.-монг. *kō'esün*, м.-п. *kōgesün*, даг. *xuēs*, калм. *kōsn*, м. *xōsön*, мнгр. *kōrse*).

Из других морфологических или квази-морфологических наращений обращает на себя внимание элемент *ün*, встречающийся лишь в слове *šulün* 'камень'. Его своеобразный внешний облик характерен, по существу, для всех монгольских языков (ср.-монг. *čila'un*, м.-п. *čilaγun*, калм. *čolun*, м. *čulün*), что создает дополнительные трудности в возведении к др.-тюрк. *taš*. Даже если допустить, что непосредственным прототипом бурятского *šulün*, среднемонгольского *čila'un* была тюркская производящая форма с аффиксом *-aq*, присоединение к ней морфологического наращения в виде *-ün* никак не объяснить. С другой стороны, как отмечалось выше, сходство бур. *šulün* с чув. *čul*, др.-тюрк. *taš* едва ли является случайным.

Морфологическое освоение тюркских глагольных основ осуществлялось путем присоединения к ним монгольских глаголообразующих аффиксов. Суть и мотивы такого процесса в том, что заимствованные глаголы могут восприниматься заимствующим языком и как глаголы, и как имена, и при помощи глаголообразующих аффиксов удастся избежать грамматической неопределенности. В бурятском языке

³ См.: Там же. С. 43.

эти функции выполняет преимущественно аффикс $-ša \sim -še \sim -ža \sim -že$, занимающий в отыменном словообразовании глагола в монгольских языках одно из первых мест, ср.: м.-п. *üre* 'плод' — *üreji* 'множиться', 'размножаться', *sa'uri* 'сиденье' — *sa'uriji* 'садиться', ср.-монг. *öbül* 'зима' — *öbülji* 'зимовать'. Усложненной структурной разновидностью его является аффикс $-jija \sim -jia$: мнгр. *bajan* 'богатый' — *bajajia* 'становиться богатым, богатеть', *tara* 'полный, упитанный' — *tarajia* 'становиться полным, упитанным'. Примеры: бур. *aralža* 'менять, обменивать' (др.-тюрк. **aral*- 'обмениваться', *ara* 'между'), *bajaža* 'богатеть' (др.-тюрк. *baja*-, м.-п. *bajaji*-, даг. *bajji*-, дунс. *bajaže*-, мнгр. *bajajia*-), *sabša* 'сечь, рубить' (др.-тюрк. *čap*-, м.-п. *čavči*-, калм. *čavč*-, м. *tsavč*-, мнгр. *čiavči*-), *tabša* 'сжимать, сдавливать' (др.-тюрк. *qap*- 'хватать, захватывать'; м.-п. *qabči*-, даг. *xavči*-, калм. *xavč*- 'жать, зажимать', 'сжимать, сдавливать'), *xüxerše* ~ *xüxer* 'становиться синим, зеленым, голубым' (др.-тюрк. *kögär*-, ср.-монг., м.-п. *kökere*-, даг. *kukere*-, калм. *kökr*-, дунс. *kugiere*-, мнгр. *kuguorā*-, м. *xöxör*-).

Переосмысление составных частей, как один из видов морфологического освоения заимствований, встречается редко. Пока в нашем распоряжении лишь один пример. В слове *süt* 'молоко' конечный *t* был воспринят как показатель множественного числа, и поэтому в единственном числе это слово выступает с типичным для монгольских языков конечным *n* — *hün(sün)* или в тункинском говоре бурятского языка в виде *sǖ*. Не исключено, что переосмысление составных частей имело место также при заимствовании древнетюркского *artiš* ~ *artič* 'можевательник'. **Arčis*, реконструируемый вариант его в среднемонгольском языке, появившийся в результате фонетического освоения, мог быть истолкован как форма множественного числа, и тогда становится естественным появление варианта *arči* (*arčin*) как формы единственного числа.⁴ Переразложение морфологических элементов словоформы, следствием которого стало выделение глагольных основ, не имеющих параллелей в языке-источнике, наблюдается в четырех-пяти случаях, например: бур. *n'udar* 'бить кулаком', м. *nudar* 'толкать, ударять' (бур. *n'udarga*, м. *nudargan*, др.-тюрк. *judruq*, тув. *čuduruq*, хак. *nuzurux* ~ *minzurux*, як. *suturuq* 'кулак'); бур. *xada*-, дунс. *γadu*-, мнгр. *γada*- 'забивать гвозди' (бур. *xadāhan* 'гвоздь', др.-тюрк. *qazγuq* ~ *qaziγuq* ~ *qaziq* 'кол', м.-п. *qadaγasun* 'колышек', 'костыль', 'гвоздь'); бур., м. *xō*-, калм. *kō*- 'пухнуть, разбухать', 'подниматься (о тесте)', даг. *xuē* ~ *huē*-

⁴Подробнее об этом см.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. С. 98-100.

‘пухнуть, разбухать’ (бур. *xōhen*, м. *xōsōn*, даг. *kuēs*, калм. *kōsn*, м.-п. *kōgesün* ~ **kōβesün*, др.-тюрк. *körük* ‘пена’). Объяснить, каким путем происходит выделение (вычленение) несуществующих в языке-источнике глагольных основ, нетрудно: подсознательно устанавливается связь с собственными словами, аффиксальные морфемы которых полностью или частично совпадают с конечными компонентами заимствованных слов. Ср.: эвенк. *čakelga-* ~ *čakilgā-* ‘сверкать, блестеть’⁵ (эвенк. *čakelgan* ~ *čakilgan* ~ *čagalgan*, бур. *saxilgān*, даг. *čakilgān*, м. *tsaxilgān* ‘молния’, ср.-тюрк. *čaqilyan ot* ‘сверкнувший огонь’, *čaq-* ‘высекать искру, огонь’). Нет необходимости сопровождать приведенное выше объяснение специальными доказательствами: глагольной основы *čaqilya-*, к которой можно было бы возвести эвенк. *čakelga-* ~ *čakilgā-*, нет ни в тюркских, ни в монгольских языках.

В рамках морфологического освоения заимствований происходит, кроме того, дублирование аффиксальных морфем. Так, бурятским языком был заимствован тюркский аффикс множественного числа *-nar* ~ *-ner*, ср.: *axanar* ‘старшие братья’, *bagšanar* ‘учителя’, *dūner* ‘младшие братья’, *emšener* ‘врачи’, *lamanar* ‘ламы’. К тюркскому аффиксу присоединяются монгольские аффиксы множественного числа *-ūd*, *-nūd*: *axanarūd* ‘старшие братья’, *lamanarūd* ‘ламы’.⁶

Дублирование аффиксальных морфем представляют, по-видимому, калмыцкие порядковые числительные *negdǵč* ‘первый’, *xojrdǵč* ‘второй’, *hurvdǵč* ‘третий’ (< ? *negedegi* + *-č*, < ? *xojjordogı* + *-č*, < ? *gurbadagi* + *-č*). *-Degi* ~ *-dogı* — сложный тюркский аффикс, выступающий в бурятском языке в качестве показателя порядковых числительных, *-č* (< *-nč*) — древнетюркский аффикс порядковых числительных. Изменение структуры аффиксов заимствованных слов, являющееся лишь отчасти следствием морфологического освоения тюркизов, может быть проиллюстрировано следующими примерами: бур. *azarga* ‘жеребец’ (др.-тюрк. *adǵır* ~ *adǵır* ~ *ajǵır*, **adǵır-aq*, м.-п. *aǵırγan*, даг. *aǵırǵa*, м. *adzragan*), *n’udarga* ‘кулак’ (др.-тюрк. *judruq* ~ *judruq*, ср.-монг. *nudurγa* ~ *nudurqa*, м.-п. *nidurγa*, м. *nudargan*, мнгр. *nudurγa*), *xantarga* ‘ремень у удил’ (др.-тюрк. **qantarıq*, тур. *qantarma* ‘удила, трензель’; м.-п. *xantarγa*, м. *xantraga* ‘поводья’), *xudarga* ‘шляя, подхвостный ремень’ (др.-тюрк. *quδruq* ~ *quδruq* ~ *quδuruq* ‘хвост’, ср.-монг. *quδurγa*, даг. *xudurga*, м. *xudraga* ‘шляя, подхвостный ремень’). Структурные преобразования всех приведенных здесь слов однотипны и легко поддаются объяснению: фонетическое освоение их тесно связано с приданием им типичного для бурятского языка морфологического

⁵ См.: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. II. Л., 1977. С. 379.

⁶ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938. С. 115.

облика, ср.: бур. *belterge* 'волчонок', *hagaldarga* 'ременная застежка (под уздой)', *xümelderge* 'нагрудный ремень (у седла)'.
Аффикс множественного числа *-la* ~ *-le* в баоаньском и дунсянском языках не является особой разновидностью тюркского аффикса *-lar* ~ *-lär* ~ *-nar* ~ *-när*, имеющей морфологическую мотивацию: действие закона открытого слога обуславливает утрату конечного *r*.

Из семантических преобразований, связанных с использованием тюркских морфологических средств, в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках, наиболее заметное обнаруживается у относительных прилагательных, ср.: бур. *nõholig* 'шерстистый', *tümerlig* 'железистый', *xadaliḡ* 'гористый'; калм. *maxl'g* 'мясистый'; м. *altlag* 'золотистый'. Если в тюркских языках приведенный морфологический показатель выражает главным образом значения обладания, принадлежности, то в указанных монгольских языках его содержание дополняется значением насыщенности признака.

Роль контактов в процессе изменения
лексического состава
и морфологической системы языков

Языковые контакты давно привлекают к себе внимание лингвистов, и, конечно, вопрос о том, какую роль они играют в процессе изменения лексического состава и морфологической системы языков, не требует подробного рассмотрения из-за его аксиоматичности.

Основоположниками научно обоснованного подхода к проблеме языкового взаимодействия и смешения языков были В.А.Богородицкий,¹ Э.Виндиш² и И.А.Бодуэн-де-Куртенэ,³ и именно они в конце XIX в. сформулировали основные положения теории контактов. С тех пор появилось большое количество работ, так или иначе касающихся данной тематики, причем многие из них нацелены на изучение условий, обстоятельств и результатов билингвизма.

В наиболее общей и вместе с тем в достаточно развернутой форме решение проблемы языкового взаимодействия с точки зрения билингвизма предложено У.Вайнрайхом. У.Вайнрайх особо выделил фонологические изменения, которые, будучи вызванными междиалектным смешением и контактами с неродственными языками, приводят к заполнению «пустых клеток» в результате заимствования большого количества слов, содержащих необычные для заимствующего языка звуки. Самая высокая степень такого рода изменений — наложение разных систем одной на другую, естественным следствием которого становится трансформация одной из систем.⁴

¹ См.: Богородицкий В.А. К вопросу о «смешанных» языках // Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933. С. 104-106.

² См. работу Э.Виндиша, посвященную теории смешанных языков и заимствований, вышедшую в Лейпциге в 1897 г. К сожалению, эта работа оказалась недоступной для автора.

³ См.: Бодуэн-де-Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // ЖМНП, 1901. СССXXXVII. С. 12-24.

⁴ См.: Weinreich U. Languages in contact. New York, 1953. P. 7ff. См. также: Tesnière

Из трудов, посвященных исследованию последствий двуязычия с опорой на материалы тюркских и нетюркских языков, заслуживают внимания статья А.К.Боровкова «Таджикско-узбекское двуязычие»⁵ и книга В.С.Расторгуевой «Очерки по таджикской диалектологии»,⁶ содержание которых многократно являлось предметом специальных обсуждений. Конкретные вопросы взаимодействия тюркских языков с нетюркскими языками получили подробное освещение в работе Л.Юхансона, рассматривающего разные стороны языковых контактов и предлагающего оригинальные решения.⁷

С позиций специалиста в области алтайских языков мы не считаем целесообразным расширительное толкование теории контактов и воспринимаем ее как ориентированную на научное осмысление единственной, но многогранной проблемы: какие факторы предопределяют результативность влияния одних контактирующих языков на другие? Имеется в виду, конечно, прежде всего влияние тюркских языков на монгольские, сыгравшее важную роль в эволюции монгольских языков.

Языковое влияние через культурные, религиозные и хозяйственные связи находится в прямой зависимости от условий, в которых осуществлялись эти связи. В качестве примеров можно привести введение уйгурской письменности и обращение к древнеуйгурскому языку при формировании приемов канцелярской переписки монголов, принятие буддизма и перевод буддийских текстов с древнеуйгурского языка, приобщение к систематическим занятиям земледелием и скотоводством. Ясно, что при наличии культурных, религиозных и хозяйственных связей заимствуются новые слова, иначе говоря, языки обогащаются словами, обозначающими предметы, действия или абстрактные понятия, ранее неизвестные их носителям. Происходит настоящее заимствование, не поддающееся какому-либо иному толкованию. Заимствования подобного рода составляют значительную группу слов, однако не только они образуют мощный пласт в монгольских языках.

Главнейшим фактором, предопределившим результативность влия-

L. Phonologie et mélange de langues // Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1939. 8. P. 83-93.

⁵ См.: Боровков А.К. Таджикско-узбекское двуязычие и взаимоотношения узбекского и таджикского языков // Уч. зап. ИВАН, 1952. 4. С. 165-200.

⁶ См.: Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан-Ашт-Чуст-Кассансай. М., 1952. С. 42, 61-63, 230-232.

⁷ См.: Johanson L. Strukturelle Faktoren in türkischen Sprachkontakten // Sitzungsberichte der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main. Stuttgart, 1992. XXIX, 5. S. 165-299.

ния тюркских языков на монгольские явилось двуязычие, получившее распространение при первоначально зависимом положении монгольских племен, вероятнее всего, в составе Восточного тюркского каганата. Двуязычие существенно изменило лексику монгольских языков и повлияло на формирование морфологической системы.

Механизм появления новых слов в контактирующих языках в условиях двуязычия работает, разумеется, не по принципу «один язык дает, другой язык берет». Нередко имеет место процесс, который Л. Юхансон называет копированием, общим или частичным, выборочным. «При языковом контакте, — по мнению Л. Юхансона, — ничто фактически не заимствуется: *Gebersprache* не лишается каких-либо элементов, а *Nehmersprache* ничего не берет, что было бы идентичным какому-либо элементу *Gebersprache*». Происходит процесс, адекватный копированию.⁸

Действительно, такой процесс наблюдается, но мы предпочитаем называть его традиционным термином «субституция», в полной мере и всесторонне характеризующим появление иноязычных слов или отдельных компонентов слова путем замены их в одном языке под влиянием другого языка.

Вместе с тем есть случаи, которые иначе как копированием не назовешь. Например, на основе собственного языкового материала путем реализации обычных словообразовательных возможностей создаются словоформы, подобные тем, которые, будучи иноязычными, постепенно утратились или подверглись полному или частичному вытеснению, ср.: тур. *belleten* 'бюллетень' от *bellet-* 'проявлять, обнаруживать' (фр. *bulletin*), *etüt* 'наброски, этюд' от *et-* 'делать, совершать' (фр. *étude*), *oqul* 'школа' от *oqu-* 'читать' (фр. *école*), *qomutan* 'командир' от *qomut-* 'приказывать' (фр. *commandant*). Другой случай копирования — кальки, использование сложных иноязычных словоформ в качестве моделей для образования собственных сложных слов, причем вторые компоненты здесь и собственного происхождения, и заимствованные: тур. *jarımada* 'полуостров', *jarımaj* 'полумесяц', *jarımküre* 'полушарие', *genelqurmaj* 'генеральный штаб', *başbaqan* 'премьер-министр'.

В тюркско-монгольских контактах исторически засвидетельствованного времени различается период интенсивного тюркского влияния на общемонгольский язык, характеризуемый широким и глубоким проникновением большого количества слов с определенными фонетическими особенностями: ротацизмом, наличием в анлауте *d* вместо *j* (<

⁸ Ibid. S. 175.

**ʃ*),⁹ а также активным использованием морфологических элементов: аффикса отыменного образования глаголов $-l(a) \sim -l(e) \sim -l(o)$, аффикса имени действующего лица $-č(i)$ и т.д. К этому периоду относится появление в монгольских языках обширной группы слов, обозначающих домашних животных, а также предметы хозяйственной деятельности. В подобных случаях трудно говорить о копировании или субституции, так как при отсутствии соответствующих реалий не может быть и речи о существовании исконных монгольских наименований коровы, верблюда, овцы. Следовательно, непосредственные языковые контакты не исключают возможности заимствования в собственном смысле этого слова.

Особый тип заимствования — следствие субстратного воздействия: исчезающий язык оставляет следы в лексике, фонетике и морфологии того языка, который вытесняет его или ассимилирует. Например, наличие фарингального h ($< s$) в бурятском языке обусловлено, по всей видимости, воздействием эвенкийского языка, ассимилированного одним из диалектов монгольского языка.¹⁰

Вероятно, к этому же типу в бурятском языке относятся деаффрикатизация аффрикат и спирантизация смычных согласных.

Итак, двуязычие лежит в основе теории контактов: почти все, что имеет отношение к различным видам заимствования, осуществляется путем владения двумя языками, из которых один занимает привилегированное положение, а другой является как бы вспомогательным, или оба находятся примерно в одинаковом положении. Несомненно, теория контактов охватывает и многие другие вопросы, однако все они имеют, как правило, второстепенное значение.

Нельзя обойти молчанием и то, что привилегированное положение, престижность того или иного языка и обусловленная этим направленность влияний не представляют абсолютного постоянства. Смена форм социальной организации, появление новых племенных объединений и крупных государственных образований приводят к тому, что поток заимствований перестает быть односторонним. В этом отношении примечателен факт возникновения в начале XIII в. единого монгольского государства и не менее примечательны завоевательные походы Чингиз-хана, способствовавшие проникновению в тюркские языки нескольких специфических пластов лексики, главным образом военных терминов.¹¹

⁹ См. выше. С. 90.

¹⁰ См.: Будаев Ц.В. Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования. Новосибирск, 1992. С. 47; Бураев И.Д. Фарингальный h в бурятских диалектах // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 68-70.

¹¹ См.: Матгозиев А. Харбий терминлар тарихига доир // УТА, 1974. 1; Дадабаев

По-настоящему классическим в области языковых контактов неродственных языков является упомянутая выше статья А.К.Боровкова, которая содержит богатейшие материалы таджикско-узбекского двуязычия, извлеченные из фольклорных текстов, художественных произведений, из таджикских говоров Ферганы и из других источников. Взаимодействие таджикского и узбекского языков имеет длительную историю, кратко изложенную в статье А.К.Боровкова; особенная же ценность ее в том, что тщательно учтены результаты ряда предшествующих описаний и исследований (работы О.Джалалова, М.С.Андреева, В.С.Расторгуевой) и охвачены все ярусы языка, не только заимствованная узбекская лексика, которая кстати сказать, занимает заметное место «в таджикском просторечии со смешанным узбекским и таджикским населением».¹²

Таджикско-узбекское взаимодействие — двусторонний процесс, оно относится к давнему времени, «прошло ряд этапов и оказало определенное влияние на развитие обоих языков»,¹³ но не привело к возникновению качественно отличных гибридных образований. И таджикский, и узбекский языки сохраняют свою специфику: грамматический строй и основной словарный фонд. А.К.Боровков, не отрицая возможности частичного смешения разных языков, твердо придерживается той точки зрения, что отсутствуют скрещенные языки или диалекты, которые были бы качественно новыми: и не таджикскими, и не узбекскими.¹⁴

Напомним, что примерно так же и вместе с тем несколько иначе и в отношении более широкого круга языков высказывался А.Мейе.¹⁵

Как указывалось выше, в предисловии, по вопросу о взаимодействии и смешении языков высказано много мнений, в той или иной мере совпадающих, или имеющих существенные различия, или даже исключают друг друга.¹⁶

Тюркско-монгольские языковые связи, длительные и очень интенсивные, — реальный исторический факт, вытекающий из наличия географического соседства и административно-государственной смежно-

Х.А. Военная лексика в староузбекском языке. АКД. Ташкент, 1981; Бейбутова Р.А. Стратификация киргизской военной лексики досоветского периода. АКД. М., 1988.

¹² См.: Боровков А.К. Таджикско-узбекское двуязычие ... С. 165.

¹³ Там же. С. 191.

¹⁴ Там же. С. 200.

¹⁵ См.: Meillet A. 1) *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1921. P. 84-85; 2) *Сравнительный метод в историческом языкознании* / Рус. пер. М., 1954. С. 72.

¹⁶ Подробное изложение см.: Schönfelder K.H. *Probleme der Völker- und Sprachmischung*. Halle, 1956. S. 7-42; Juhász J. *Probleme der Interferenz*. Budapest, 1970. S. 17-28.

сти. Они осуществлялись не только в рамках поздних региональных смещений, когда на один язык накладывались элементы другого языка, но и в плане всестороннего взаимодействия в период, когда носители тюркских и монгольских языков располагались компактно на смежных территориях.

Безусловно, степень языкового смешения далеко не одинакова. Примером наибольшего смешения могут служить тунгусо-маньчжурские языки. Обилие заимствований намного увеличивает их лексический состав и затрудняет восстановление собственного фонда. А.М.Певнов указывает на присутствие в тунгусо-маньчжурских языках семи слов со значением 'соль' и рассматривает все семь как заимствования.¹⁷ В тюркских языках одно слово для соли (др.-тюрк. *tuz*), являющееся собственно тюркским; в монгольских языках также одно (ср.-монг., м.-п. *dabusun*), которое, по-видимому, восходит к тюркскому *tuz* (< **tūs*). Сочетание *abu* в среднемонгольском и монгольском письменном языке передает тюркский этимологический долгий гласный. Вариативность наименований одних и тех же предметов или действий-процессов наблюдается и в тюркских, и в монгольских языках, но в тунгусо-маньчжурских языках она особенно велика.

Важным обстоятельством, предопределяющим степень смешения, являются структурные особенности взаимодействующих языков. Принято считать, что влияние одного языка на другой оказывается тем более результативным, чем больше типологическая близость их. И тюркские, и монгольские языки относятся к агглютинативному типу. Но из этого не следует, что формирование основных типологических признаков было изначально обособленным процессом. И типологическая близость может быть следствием продолжительных контактов разносистемных языков, так что в ходе их осуществляется сложное взаимодействие системы языка с широким кругом составляющих ее элементов. В конечном итоге не исключено, что в развитии, скажем, монгольской агглютинации также проявилось тюркское влияние, хотя убедительных фактов, подтверждающих ее вторичность и появление на смену иного морфологического типа, в нашем распоряжении нет. Очевидно и бесспорно лишь то, что структурная, типологическая близость тюркских и монгольских языков способствовала снятию существенных ограничений в процессе заимствования. Морфологические элементы в значительной мере уподоблялись лексическим, и массовое проникновение их из одной языковой среды в другую стало обычным явлением. Не менее важное обстоятельство, способствовавшее увеличению степени смеше-

¹⁷ См.: Певнов А.М. О названиях соли в тунгусо-маньчжурских языках // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 19-35.

ния — минимальная семантическая интегрированность морфологических показателей: один показатель — одно значение (исключения бывают чрезвычайно редко). И, наконец, еще одно важное обстоятельство — довольно слабая спаянность аффиксальных морфем с корневой морфемой, на которую в самых общих чертах указал впервые О.Бётлингк. «Осмысливая все эти явления в совокупности, — писал он, — надобно признать, что в индо-германских языках материя и форма соединяются гораздо теснее, чем в урало-алтайских...».¹⁸

Предмет глубоких размышлений и споров — близость падежных парадигм тюркских и монгольских языков¹⁹

В алтаистической литературе восстанавливаются единые тюркско-монгольские праформы родительного, винительного, дательного и местного падежей, ср.:

	др.-тюрк.	ср.-монг., м.-п.
род.	-niŋ ~ -niŋ ~ -nuŋ ~ -nüŋ	-u (n) ~ -ü (n), -i, -jin
вин.	-iŋ ~ -ig	-i, -ji
дат.	-ŋa ~ -qa ~ -gä ~ -kä	-a
мест. (дат.-мест.)	-da ~ -dä	-du(r) ~ -dū(r), -da ~ -dä

Если это соответствует действительности и близость не является случайной, то ни о какой самобытности монгольских языков говорить не приходится. Однако здесь не может быть простого решения. При отсутствии надежных, хорошо обоснованных реконструкций соответствующих праформ невозможно провести четкую границу между аффиксами, восходящими к единому источнику, и аффиксами, сходство которых является следствием случайных совпадений. Господствующей тенденцией преобразования самостоятельных слов в морфологические элементы оказывается их упрощение, стяжение до одного слога или одного звука, например: тур. *bana* 'мне' (< *banar* < *baŋar* < *baŋaru* < *ben qaru*); как. (диал.) *xapsa* 'в мешок'²⁰ (< *xapsar* < *xapsari* < *xap sari*). Ограниченность фонемного состава аффиксальных морфем, с одной стороны, и относительная беспределность их количества, с другой, делает неизбежным увеличение до больших размеров аффиксальной омонимии, внутриязыковой и межъязыковой. Именно поэтому поиски параллелей в области морфологии сопряжены с риском случайных,

¹⁸ См.: Бётлингк О. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания // Уч. зап. АН по Первому и Третьему отделениям. СПб, 1853. I, 4. С. 409.

¹⁹ См.: Johanson L. Structurelle Faktoren in türkischen Sprachkontakten. S. 235.

²⁰ См.: Доможаков Н.Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949. С. 9. См. также: Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977. С. 49.

поверхностных сближений и допустимы лишь тогда, когда в распоряжении исследователя имеются надежные промежуточные формы.²¹ Достаточно сказать, что даже в индоевропейских языках обнаруживаются падежные формы, сходные как с внешней стороны, так и со стороны семантики почти с любой из приведенных выше тюркских и монгольских форм. Ведь едва ли послужит основанием для серьезных выводов полное или частичное совпадение нескольких падежных аффиксов в русском и турецком языках, ср.: рус. *дочерин, руку, земле*; тур. *qızın, qolu, jere*.

Сделаем попутно частные замечания. Аффикс винительного падежа *-u ~ -ü ~ -i ~ -i* в огузских языках восходит к аффиксу *-iy ~ -ig* древнетюркских текстов. Г.И.Рамстедт, рассматривающий последний как сочетание аффикса *-i* с энклитикой *-gi*,²² не приводит никаких доказательств для обоснования своей точки зрения. Архетип формы винительного падежа в монгольских языках восстанавливается в виде одного гласного. Говорить о сходстве аффиксов дательного падежа нет достаточных оснований, так как аффикс *-a ~ -ä* в тюркских языках не является первичным (*-a < -qa < -qar < qari, -ä < -kä < -kär < käri*), а аффикс *-a* в монгольских языках выделяется как омертвевший формальный элемент в словах *dotora* 'внутри', *degere* 'вверх', *barira* 'для схватывания'.²³ Нет уверенности в том, что этот элемент имел отношение к падежной парадигме. Кроме того, маловероятно, чтобы разновидность аффикса дательно-местного падежа с конечным широким нелабиализованным гласным в монгольских языках (*-da ~ -dä*) была более древней, чем разновидность с конечным *r* и узким лабиализованным гласным (*-dur ~ -dür*).²⁴

Анализ приведенных падежных аффиксов и их сопоставление показывает, что надежной опоры для реконструкции единых падежных праформ нет. Падежная парадигма монгольских языков отлична от тюркской падежной парадигмы и имеет свою историю. Попутно следует указать на типичное для монгольских языков выделение подлежащего при помощи частицы *ber*, материально совпадающей с показателем орудного падежа, или при помощи частиц *anu, inu*: ср.-монг. *kü'ün ber morin ber čino suraqatur adali biju* 'человек и лошадь похожи на то, что ты спрашиваешь'; м.-п. *birman anu ügülerün* 'брахман сказал', *či ber ene ürmüge abubasu* 'если ты возьмешь этот камлот'.

Несколько слов относительно иной возможности, а именно возмож-

²¹ См. выше. С. 97.

²² См.: Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. С. 37.

²³ См.: Там же. С. 39-40.

²⁴ Ср.: Там же. С. 43.

ности заимствования падежных аффиксов. Н.Поппе считал в высшей степени невероятным заимствование падежных форм.²⁵

В отличие от Н.Поппе А.Мейе допускает морфологические заимствования, но только при взаимодействии очень близких систем.²⁶ Аналогичной точки зрения придерживается У.Вайнрайх.²⁷

Убедительным подтверждением ее служат результаты таджикско-узбекского двуязычия. «Так, например, буквально во всех таджикских говорах, — сообщает В.С.Расторгуева, — употребителен узбекский суффикс *-čī*, образующий имена деятеля... В большом количестве проникли узбекские словообразующие суффиксы в некоторые крайние северные смешанные таджикские говоры, например в чувстский, в котором используются: наречный суффикс *-čā*; суффикс, образующий абстрактные существительные, *-lik*; ограничительный суффикс *-gina*; суффикс собирательных числительных *-la*... Чувстский и верхнечирчикские говоры заимствовали также узбекские суффиксы исходного падежа *-dan* и дательного падежа *-ga*...», суффикс формы предела, суффикс сравнительной степени прилагательных *-roq*.²⁸

Для полноты представления о последствиях языкового взаимодействия, непосредственно относящихся к теории контактов, следует иметь в виду, что процессу заимствования самостоятельных слов и морфологических элементов обычно сопутствуют более или менее существенные преобразования внешней формы и семантики. Речь может идти об изменениях отдельных звуков, звукосочетаний, о субституции аффиксальных морфем, слиянии словоформ и т.д. Ср.: м.-п. *altan* 'золото', 'золотой', эвенк. *altama* ~ *alduma*; м.-п. *qabtaʔaʔaj* 'плоский', эвенк. *kaptama*; м.-п. *ulaʔan* 'красный', эвенк. *hulama* ~ *ulama*; ср.-тюрк. *teŋi joq* 'нет равного', ср.-монг. *teŋ ügej*; туркм. *bazasī joq* 'бесценный'; ср.-монг. *dabusu ügej* 'несоленый', *körk ügej* 'некрасивый'; калм. *end kün uga* 'здесь никого нет'; калм. *kirgo* 'чистый, негрязный', *küčngo* 'бессильный'; м. *argagüj* 'безвыходный', 'невозможный', *xirgüj* 'чистый', *xüčgüj* 'бессильный'; м.-п. *kelegej* 'немой', 'косноязычный' (< *kelen ügej*, *kelen* 'язык'), эвенк., эвен. *kelegej* 'заика'; калм. *kömrq*, м. *xömöldrög*, ср.-монг. *kötmüldürge*, др.-тюрк. *kötmüldürük* 'нагрудный ремень (у лошади)'.

²⁵ См.: Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe in den altaischen Sprachen // *Orientalia Suecana* (1972). Uppsala, 1973. XXI, S. 122.

²⁶ См.: Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*. P. 87.

²⁷ См.: Weinreich U. *Languages in contact*. P. 33.

²⁸ См.: Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964. С. 140-141. См. также: Джалалов О. Отношение чувстского диалекта к таджикскому литературному языку // Тр. ИИЯЛ Таджикского филиала АН СССР, 1949. XXVI. С. 19 сл.

Существенные изменения первоначального облика заимствованных слов и их семантики нередко обусловлены не процессами, происходящими в ходе заимствования, а тем, что слова заимствуются из разных языков. Так, закономерным отражением др.-тюрк. *küädägü* ~ *küädägü* в якутском языке явилось *kütüö* (> эвенк. *kute*). В монгольских языках выступает ротацирующая разновидность этого слова: м.-п. *kürgen*, даг. *xurgen* ~ *kurgen* ~ *xürgen* ~ *huregen* (> эвенк. *kurigen* ~ *kurakān* ~ *kureken*, сол. *xurēxē*).²⁹ Таким образом в эвенкийском языке прослеживаются две разновидности одного архетипа: *kute* и *kurigen*.

Экскурс I. Специфические черты фонетики, морфологии и синтаксиса монгольских языков

Здесь имеется в виду все то, что не является следствием контактов монгольских языков с тюркскими, что, таким образом, условно следует считать собственно монгольским достоянием. Условно, потому что монгольские языки включают в себя не только тюркский пласт заимствований, заимствованная лексика и ряда нетюркских языков. Поэтому под монгольским достоянием в данном случае разумеются черты монгольских языков, которые нельзя приписать тюркскому влиянию.

Если в предыдущей части, т.е. в корпусе работы, в центре внимания был бурятский язык и отчасти калмыцкий, то в настоящем экскурсе содержатся материалы, которые по понятным причинам извлечены из разных монгольских языков, древних и современных. Только совокупные результаты обзора всех доступных материалов позволят точнее определить истинную природу тюркско-монгольских языковых связей. Бурятский и калмыцкий языки подверглись тюркскому влиянию в наибольшей мере, и, что весьма важно, это влияние осуществлялось в разные периоды, вплоть до настоящего времени. Остальные монгольские языки в древнейший период также испытывали сильное тюркское влияние, но в последующее время оказались в сфере интенсивного воздействия других языковых семей, и сопоставление их, с точки зрения характера и размеров тюркского вклада, с бурятским и калмыцким языками обеспечит надежность и достоверность общего заключения.

Несомненно, монгольские языки образуют самостоятельную семью со своими закономерностями развития и обогащения лексики и грамматического строя, и выделение того, что можно считать специфически монгольским, даст возможность не только ответить на многие вопросы, касающиеся состояния монгольского праязыка, но и провести более

²⁹ См.: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. I. Л., 1975. С. 437, 440.

четкое и осмысленное разграничение того, что относится к специфически монгольским чертам и что является принадлежностью алтайского праязыка, если таковой действительно когда-либо существовал.

Мы не ставим себе цели создать тюркско-монгольскую контрастивную грамматику: очевидна нереальность осуществления подобного предприятия в ближайшем будущем. Кроме того, нельзя забывать, что данная работа, о чем можно судить по ее названию, ориентирована на постановку и решение несколько иных задач. Специфические черты фонетики, морфологии и синтаксиса монгольских языков описываются выборочно.

Своеобразие монгольских языков в наибольшей мере заметно в области фонетики и синтаксиса. Состав фонологических оппозиций, распределение гласных и согласных в слоге и в слове, структура слога имеют нечто общее в тюркских и монгольских языках, и вместе с тем налицо наличие принципиально не сводимых к единой исходной основе особенностей. Попытаемся раскрыть их в предельно сжатой форме, используя в качестве отправной точки сопоставления материалы тюркских языков.

Специально занимавшийся указанной проблемой А.Рона-Таш отмечает в монгольских языках противопоставление сильных (глухих придыхательных) и слабых (полузвонких) согласных. Опираясь на полученные результаты, можно сказать, что подсистему анлаутных согласных монгольского праязыка нельзя свести к соответствующей тюркской подсистеме по нескольким параметрам. В монгольском праязыке в анлауте восстанавливается коррелятивная оппозиция сильных, слабых и сверхслабых согласных. Далее, подсистема начальных согласных монгольского праязыка охватывает сонанты (*resp.* сверхслабые). Наконец, в монгольском праязыке нет соответствия тому согласному (межзубному *ʋ, аффрикате ʃ или чему-либо иному), рефлексам которого в современных тюркских языках выступают *s, s', č, ĵ, z, d'* и т.д. Исходить из предположения, что одна из двух реконструированных подсистем намного древнее другой³⁰ и что отмечаемые при сопоставлении их различия результат позднейших изменений, можно только в порядке оторванного от фактического материала теоретизирования. Если в монгольских языках, точнее в каждом монгольском языке, встречаются разные соответствия указанному выше согласному, причем это разнообразие не имеет комбинаторной или какой-либо иной обусловленности, речь может идти лишь о заимствованиях, образующих разные

³⁰ См.: Hattori Sh. The length of vowels in Proto-Mongol // *Studia Mongolica Institutii Linguae et Litterarum Comitetti Scientiarum et Educationis Altae Reipublicae Populi Mongoli. Ulaanbaatar, 1959. I. P.6.*

хронологические пласты или отражающих разную диалектную принадлежность источника заимствования.³¹

Если в тюркском праязыке отсутствовала коррелятивная оппозиция согласных по признаку глухости/звонкости или силы/слабости, и этим обусловлено многообразие изменений консонантизма в древних и современных тюркских языках, то подобное положение для монгольского праязыка исключено. Указанная коррелятивная оппозиция прослеживается во всех монгольских языках, настолько типична для них и имеет такую глубокую историю, что устранить ее на каком-либо этапе развития монгольских языков невозможно.

По-видимому, в монгольских языках плохо сохраняются следы слоговой полипросодии, некогда интенсивно проявлявшейся в условиях преобладающего моносиллабизма. Во всяком случае, по вопросу о возможности восстановления на уровне монгольского праязыка количественной оппозиции гласных, обнаруживающей в тюркских языках связь со слоговой полипросодией, пока нет единого мнения. Многочисленные попытки обнаружить первичные долгие гласные или следы их существования в прошлом, предпринимавшиеся главным образом с опорой на материалы монгорского, дагурского и могольского языков, не увенчались успехом.³²

Примечательно структурное своеобразие монгольских языков. В реконструируемом тюркском праязыке допустим любой тип слога, и строгие ограничения наблюдаются лишь для стечений согласных в начальной позиции. Структура же монгольского слога (*resp.* односложного слова) характеризуется изначальным преобладанием или господством открытого типа и недопустимостью стечений согласных не только в начале, но и в конце его. Все монгольские языки в той или иной мере сохраняют следы подобного распределения гласных и согласных, которые особенно заметно выявляются в способах структурно-фонетического освоения заимствованных слов.³³

И в древних, и в современных монгольских языках и диалектах обнаруживаются факты, свидетельствующие о некоторой предрасположенности их к открытому типу слога. Четко и определенно сформулировать такую структурную закономерность пока не представляется возможным: только в результате всеобъемлющего сравнительного

³¹ См.: Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? (К проблеме родства алтайских языков) // ВЯ, 1974. 2. С. 61. См. также: Бураев И.Д. Становление системы согласных фонем современного бурятского языка // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989. С. 3-4.

³² См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. С. 226-233.

³³ Там же. С. 239-241.

исследования будут сделаны окончательные выводы. Искать причины структурно-фонетических расхождений тюркских и монгольских языков в продолжительных контактах последних, по крайней мере некоторых из них, с китайским языком не имеет смысла, так как структурные преобразования заимствованных тюркских слов оставили заметный след и в среднемонгольском языке, хотя в нем произошел значительный сдвиг в сторону структурно-фонетического типа тюркских языков.

К числу собственно монгольских черт в области морфологии и синтаксиса мы относим возвратное склонение; одностороннее оформление имени в сочетаниях притяжательного типа; эпизодически наблюдаемое в среднемонгольском языке согласование качественных имен и причастий, выступающих в функции определения, с определяемым в числе, реже падеже. Сюда же следует отнести предварение прямой речи абсолютным деепричастием или оборотом с абсолютным (иначе: приглаголительным) деепричастием: м.-п. *eme inijen ügülerün aj ünege* 'женщина сказала, смеясь: о лиса'.

Самостоятельность монгольских языков как автономного генеалогического подразделения проявляется также в специфичности количественных числительных (от одного до девяти) и местоимений. Согласно широко распространенному мнению, и количественные числительные, и местоимения отличаются большой устойчивостью и, как правило не заимствуются. О специфичности монгольских количественных числительных уже много говорилось в предыдущем томе, и излишне продолжать обсуждение этой темы здесь. Иначе обстоит дело с местоимениями. Вопрос о том, насколько они отличаются от местоимений тюркских языков, нередко вызывает острые споры. Именно поэтому мы сочли необходимым уделить ему особое внимание.

В одной из последних работ, посвященных проблеме отдаленного родства языков, сопоставляются три группы тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских местоимений: личные, указательные и вопросительные, которые автор статьи считает основными, важнейшими и, по существу, совпадающими или сходными.³⁴

Монголо-тунгусо-маньчжурские связи действительно являются всеобъемлющими и отличающимися относительно большой глубиной; совпадение и сходство монгольских и тунгусо-маньчжурских местоимений очевидный факт, однако нельзя не учитывать чрезвычайно высокую степень смешения тунгусо-маньчжурских языков с другими язы-

³⁴ См.: Яхонтов С.Е. Отдаленное родство языков: сравнительные характеристики некоторых спорных теорий // Языки и речевая деятельность. 3. СПб., 2000. С. 220.

ками и между собой, отмеченную, в частности, С.М.Широкогоровым.³⁵ При этом первоначально монголизмы заимствовались преимущественно маньчжурским языком,³⁶ который и являлся главнейшим источником их распространения в других тунгусо-маньчжурских языках. В дальнейшем процесс заимствования приобрел и чисто внутренний характер: заимствованные слова из одного тунгусо-маньчжурского языка проникали в другой.

Естественно, в работе, содержанием которой является анализ тюркско-монгольских языковых связей, проблема монголо-тунгусо-маньчжурских языковых параллелей затрагиваться не будет.

Своеобразие монгольских личных, указательных и вопросительных местоимений, по сравнению с тюркскими, при достаточно полном охвате материалов, подлежащих сопоставлению, не вызывает сомнений. Чтобы убедиться в этом, целесообразно ориентироваться и на материалы какого-нибудь одного современного языка, например, бурятского или дагурского, и на реконструированную систему монгольских местоимений.

Личные местоимения

	бур.			даг.		
1-е л. ед. ч.	<i>bi</i>	мн. ч.	<i>bide, bidener</i>	<i>bī</i>	мн. ч.	<i>bā, bed</i>
2-е л. ед. ч.	<i>ši</i>	мн. ч.	<i>ta</i>	<i>šī</i>	мн. ч.	<i>tā</i>
3-е л. ед. ч.	—	мн. ч.	—	<i>in</i>	мн. ч.	<i>ān</i>

Прамонгольская реконструкция Н.Н.Поппе

1-е л. ед. ч.	<i>*bī</i>	мн. ч.	<i>*bā</i>
2-е л. ед. ч.	<i>*tī</i>	мн. ч.	<i>*tā</i>

Альтернативная прамонгольская реконструкция

1-е л. ед. ч.	<i>*bi</i>	мн. ч.	<i>*ba</i>
2-е л. ед. ч.	<i>*ti</i>	мн. ч.	<i>*ta</i>

³⁵ См.: Shirokogoroff S.M. Ethnological and linguistical aspects of the Ural-Altai hypothesis // Reprinted from Tsing Hua Journal. 6. Peiping, 1931.

³⁶ См.: Rozycki W. Mongol elements in Manchu // Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 157. Bloomington, 1994.

Пратюркская реконструкция

1-е л. ед. ч.	* <i>pen</i>	мн. ч.	* <i>pīs</i>
2-е л. ед. ч.	* <i>seŋ</i>	мн.ч.	* <i>sīs</i>

Как показывает сопоставление монгольских и тюркских личных местоимений, почти ничего общего во внешнем облике их не наблюдается. Кроме того, очень своеобразны структурные преобразования форм косвенных падежей (ед.ч.):

	бур.	бур.	даг.
Им.	<i>bi</i> 'я'	<i>ši</i> 'мы'	<i>in</i> 'он'
Род.	<i>minī</i>	<i>šinī</i>	<i>inī</i>
Дат.	<i>namda</i>	<i>šamda</i>	<i>jamad ~ jamda</i>
Вин.	<i>namaj, namaje</i>	<i>šamaj, šamaje</i>	<i>jamī</i>
Оруд.	<i>namār</i>	<i>šamār</i>	<i>jamār</i>
Исх.	<i>namhā</i>	<i>šamhā</i>	<i>jamās ~ jamār</i>
Совм.	<i>namtaj</i>	<i>šamtaj</i>	<i>jamti</i> ³⁷

В монгольских языках, в отличие от тюркских, последовательно различались, а в ряде языков различаются и в настоящее время, инклюзив и эксклюзив, ср.: м.-п. *bida*, дунс. *biŋien*, калм. *bidn* 'мы (с тобой)', 'мы (с вами)'; м.-п. *ba*, дунс. *matan*, калм. *madn* 'мы (без тебя)', 'мы (без вас)'.³⁸

Вместе с тем давно наметилась тенденция к постепенному стиранию различий между инклюзивом и эксклюзивом, особенно четко прослеживаемая в современных монгольских языках. Так, в бурятском, баоаньском и монгорском языках используется одно местоимение 1-го лица множественного числа: бур. *bide(ner)* 'мы', *ši bide tojor* 'мы с тобой'; бн. *bede*, мнгр. *buda* 'мы'.

Указательные местоимения

	бур.	прамонг.	пратюрк.	
<i>ene</i> 'этот'	<i>ede</i> 'эти'	?	* <i>pū</i> 'этот'	* <i>pūlar</i> 'эти'
<i>tere</i> 'тот'	<i>tede</i> 'те'	?	* <i>o(l)</i> 'тот'	* <i>olar ~ *anlar</i> 'те'

³⁷ См.: Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986. С. 53.

³⁸ В документах ильханов, находившихся под большим влиянием канцелярской переписки тюрков, *bida* и *ba* смешиваются, см.: Mostaert A. et Cleaves F.W. Trois documents mongols des archives secrètes vaticans // HJAS, 1952. XV. 3-4. P. 473.

Корни монгольских указательных местоимений, выделенные Н.Н.Поппе, *e-* и *te-*.³⁹ По-видимому, и прамонгольские реконструкции должны выступать в соответствующем виде.

Вопросительные местоимения

бур.	<i>xen</i> 'кто'	<i>jū</i> 'что'
------	------------------	-----------------

Прамонгольская реконструкция

* <i>ken</i> 'кто'	* <i>jū</i> 'что'
--------------------	-------------------

Пратюркская реконструкция

* <i>kim</i> 'кто'	* <i>nē</i> 'что'
--------------------	-------------------

Бур. *bidener* 'мы' и дунс. *terela* 'эти' по всей видимости включают в себя заимствование из тюркских языков — аффикс множественного числа *-la(r) ~ -na(r)*.

Все приведенные выше реконструкции не окончательные, но насколько бы условными они ни были, свести их воедино, в единые тюркско-монгольские праформы не удастся. Остается повторить ранее высказанное положение: и количественные числительные (от одного до девяти), и основные подгруппы местоимений в монгольских языках специфичны и не могут служить опорой для доказательства алтайской гипотезы.

Продолжая перечень специфических черт морфологии монгольских языков, отметим факт присутствия в них аффиксов, выражающих отнесенность к естественному полу, и следов выражения грамматического рода. Например, аффиксы *-qčün ~ -kčün*, *-lun ~ -lün*, *-tani ~ -teni*, *-qan ~ -ken*, *-γuj* и *-jün*⁴⁰ входят в состав женских имен собственных и слов, обозначающих живые существа женского пола. Прилагательные на *-tu* употребляются по отношению к мужскому полу, прилагательные на *-taj* по отношению к женскому.⁴¹

Аналогичное различие прослеживается между числительными *qojar*

³⁹ См.: Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938. С. 107.

⁴⁰ См.: Владимирцов Б.Я. Следы грамматического рода в монгольском языке // ДАН-В, 1925. С. 31-34; Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // CAJ, 1955. 1, 4. S. 262.

⁴¹ См.: Street J.Ch. The language of the Secret History of the Mongols // American Oriental Series. New Haven, 1957. P. 22.

и *ǰirin*,⁴² между двумя формами вопросительного местоимения в «Сокровенном сказании»: *ǰa'un*⁴³ и *ǰauǰin*,⁴⁴ между разными вариантами окончаний глагольных форм прошедшего неопределенного *-ǰu'uj* и *-ǰi'aj*,⁴⁵ прошедшего определенного *-ba*⁴⁶ и *-bi*⁴⁷ и т.д.⁴⁸

Принципиально значимое расхождение с тюркскими языками — в плане морфологической структуры слова и порядка следования аффиксальных морфем. В тюркских языках при слово- и формообразовании именная основа остается относительно неизменной, тогда как в монгольских языках она то сохраняет, то утрачивает конечный *n*. При образовании формы множественного числа может исчезать не только *n*, но и *r*, *l*, *j*, а также особый именной аффикс *-sun*. Различия в порядке следования аффиксальных морфем, как указывалось выше, настолько существенны, что даже сами по себе исключают возможность объединения тюркских и монгольских языков в одну генеалогическую общность. В монгольских языках падежные аффиксы не замыкают словоформу: за ними следуют аффиксы принадлежности, ср: м.-п. *gertürtani* 'в вашей юрте'; калм. *maldm* 'моему скоту', *gertčn* 'в твоей юрте' (*-tür*, *-d*, *-t* падежные аффиксы; *-tani*, *-m*, *-čn* аффиксы принадлежности).

Не поддаются сведению к единым праформам залоговые аффиксы монгольских языков. Попытки расчлениить их или обнаружить в тюркских языках формы страдательного залога на *-ǰ*, *-č*⁴⁹ не дали положительных результатов. Нельзя серьезно отнестись к сближению тюркского аффикса страдательного залога *-(i)l* ~ *-(i)l* с начальным согласным форм взаимно-совместного и понудительного залогов в монгольских языках.⁵⁰

Тем не менее, возможна типологическая близость залоговых форм, проявляющаяся в копировании системы в целом. Ср.: м.-п. *-ta* ~ *-te* ~ *-da* ~ *-de*, *-γda* ~ *-gde* страдательный залог, *-ra* ~ *-re* возвратный (средний), *-lda* ~ *-lde* ~ *-ldu* ~ *-ldü*, *-lča* ~ *-lče* взаимно-совместный, *-γul* ~

⁴² См.: Hambis L. Grammaire de la langue mongole écrite. Paris, 1946. P. 2.

⁴³ См.: Козин С.А. Сокровенное сказание. I. М.; Л., 1941. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 38.

⁴⁵ Там же. С. 1.

⁴⁶ Там же. С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 22.

⁴⁸ См.: Doerfer G. Beiträge zur Syntax... S. 248 ff; Санжеев Г.Д. Следы грамматического рода в монгольских языках // ВЯ, 1956. 5. С. 74; Street J.Ch. The language of the Secret History of the Mongols. P. 40.

⁴⁹ См.: Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Пер. с нем. М., 1957. С. 142-146 сл.

⁵⁰ См.: Ramstedt G.J. Zur Verbalstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen // JSFOu, 1912. XXVIII.3. S. 8 ff.

-gül, -lγa ~ -lge, -γa ~ -ge (-ja ~ -je) побудительный.⁵¹ Если учесть, что залоговые формы образовались в довольно поздний период времени, то необходимо согласиться с предположением об относительно небольшой исторической глубине тюркско-монгольских языковых контактов. Процессы образования грамматических форм в тюркских и монгольских языках происходили не в одно и то же время, но и в тех, и в других языках они не являются очень древними.

В условиях тесных и продолжительных контактов тюркских и монгольских языков вполне реальна ориентация одних языков на другие при образовании некоторых форм. Очевидно, имели место разные случаи: заимствование готовых форм, полное или частичное калькирование, моделирование по образцам наиболее престижного языка. Как раз к последнему случаю имеет отношение процесс образования залоговых форм в монгольских языках.

Значительную группу собственно монгольских морфологических образований составляют отглагольные глаголы, т.е. осложненные глагольные формы, передающие дополнительные значения (например, интенсивность действия, многократность совершения его) или сохраняющие значения исходных форм. Примеры: м.-п. *toγta-* 'останавливаться', 'оставаться' — *toγtani-* 'останавливаться', 'успокаиваться', *ani-* 'закрывать глаза' — *anibalǰa-* 'мигать' (*resp.* 'часто закрывать'), *sana-* 'думать, соображать' — *sanaγalǰa-* 'думать серьезно, глубоко', *neme-* 'увеличивать, добавлять' — *nemeski-* 'увеличивать немного, добавлять немного'.

Сложную картину дает отыменное словообразование глагола. В среднемонгольском и монгольском письменном языках велико количество аффиксальных морфем, образующих глагольные основы от имен. Часть их совпадает или имеет значительные сходства с тюркскими морфемами, упоминавшимися выше: *-la ~ -le, -da ~ -de, -rqa ~ -rke, -ra ~ -re*. Другая часть, и таких аффиксальных морфем большинство, не представлена параллелями в тюркских языках и скорее всего является принадлежностью собственно монгольской морфологической системы. К этой части относятся аффиксы *-šija ~ -šije, -t, -dqa ~ -dke, -ji, -ǰira ~ -ǰire, -ši, -čila ~ -čile, -l, -čigina ~ -čigine, -gina ~ -gine*. Примеры: *sajin* 'хороший' — *sajišija-* 'считать хорошим', *maγu* 'плохой' — *maγušija-* 'считать плохим', *aqur* 'маленький' — *aqurat-* 'укорачивать', *jeke* 'большой' — *jekedke-* 'увеличивать', *bajan* 'богатый' — *bajaǰi-* 'богатеть', *saγuri* 'сиденье' — *saγuriǰi-* 'садиться', *sajin* 'хороший' — *sajiǰira-* 'хорошеть, улучшаться', *maγu* 'плохой' — *maγuǰira-* 'делать плохим', *aldar* 'шум', 'звук', 'слава' — *aldarši-* 'становиться знаменитым', *oron*

⁵¹ См.: Hambis L. Grammaire de la langue mongole écrite. P. 44-47.

‘место’ — *oroši-* ‘жить’, *köbegün* ‘сын’, ‘дитя’ — *köbegüçile-* ‘усыновлять’, *quγu* ‘наполовину’ — *quγul-* ‘разрывать’, ‘разрезать’, *tar* (звукоподражание) — *tarčigina-* ‘стучать с шумом, грохотом’, *qaγ* (звукоподражание) — *qaγgina-* ‘звучать’.⁵²

Не привносит ничего необычного сопоставление временных форм глагола, форм изъявительного наклонения. Материально, за единичными исключениями, они разные. Заметны различия и в структуре парадигм. Как и в предыдущих случаях, ограничимся примерами из среднемонгольского и монгольского письменного языков:

1) прошедшее время м.-п. *abuḅa* ‘взял’ (*-ba* ~ *-be* — прошедшее определенное, у L.Hambis’a: *passé défini*,⁵³ у М.Вайерса: *Präteritum Perfekt*, эмфатическая разновидность *-baḅ*, форма женского рода *-bi*⁵⁴); м.-п. *abuluγa* ‘брал-взял’ (*-luγaj* ~ *-luγa* — прошедшее неопределенное, у L.Hambis’a: *passé indéfini*,⁵⁵ у М.Вайерса: *Präsens Perfekt*, причем приведено значительное количество вариантов, среди которых выделяется редко встречающийся показатель женского рода *-ligi* ~ *-liji*⁵⁶), ср.-монг. *abuḅu* ‘уј’, м.-п. *abuḅuγuj* ‘брал-взял’ (*-ḅu* ‘уј’ ~ *-ḅuγuj* — прошедшее неопределенное, у L.Hambis’a *passé indéfini*,⁵⁷ у М.Вайерса: *Präteritum Imperfekt*, выступает преимущественно в 3-м лице, заменяя форму на *-luγaj* ~ *-luγa*⁵⁸);

2) настоящее время м.-п. *abutuḅ* ‘берет-возьмет’ (*-tuḅ* ~ *-tu* ~ *-t* — настоящее-будущее, у L.Hambis’a: *présent*, *présent duratif*,⁵⁹ у М.Вайерса: *Präsens Imperfekt I*, используется, в частности, в качестве настоящего исторического⁶⁰); м.-п. *abunat*, *abunaj* ‘берет-возьмет’ (*-nat* ~ *-net*, *-naj* ~ *-nej* — настоящее усиленное, у L.Hambis’a: *présent*,⁶¹ у М.Вайерса: *Präsens Imperfekt II*⁶²); м.-п. *abuju* ‘берет-возьмет’ (*-ju* ~ *-ji* ~ *-aj* — настоящее-будущее, у М.Вайерса: *Präsens Imperfekt III*⁶³);

3) будущее время м.-п. *abuqu* ‘возьмет’ (*-qu* ~ *-quj* ~ *-qun*, у М.Вайерса: *Nomen futuri*).⁶⁴

⁵² Ibid. P. 41-43.

⁵³ Ibid. P. 49, 51.

⁵⁴ Weiers M. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik der prähistorischen mongolisch. Bonn, 1966. S. 163-167.

⁵⁵ Hambis L. Ibid. P. 51.

⁵⁶ Weiers M. Ibid. S. 168-174.

⁵⁷ Hambis L. Ibid. P. 51.

⁵⁸ Weiers M. Ibid. S. 174-180.

⁵⁹ Hambis L. Ibid. P. 48.

⁶⁰ Weiers M. Ibid. S. 143-150.

⁶¹ Hambis L. Ibid. P. 50.

⁶² Weiers M. Ibid. S. 151-153.

⁶³ Ibid. S. 153-162.

⁶⁴ Ibid. S. 181-190.

Своеобразны также и не сводимы к тюркским формы косвенных наклонений. Примеры: м.-п. *ab* 'возьми' (форма повелительного наклонения 2-го л., ед.ч.); м.-п. *abuqtun* 'возьмите' (*-qtun* ~ *-γtun* ~ *-tqun* ~ *-dqun* аффикс повелительного наклонения 2-го л., мн.ч.); м.-п. *abtuqaj* 'пусть возьмет', 'взял бы' (*-tuqaj* ~ *-tuγaj* ~ *-tükej* ~ *-tügej* аффикс повелительно-желательного наклонения 3-го л., ед., мн.ч.); м.-п. *morilasuqaj* 'сяду-ка я на лошадь' (*-suqaj* ~ *-suγaj* ~ *-sükej* ~ *-sügej* аффикс желательного наклонения 1-го л., ед.ч.); м.-п. *abγuĵaj* 'не возьмет ли?!' (*-γuĵaj* ~ *-γuĵej* ~ *-γuĵe* аффикс остререгательного наклонения, у М.Вайерса: Dubitativ)⁶⁵; м.-п. *abubasu* 'если возьмет', *jabubasu* ~ *jabu'asu* ~ *jabāsu* 'если пойдет' (*-basu* ~ *-besü* ~ *-γasu* ~ *-gesü* аффикс условного наклонения).

Необычны с учетом соответствующих тюркских образований способы выражения вопроса в глагольных формах: м.-п. *ĉi üĵemtü* 'ты видишь?' (основа настоящего времени на *-muj* ~ *-müj* заменяется вторичной основой на *-mtu* ~ *-mtü*), *ĉi abubau* ~ *ĉi abubtu* 'ты взял?' (основа прошедшего времени на *-baj* ~ *-bej* заменяется вторичной основой на *-bau* ~ *-beu*, или *-btu* ~ *-btü*).⁶⁶

Специально приведенный выше перечень значительного количества хорошо известных глагольных форм монгольского письменного языка дает полное представление о характере и степени самобытности формообразовательных процессов в пределах монгольского глагола.

Сходства или совпадения с тюркским глаголом прослеживаются преимущественно в типологическом аспекте: в отсутствии четких формальных границ с именем, в пережитках глагольно-именного синкретизма, в именных истоках глагола. Такого рода сходства или совпадения являются в известной мере всеобщими, универсальными, отражающими относительное единство процесса становления и разграничения частей речи. «Когда я говорю, что глагол должен быть именного происхождения, — пишет Г.Хирт, имея в виду индоевропейские языки, — то этим не отрицается понятие глагола как выражения состояния или деятельности. На месте *verbi finiti* можно употреблять *verbalnomina*».⁶⁷

А.А.Потебня, проявлявший особый интерес к исторической морфологии русского языка, пришел к выводу, что в русском языке по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. Высказывая мнение о невозможности в наших языках предложения без глагола, продолжает он, я не утверждал, что *verbum finitum* есть явление первобытное, и не отвергал возможности найти

⁶⁵ Ibid. S. 141-142.

⁶⁶ Hambis L. Ibid. P. 50-51.

⁶⁷ Hirt H. Indogermanische Grammatik. VI. Heidelberg, 1934. S.12.

под последним наслоением этих языков следы другого порядка вещей...¹

Для тюркских языков характерно наличие большого количества перифрастических форм, образуемых присоединением к деепричастиям и причастиям вспомогательных глаголов. Обычно последние выражают отвлеченные лексические значения и, будучи использованными в качестве служебных слов-компонентов описательных форм передают в сочетании с ними различные видовые оттенки: начало действия, законченность-исчерпанность, мгновенность, внезапность, направленность, возможность-невозможность, продолжительность, предположительность, попытку или намерение совершить действие, притворство и т.д.²

В монгольском письменном, среднемонгольском и в современных монгольских языках также встречаются перифрастические формы, однако они не типичны для них, ограничен их состав и заметен явный отпечаток на них тюркского влияния. Для монгольских языков на протяжении всего исторического периода, засвидетельствованного письменными памятниками, предпочтительнее синтетические формы. Число вспомогательных глаголов не велико. Это глаголы, лексические значения которых — быть, стоять, становиться, делаться. Более всего своеобразии морфологии глагола монгольских языков проявляется в использовании приемов выражения глагольного отрицания. Налицо такое различие с тюркскими языками, которое имеет глубокие истоки и никак не объяснимо с позиций алтайской гипотезы. Тюркский способ инфиксации отрицательной морфемы *-ma* типа *barmadi* 'он не пошел' (*bardi* 'он пошел') не допустим ни в одном монгольском языке, тогда как употребление нескольких отрицательных частиц, в зависимости от форм, и постановка их перед глаголом, обязательная для монгольских языков, полностью исключена для тюркских, современных и древних.

Примеры: 1) м.-п. *ide* 'ешь' — *bidegej ide* 'не ешь', калм. *jov* 'иди' — *bičä jov* 'не ходи', м. *jav* — *bitgij jav*;

2) м.-п. *idegtün* 'ешьте' — *bü idegtün* 'не ешьте';

3) м.-п. *čidabaj* 'смог' — *ese čidabaj* 'не смог', калм. *kelv* 'говорил' — *es kelv* 'не говорил';

4) м.-п. *oluqu či* 'найдешь' — *ülü oluqu či* 'не найдешь';³

¹Потебня А. Из записок по русской грамматике. I-II. М., 1958. С. 84.

²См.: Rachmatullin G.R. Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altaischen. I // УЇ, 1928. VIII, 1-2. S. 4-24; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л., 1981. С. 134 сл.

³См.: Владимирцов Б.Я. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке // ИАН, 1916. С. 349-358; Ramstedt G.J. Die Verneinung in den altaischen Sprachen // MSFOu, 1924. LII. S. 198, 199; Санжеев Г.Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках // АОН, 1962. XV, 1-3. P. 273-282.

5) мнгр. *taḡula lī jadanū* 'не устаете?', *bu noxūēsa lī ajim* 'не побоюсь собаки', *se reḡaḡ* 'не пошел' (*se < ese*).⁷¹

Иначе обстоит дело с именным отрицанием, широко используемым в сочетании с разными именами, в том числе с отглагольными: калм *itḡn uga* 'не приду', *taḡš uga ~ taḡšgo* 'не бросит'; м. *gert xūn ügüj* 'дома никого нет', *nad tōḡö ügüj* 'у меня нет денег'. Здесь возможна и типологическая, и материальная связь с тюркским именным отрицанием *joq*. Наблюдается полный параллелизм в употреблении данного отрицания, ср.: м.-п. *toḡona ügej ger* 'юрта без дымового круга', *xidiyün usundur ḡiḡasu ügej* 'в колодезной воде рыбы нет', *nökör irege ügej buj* 'товарищ еще не пришел', *nadur tōḡö ügej bolba* 'у меня не стало денег'.⁷²

Определенный интерес для уточнения размеров тюркского влияния на бурятский и другие монгольские языки представляют послелого и послелого-служебные слова, в особенности первые из них. Собственно послелого, в отличие от служебных слов, имен и глаголов, давно утратили связь со знаменательными словами, процесс образования их относится к раннему периоду формирования и развития тех и других языков, и поэтому возможность или, напротив, невозможность обнаружения сходств в этой области приобретает особое значение. Обратим внимание и на то, что послелого заимствуются и что в качестве исходного материала для послелогов-служебных слов нередко используется заимствованная лексика.

С учетом сказанного выше кажется несколько необычным почти полное отсутствие соответствующих тюркско-монгольских параллелей в монгольском письменном языке. Иными словами, среди послелогов монгольского письменного языка мы не обнаружили ни одного явного тюркизма, ср.: м.-п. *emüne* 'перед', *degere* 'на', *dora* 'под', *dergede* 'около', *dumda* 'среди, посреди', *ḡadana* 'снаружи', 'вне', *kürtele* 'до', *metü* 'словно', 'подобно, как', *ögede* 'вверх по (реке)', *uruḡu* 'вниз по (реке)', *tölüge* 'для', *tula* 'для', *tuxaj* 'о, относительно, по поводу', *xojna* 'позади' и другие.⁷³ И в бурятском языке четко выделяется своя система послелогов, многие из которых являются общемонгольскими, а обнаруживающий признаки иноязычного происхождения послелог *šini* со значением 'подобно', 'как' (ср.: калм. *šḡ*) восходит скорее всего к тюркскому аффиксу-послелогу *-siḡ ~ -sig*, в основе которого глагол *sī-* 'быть подобным, походить'.

⁷¹ См.: Годаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973. С. 116-117.

⁷² См.: Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. С. 151, 153, 160, 169.

⁷³ Там же. С. 173.

В калмыцком и могольском языках нам удалось обнаружить по одному послелогоу, имеющему параллели в тюркских языках: калм. *ard* 'сзади, за'; мого. *qattu* 'в стороне, в'.

Принципы и способы образования послелогов-служебных слов (имен и глаголов) в бурятском языке в сущности мало чем отличаются от таковых в тюркских языках. В монгольских языках труднее выделить глагольные послелогои. Имена же, выступающие в служебной функции, совпадают лишь по лексическим значениям. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении других монгольских языков. При этом нельзя не подчеркнуть весьма вероятную зависимость расширения состава второй группы (послелогои-служебные имена) от влияния тюркских языков. Так, в калмыцком языке при выражении пространственных и временных отношений в служебной функции обычно выступают имена и глаголы с той же семантикой, что и в тюркских языках. Совпадают по составу и исходные формы, являющиеся, как правило, формами падежей имени или деепричастиями. Совпадения и сходства охватывают также аффиксальные наращения послелогов (аффиксы дательного, исходного и других падежей), формы падежного управления пространственных и временных послелогов (преимущественно родительный падеж, ср.: калм. *xudg* 'колодец', *xudgin tsan* 'за колодцем', *xudgin tsāhas* 'из-за колодца', *xudgin tsāhar* 'позади колодца').⁷⁴

Следовательно, не вызывают сомнений собственно монгольское происхождение лексического базиса послелогов и некоторые структурные особенности, в частности последовательность присоединения аффиксальных морфем, образующих формальную структуру послелога. Остальное, тем не менее, обнаруживает заметные следы длительных контактов с тюркскими языками.

Предикативные, точнее лично-предикативные аффиксы как тюркских, так и монгольских языков, появились в результате преобразования личных местоимений, примыкающих к именам. Здесь трудно установить степень самобытности монгольских языков или возможность и степень тюркского влияния, хотя наличие некоторых материальных сходств как будто свидетельствует в пользу такой возможности. Например, в бурятском языке аффикс *-sā* (*-hā*), относимый к числу предикативных аффиксов и выражающий условность, может быть сопоставлен с аффиксом *-sa* в тюркских языках, и в данном случае существенно не только внешнее сходство. Аффикс *-sā* (*-hā*) не подчиняется правилам гармонии гласных, что нетрудно объяснить его вхождением в бурятский язык как служебного слова.

Кратко о синтаксисе. Из-за ограниченности числа синтаксических

⁷⁴ Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983. С. 278.

конструкций преждевременно делать выводы по результатам сопоставления тюркских и монгольских материалов. Все же и в этой области наблюдаются такие черты монгольских языков, которые никак нельзя рассматривать как сближающие монгольский синтаксис с синтаксисом тюркских языков. Некоторые из них имеют чрезвычайно ограниченную сферу распространения и появляются довольно редко, и все же они настолько своеобразны, что сами по себе ставят монгольские языки в особое положение.

К таким чертам относится прежде всего согласование определения, выраженного указательным местоимением, с определяемым: м.-п. *ene nökör* 'этот товарищ' — *ede nököd* 'эти товарищи'. То же самое наблюдается при обозначении возраста или масти самки животного: м.-п. *xara buxa* 'черный пороз' — *xaraγčün ünijen* 'черная корова', *γунап buxa* 'трехлетний пороз' — *γунајин ünijen* 'трехлетняя корова'.⁷⁵

Вопрос о согласовании определения и определяемого в монгольских языках требует специального исследования. Он уже затрагивался нами выше, и было высказано предположение, что согласование определения и определяемого в числе является архаической чертой монгольских языков, находящейся в одном ряду со случаями согласования в пределах отдельных лексических групп. Возможность появления данной черты в результате контактов с другими языками, по-видимому, полностью исключена, так как в старописьменных текстах согласование встречается в значительных размерах и охватывает кроме определительных предикативные сочетания. Контакты с тюркскими языками могли лишь способствовать его постепенной утрате: в ходе эволюции морфологии и синтаксиса монгольских языков важная роль этих контактов очевидна и подтверждается наличием сходных или совершенно одинаковых морфологических образований и синтаксических конструкций.

Среди характерных черт монгольского синтаксиса выделяется устойчивая постановка притяжательных местоимений, в особенности *ану*, *ину*, в конечную позицию: м.-п. *аха ану* 'его старший брат', *köl čini* 'твои ноги', *köbegün minu* 'мой сын', *nasu ану* 'его возраст', *gedesu ину* 'его живот', *ečige minu* 'мой отец', *usun ану* 'его (их) вода'.

Союзы, как и в тюркских языках, в монгольских появились поздно, и исходным материалом для них послужили деепричастия. Однако в монгольских языках, в отличие от тюркских, в качестве союзов могут выступать числительные.

В связи с изложенными фактами, привлеченными для доказательства самобытности монгольских языков при бесспорно высокой степени

⁷⁵ См.: Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. С. 175.

смешения их с тюркскими языками, возникает вопрос о том, насколько эти факты существенны. Например, в индоевропейских языках расхождения в морфологической структуре слова и в составе грамматических форм не менее значительны, чем в тюркских и монгольских языках, и все же генетическое родство их признается почти всеми специалистами как бесспорный факт. Дело в том, что индоевропейские языки образуют общность, опирающуюся на близость фундаментальных, базисных показателей, которая не утратилась несмотря на колоссальное пространственное разграничение их носителей. Что же касается тюркских и монгольских языков, то располагая большим количеством частных морфологических параллелей, они не обнаруживают близости основополагающих черт в морфологии, хотя их носители и в глубокой древности, и в эпоху Средневековья, и в настоящее время находились и находятся в условиях тесного соприкосновения.

В новейший период монгольские языки подвергались влиянию не только тюркских, но и других языков, в частности иранских. Так, в могольском языке заметны следы влияния окружающих таджикских говоров. Даже система количественных числительных до десяти, отличающаяся самой высокой степенью устойчивости, оказалась проницаемой. Только следовало бы, пожалуй, говорить не о проницаемости системы могольских количественных числительных, а о частичной ассимиляции могольского языка таджикскими говорами.

На монгольский язык оказали большое влияние тибетский и китайские языки, на дагурский — тунгусо-маньчжурские. Поэтому при восстановлении первоначального, самобытного облика монгольских языков необходимым условием достижения позитивных результатов является тщательное отграничение не только тюркского, но и иранского, китайского и тибетского вкладов. Окончательное же определение «своего» и «чужого» предполагает составление полноценной сравнительной грамматики монгольских языков, позволяющей контролировать предположения и выводы по всем частным вопросам.

Монгольские языки характеризуются большой близостью и относительной компактностью расселения их носителей: только калмыцкий язык оказался в Европе, но и он не является подчеркнуто изолированным от бурятского и халха-монгольского языков в фонетическом и грамматическом отношениях.

Подводя итог сделанному выше краткому и далеко не полному обзору специфических черт монгольских языков, отметим, что в высшей степени самобытна фонетика, и в этом нет ничего необычного: звуковой строй складывался длительное время, задолго до первых контактов с тюркскими языками. Менее самобытной является морфология,

на формирование и развитие которой наложился обширный отпечаток тюркского влияния. Можно говорить и о высокой степени самобытности основного словарного фонда, хотя почти все семантические группы лексики содержат значительное количество заимствований из тюркских языков. Совершенно особое место занимает синтаксис, сопоставительное исследование которого, насколько нам известно, проводилось лишь эпизодически.

Экскурс II. Вместо общего заключения

В общем заключении целесообразно коснуться не только того, что относится непосредственно к тюркско-монгольским языковым связям, но и рассмотреть вопросы, имеющие отношение к алтайской гипотезе. Необходимо также дать обстоятельную оценку тех направлений в углублении алтаистических исследований, которые порождены критическим подходом к ортодоксальной алтаистике.

Сомнения в истинности алтайской гипотезы появились одновременно с ее возникновением.¹

Постепенно они увеличивались, число ортодоксальных алтаистов уменьшалось, тогда как ряды противников непрерывно росли. Из числа последних часть не соглашалась с принципами выделения алтайских (*resp.* урало-алтайских) языков и отрицали наличие такой семьи вообще, часть высказывались против возможности отнесения к алтайской общности ряда конкретных языков, например, корейского и японского.²

С резкой критикой гипотезы выступил С.М.Широкогоров.³

Ортодоксальная алтаистика — закономерный этап в развитии мирового языкознания, тесно связанный с успехами в исследовании генетической общности индоевропейских языков и достижениями в применении сравнительного метода. Успехи в изучении индоевропейских языков привлекли внимание многих специалистов и способствовали развертыванию поисков новых языковых общностей, одной из которых и явилась первоначально постулируемая урало-алтайская языковая семья. В ее состав в разные периоды времени включались финские, угорские, самодийские, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. К урало-алтайским эпизодически относили также дравидийские языки (тамилский, каннада и другие), енисейские (кетский, коттский,

¹ См.: Böhrling O. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851. S. XXXIV.

² См.: Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании // ВЯ, 1959. 6. С. 51-63.

³ См.: Shirokogoroff S.M. Ethnological and linguistical aspects of the Ural-Altaic hypothesis / Repr. from: Tsing Hua journal. Vol. 6. Peiping, 1931. P. 55-56, 89-90, 162.

аринский, ассанский), корейский и японский. Предполагалось, кроме того, существование родства между уральскими языками и юкагирским; между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и шумерским, с другой; между тюркскими языками и кечуа и т.д.

Одновременно с расширением и уточнением состава урало-алтайской семьи прилагались усилия объединить урало-алтайские языки или только уральские с индоевропейскими. Своеобразный итог поискам, проводившимся в этом направлении, подвел Х. Педерсен,⁷⁹ который высказал предположение о родстве урало-алтайских языков в кругу так называемой ностратической семьи с индоевропейскими, картвельскими, семитскими и хамитскими языками.⁸⁰

Когда выяснилось, что многократные попытки сравнительного изучения урало-алтайских языков не дали ожидаемых результатов, не способствовали проникновению в глубины истории этих языков, наметилась тенденция к разделению урало-алтайской семьи на уральскую и алтайскую. Вместе с тем был предложен новый вариант урало-алтайской семьи, в котором алтайская часть оказалась представленной только тюркскими языками.

С разделением урало-алтайских языков на две семьи классическая урало-алтайская гипотеза утратила свое научное значение, хотя единичные случаи обращения к ней имели место в недалеком прошлом и имеют место в настоящее время. Новый этап в развитии урало-алтаистических идей, начавшийся на рубеже прошлого столетия, ознаменовался поисками научного обоснования генетического родства уральских и алтайских языков порознь и выявлением тех признаков, на основе которых они объединялись. При этом родство уральских языков в конечном итоге получило широкое признание, существование же алтайской семьи вплоть до настоящего времени вызывает большие споры. Ортодоксальная алтаистика исчерпала ресурс допустимых гипотетических построений, и можно, не рискуя ошибиться, утверждать, что попытки объединить тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки в одну большую семью родственных языков и реконструировать так называемое праалтайское состояние успеха не имели. Кульминационным моментом сравнительного изучения алтайских языков явилось издание двух сравнительных грамматик,⁸¹ однако и это событие не внесло оживления в дальнейшее развитие ортодоксальной алтаистики.

⁷⁹ См.: Pedersen H. *Türkische Lautgesetze* // ZDMG, 1903. LVII. S. 560-561.

⁸⁰ Обзор и критическую оценку см.: Щербак А.М. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога // ВЯ, 1984. 6. С. 30-42.

⁸¹ См.: Ramstedt G.J. *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*; I. Lautlehre. Helsinki, 1957; II. Formenlehre. Helsinki, 1952; Poppe N. *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*: I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.

Со времени выхода в свет указанных грамматик прошло более сорока лет, тем не менее, изложенные в них идеи не получили поддержки и глубокого научного раскрытия ни в одной публикации.

На наш взгляд, ошибочна сама методика традиционных алтаистических исследований, односторонне ориентированная на поиски совпадений и сходств в виде разного рода параллелей. Между тем, «родство не включает в себе непременно какого-либо внешнего сходства рассматриваемых языков, в особенности, сходства общей системы и наоборот; имеется много сходств как общеструктурных, так и словарных, которые отнюдь не предполагают наличия родства».⁸²

Иными словами, с точки зрения компаративиста, сходство не является строгим научным критерием принадлежности разных языков к одной семье, так как оно может быть обусловлено не только существованием генетического родства, но и многими другими причинами.

Совершенно очевидно, что большинство структурных параллелей, устанавливаемых на материале алтайских языков, встречается далеко за их пределами и относится к категории типологических сходств. Возьмем, например, гармонию гласных, способ образования грамматической формы (последовательное наращение аффиксальных морфем), отсутствие префиксов, предлогов и союзов, господство координативной структуры предложения и т.д.

Устанавливаемые Г.И.Рамstedтом и Н.Н. Поппе фонетические соответствия в высшей степени нерегулярны и часто нарушаются. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что существование фонетических соответствий между разными языками не обязательно является следствием их генетического родства: соответствия могут отражать закономерности фонетического освоения заимствованных слов.

Сравнение и сближение морфологических показателей редко дает безусловно достоверный результат, так как в большинстве случаев они состоят из одного, двух или трех звуков. Если же учесть, как отмечается в одном из предыдущих разделов, что в агглютинативных языках морфологические показатели обычно однозначны и количество их, включая омертвевшие, доходит до нескольких сотен, то нетрудно будет признать, что вероятность случайных совпадений значительна. При этом в одном и том же языке или в одной и той же группе языков иногда употребляется до десяти омонимичных аффиксов.

Многие лексические параллели выделены без достаточных оснований.⁸³

Часть их образовалась в результате заимствований, количество кото-

⁸² См.: Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921. P. 92.

⁸³ См.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elements im Neupersischen. I. S. 80.

рых велико и которые в последние два-три десятилетия стали объектом специальных исследований даже ортодоксальными алтаистами.

Примечательно, что общими для тюркских и монгольских языков или для монгольских и тунгусо-маньчжурских нередко оказываются слова, обозначающие второстепенные, частные понятия, а также понятия той или иной отрасли хозяйства или сферы производственной деятельности. Слова же, условно относимые к основному лексическому фонду, как правило, различаются. Так, совершенно различны слова, передающие понятия земля, вода, небо, луна, солнце, звезда, ветер, снег, дождь, весна, лето, осень, зима, день, ночь, месяц, год и многие другие. Не совпадают и не могут быть возведены к единым праформам глаголы, обозначающие основополагающие, жизненно важные процессы и состояния: делать, работать, жить, умирать, болеть, есть, пить, спать, сидеть, стоять, лежать, идти, приходиться, уходить, входить, поднимать, опускать, давать, брать. Так же обстоит дело с количественными числительными от одного до десяти.

Далее, важно отметить следующее обстоятельство: очень редко лексические параллели бывают сплошными, охватывающими все три группы языков. Чаще они наблюдаются только в тюркских и монгольских языках или только в монгольских и тунгусо-маньчжурских. Цепной характер лексических связей отражает своеобразие исторического развития и процессов взаимодействия носителей указанных языков. Нет убедительных доказательств непосредственных контактов тюркских и тунгусо-маньчжурских языков в далеком прошлом. Тюркский вклад в лексику тунгусо-маньчжурских языков осуществлялся преимущественно через посредство монгольских языков, и тюркизмы в них в большинстве своем обнаруживают те или иные признаки пребывания в монгольской языковой среде.

Предположение о том, что тунгусо-маньчжурские языки сохранили древнейшие черты общеалтайского состояния и представляют наиболее раннюю ступень алтайского праязыка, ничем не аргументировано. Степень смешения их с монгольскими языками такова, что по существу все относимое к общеалтайскому состоянию является по происхождению собственно тюркским, собственно монгольским или тюркско-монгольским, т.е. тюркским по происхождению, но заимствованным из монгольских языков. Отсутствуют факты, принципиально значимые с точки зрения алтайской гипотезы. Ротацизм в тунгусо-маньчжурских языках характерен лишь для группы слов, имеющих четко выраженный монгольский внешний облик, а соответствующие монгольские слова бесспорно заимствованы из тюркских языков. Кстати сказать, и так называемый монгольский ротацизм, о котором в свое время пи-

сал Б.Я.Владимирцов в сравнительной грамматике,⁸⁴ не является таковым, если исходить из привычных представлений о ротацизме.⁸⁵

Отсутствует также убедительная аргументация предположения о том, что монгольские языки более архаичны по сравнению с тюркскими. Остановимся на одном из аргументов. Г.И.Рамstedт указывал на первичность конечных гласных в монгольских языках и утрату их в тюркских. Однако прежде чем говорить об утрате конечных гласных в тюркских языках, нужно доказать, что корни с открытым типом слога в древнетюркском языке отсутствовали. Сделать это невозможно: имеется большое количество тюркско-монгольских параллелей, в которых и тюркские, и монгольские слова оканчиваются гласными, ср.:

др.-тюрк., ср.-тюрк.	ср.-монг., м.-п.
<i>asra-</i> 'воспитывать', 'заботиться'	<i>asara-</i>
<i>elči</i> 'посол'	<i>elči</i>
<i>emči</i> 'врач, лекарь'	<i>emči</i>
<i>ertä</i> 'рано'	<i>erte</i>
<i>belgü</i> 'признак', 'примета', 'предзнаменование'	<i>belge</i>
<i>buγra</i> 'верблюд'	<i>buγura</i>
<i>jasa-</i> 'устраивать, приводить в порядок'	<i>jasa-</i>
<i>jula</i> 'факел'	<i>jula</i>
<i>jida</i> 'копье'	<i>jida</i>
<i>qabirγa</i> ~ <i>qaburγa</i> 'ребро'	<i>qabirγa</i> ~ <i>qaburγa</i>
<i>qana-</i> 'кровоточить'	<i>qana-</i> 'пускать кровь'
<i>qara</i> 'черный'	<i>qara</i>
<i>qiraγu</i> 'иней, изморозь'	<i>kiraγu</i> ~ <i>kira'u</i>
<i>küsä-</i> 'желать'	<i>küse-</i>
<i>küčlä-</i> 'совершать насилие'	<i>küčüle-</i> ~ <i>küčüle-</i>
<i>maqta-</i> 'хвалить'	<i>maqta-</i> ~ <i>maγta-</i>
<i>olja</i> 'добыча'	<i>olja</i>
<i>sana-</i> 'считать'	<i>sana-</i> 'думать', 'считать'
<i>sora-</i> 'спрашивать'	<i>sura-</i>
<i>tani-</i> 'узнавать'	<i>tani-</i>
<i>tijla-</i> 'слушать'	<i>čijna-</i> ~ <i>čijla-</i>
<i>tebä</i> 'верблюд'	<i>temegen</i> ~ <i>temen</i>
<i>torqu</i> 'шелк'	<i>torγa</i> ~ <i>torqa</i>
<i>törü</i> 'закон', 'правило'	<i>törü</i>
<i>tusu</i> 'польза', 'выгода'	<i>tusa</i>

Кроме того, есть много тюркских слов с гласным в исходе, не имеющих параллелей в монгольских языках. Конечно, утрата конечных гласных в пределах значительной группы слов не бывает спорадической. Любого рода избирательность допустима лишь при условии

⁸⁴ См.: Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. С. 360.

⁸⁵ См.: Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб, 1997. С. 45-47.

вполне удовлетворительного объяснения ее причин. Чем же можно объяснить наличие в древнетюркском языке большого количества слов, оканчивающихся гласным?

Н.Н.Поппе предложил отнести все тюркские корневые слова с открытым вторым слогом к древним заимствованиям из монгольских языков.⁸⁶

В самом деле, некоторые из подобных слов весьма вероятные или явные монголизмы, например: *asra-*, *jasa-*, *ǰida*, *qabırǰa*, *maqta-*, *olǰa*. Большинство же их собственно тюркские слова или слова, относимые ортодоксальными алтаистами к общему тюркско-монгольскому лексическому фонду.

В. Котвич придерживался иной точки зрения и считал тюркские формы (без конечного гласного) древнейшими, а монгольские (с дополнительным гласным) более поздними. Появление дополнительного гласного в монгольских формах он рассматривает как следствие структурно-фонетических преобразований заимствованных тюркских слов.⁸⁷

Известно, что монгольский письменный язык избегал сочетаний любых согласных в конце слова и сочетаний некоторых согласных в середине его. Есть также основания говорить о нетипичности для ауслата всех монгольских языков или части их на определенном этапе развития ряда согласных. Трудно допустить, чтобы монгольское письменное *kötmüldürge* 'нагрудный ремень у лошади', являющееся бесспорным заимствованием из тюркских языков, воспроизводило первоначальный структурно-фонетический облик тюркской праформы, ср.: др.-тюрк. *kötmüldürük* (*kötmül* ~ *köǰül* 'грудь'). В древнетюркском языке встречается более десяти слов, в составе которых аффикс *-duruq* ~ *-dürük*, и все они образованы довольно поздно, о чем свидетельствует, в частности, прозрачность этимологии данного аффикса и единообразия выражаемых им значений.

Против предположения В.Котвича выступают не только сторонники алтайской гипотезы, но и некоторые противники ее. Основной аргумент тех и других — существование в монгольском письменном языке разных структурных типов слога и, следовательно, отсутствие необходимости структурных преобразований в заимствованных словах. По этому поводу заметим, что монгольский письменный язык не исчерпывает многообразия структурных особенностей или, точнее, структурных

⁸⁶ См.: Поппе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам: IV. Гласные // Изв. АН. Сер. VI, 1925. XIX, 9-11. С. 423.

⁸⁷ Подробнее см.: Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. С. 176-178.

ограничений, имевших место в масштабе всех монгольских языков и диалектов, и что в случаях, когда происходило значительное языковое смешение, необходим особый подход к решению вопроса о степени древности тех или иных фонетических или структурно-фонетических закономерностей. Когда в языке желтых уйгуров встречаются слова *qaza* 'гусь', *saqa* 'осторожный', наряду с *kök* 'голубой', *qiz* 'девочка',⁸⁸ то это не создает трудных ситуаций и не приводит к пересмотру установившихся взглядов на первоначальный структурный облик слов *qaz* и *saq*. В связи с этим нельзя не обратить внимания на очевидную предпочтительность употребления открытых слогов в пределах всего сибирско-дальневосточного ареала. Саларские примеры *ili* 'передний', *iši* 'внутренний', *pile* 'этот год', *qizili* 'красный', *taši* 'внешний'⁸⁹ и хотонские *atā* 'лошадь', *beši* 'пять', *biri* 'один', *butū* 'нога', *gözā* 'глаз', *ečiğe* 'коза', *ōzā* 'рот', *otā* 'огонь', *tala* 'тальник', *tili* 'язык', *uju* 'бык', *üčü* 'три',⁹⁰ независимо от того, рассматриваются ли они как формы с местоименной притяжательной приставкой для 3-го лица, подвергшейся ассимиляции предшествующими гласными основы,⁹¹ или как-нибудь иначе, должны быть связаны с проявлением указанной тенденции.

Гипотеза Г.Дёрфера об изначальности конечных гласных в монгольских словах типа *köke* 'голубой', *ajaγa* 'чаша', *ere* 'мужчина', которые он считает заимствованиями из тюркских языков,⁹² должна быть подвергнута специальному рассмотрению. И все же следует заметить, что реконструкция тюркских праформ **köke*, **ajaγa*, **ere* и т.д. сопряжена с большими трудностями. Ни современные, ни древние тюркские языки не содержат фактов, позволяющих говорить об утрате в тюркских языках конечных гласных. Более того, как справедливо указывалось некоторыми тюркологами, в тюркских языках на протяжении всего исторического периода чаще происходило наращение гласных, чем их выпадение.⁹³

Вернемся к вопросу о методах исследования тюркско-монгольских языковых связей и, шире, связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Обнаружение в разных языках большого количества лексических, морфологических и структурных параллелей заслуживает серьезного

⁸⁸ См.: Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957. С. 49, 62, 71, 98.

⁸⁹ См.: Тенишев Э.Р. Саларский язык. М., 1963. С. 17.

⁹⁰ См.: Владимирцов Б.Я., Самойлович А.Н. Турецкий народец хотоны // ЗВО ИРАО, 1916. XXIII. С. 274-277, 283.

⁹¹ Там же. С. 272.

⁹² См.: Doerfer G. Zwei wichtige Probleme der Altaistik // JSFOu, 1968. LIX. S. 15-21.

⁹³ См.: Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках // ВЯ, 1961. 2. С. 33.

внимания и становится предпосылкой для их сравнительного исследования. Однако обилие параллелей не обязательно свидетельствует о генетических связях языков. Сходства, если не считать случайных совпадений, а также совпадений, являющихся следствием общности происхождения аффективной речи, имеют, как известно, две причины: 1) родство языков — дивергентное развитие языковых единиц из прототипов, объединяемых понятием праязыка; 2) взаимное влияние языков в условиях опосредованных отношений, непосредственных контактов или двуязычия с частичным смешением.

Родство языков — следствие дробления племен и их географического, экономического и политического разобщения: изначально единые племена распространялись на большой территории и, расчлняясь, образовывали группы племен. Отсутствие тесных связей между вновь образовавшимися племенными объединениями или союзами племен способствовало возникновению различий, становившихся основой вариантов общего языкового достояния. Ср. у А.Мейе: «В силу разнообразия исторических условий один и тот же язык может подвергнуться различным изменениям в разных районах, где он используется: с этого момента, несмотря на прочность преемственной связи с прошлым в каждом районе, единый язык распадается на некое количество языков, которые постепенно начинают различаться. Так, латинский, в зависимости от места, становится итальянским, провансальским, французским, испанским, румынским и т.д.»⁹⁴

Смешение, в отличие от родства, обусловлено действием нескольких факторов: миграциями, столкновениями племен и народов, интенсификацией культурных и торговых связей и, по меткому замечанию И.А.Бодуэна-де-Куртенэ, является началом всякой жизни.⁹⁵

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают широкие возможности проникновения из одного языка в другой не только самостоятельных слов и служебных частиц, но и морфологических элементов, которые в определенных условиях (однозначность и формальная выделенность) заимствуются почти так же легко, как и самостоятельные слова. Смешению языков посвящено множество работ, отдельные из них упоминались выше. Тем не менее, в ближайшем будущем именно смешение языков будет предметом повышенного интереса специалистов, так как известны случаи, когда трудно провести границу между смешением и генетическим родством языков и когда вследствие этого невозможно достоверно представить особенности исторического

⁹⁴ Meillet A. Linguistique historique... P. 81.

⁹⁵ См.: Бодуэн-де-Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // ЖМНП, 1901. СССXXXVII, сентябрь. С. 14.

развития некоторых языковых семей. Примечательный пример такой ситуации — связи монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, глубокий и всесторонний анализ которых становится насущной потребностью оценки их природы.

Понятно, что родство языков не исключает возможности заимствований, и наоборот, наличие заимствований не исключает возможности родства. Таким образом, выделение заимствований является первостепенной задачей любого сравнительно-сопоставительного исследования. Сторонники же алтайской гипотезы в ее ортодоксальном варианте подходили к исследованию имеющихся связей между языками алтайской общности так, как будто путь образования сходств, через контакты и взаимодействие, иными словами через заимствования, для них не имел сколько-нибудь существенного значения. Между тем многократные, тесные и продолжительные контакты разных алтайских племен являются общепризнанным фактом. Тюрки, монголы, тунгусы и маньчжуры, начиная с самых древних времен, многократно вступали друг с другом в длительные интенсивные соприкосновения, которые безусловно оставляли следы как в словарном составе отдельных алтайских языков, так и в их грамматической структуре.¹

В заключение важно обратить внимание на следующее обстоятельство, так или иначе отмечавшееся нами выше. Уже одно то, что носители тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков на протяжении многих столетий располагались на смежных территориях, ставит под сомнение полезность восстановления алтайских праформ без предварительного анализа параллелей. «Смежность языков обязывает часто производить очень тонкое разграничение заимствований и старого фонда языка, который — единственное, что свидетельствует относительно родства.»²

Послесловие

Все изложенное выше позволяет говорить о сложении специфической тюркско-монгольской языковой общности контакционного типа. У этой общности не очень глубокая история, которая, тем не менее, оказалась достаточной для ёмкого сближения словарного фонда, состава грамматических категорий имени и глагола и основных приемов их выражения. В.Котвич мог с полным основанием назвать тюркско-монгольскую и, шире, тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурскую языковую общность типологической, вкладывая в это понятие именно тот

¹ См.: Лигети Л. Рец. на: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. I // ВЯ, 1955. 5. С. 134.

² Meillet A. Linguistique historique... P. 92.

смысл, который был раскрыт ранее. «Можно ли говорить о существовании особой алтайской языковой семьи? — писал он незадолго до смерти. На этот вопрос, — продолжает В.Котвич, — следует ответить утвердительно. Однако основу ее образуют не генетические связи, а типологические сходства, которые вытекают из того, что языки тюркские, монгольские и тунгусские развиваются по одной линии с небольшими вообще отклонениями».⁹⁸

К подведению итогов имеет прямое отношение и наш следующий вывод. Принципиальное решение проблемы тюркско-монгольских языковых связей, заключающееся в оценке их как контактных, несовместимо с попытками интерпретации их с позиций алтайской гипотезы. Данное решение, подкрепленное анализом большого фактического материала, усилит критический взгляд не только на алтайскую, но и на другие гипотезы, такие, как урало-алтайская, ностратическая, бореальная, и поставит поиски отдаленного родства на серьезную научную основу.

Наше критическое отношение к алтайской гипотезе несколько не умаляет заслуг в изучении тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурских языковых связей виднейших представителей ортодоксальной алтаистики В.Банга, Г.И.Рамстедта, Б.Я.Владимирцова, В.Котвича и Н.Поппе, внесших большой вклад в учет, систематизацию и анализ соответствующих параллелей. Вместе с Ю.Неметом, Дж.Клосоном, Г.Дёрфером, Л.Лигети, Д.Синором и многими другими тюркологами и монголистами, негативно или скептически воспринимавшими алтайскую гипотезу, они по существу открыли новую область филологических исследований на основе имеющихся достижений сравнительного языкознания.

Послесловие мы завершаем примечанием: по разным причинам в список бурятских тюркизмов не включены такие слова, как, например: *tüme(n)* '10000' (ср.: калм. *tümn*, м. *tümen*), *herxe* 'кастрированный козел' (ср.: м. *serx*), и некоторые другие. В основном это слова, тюркское происхождение которых вызывает сомнения.

⁹⁸ См.: Kotwicz W. *Studia nad językami altajskimi* // RO (1950), 1953. XVI. S. 313.

Приложение

Именной указатель

- Алексеев М.П. 7, 8
Амоголонов Д.Д. 109
Андреев М.С. 128
Афанасьев П.С. 7
Банг В. (Bang W.) 5, 6, 158
Бардаев Э.Ч. 30, 81
Бейбутова Р.А. 128
Бётлингк О. (Böhtlingk O.) 130, 149
Богородицкий В.А. 6, 124
Бодроглигети А. (Bodrogligeti A.) 114
Бодуэн-де-Куртенэ И.А. 6, 124, 156
Боровков А.К. 125, 128
Будаев Ц.Б. 127
Бураев И.Д. 90, 127
Вайерс М. (Weiers M.) 115, 116, 142, 143
Вайнрайх У. (Weinreich U.) 124, 132
Васильев Ю. И. 8
Виндиш Э. (Windisch E.) 124
Владимирцов Б.Я. 6, 114, 139, 144, 153, 155, 158
Воронкин М.С. 7, 8
Гамбис Л. (Hambis L.) 141, 142, 143
Годзиньский С. (Godzin'ski S.) 97, 106
Дадабаев Х.А. 127
Дамдинов Д.Г. 81
Дёрфер Г. (Doerfer G.) 8, 52, 56, 59, 67, 70, 140, 151, 155, 158
Джалалов О. 132
Доможаков Н.Г. 130
Зайончковский А. 155
Зияева М.Т. 7
Калужинский С. (Kałużyn'ski S.) 8
Кашгари Махмуд 8, 41, 50, 55, 110
Кларк Л.В. (Clark L.V.) 59, 76
Кливз Ф.В. (Cleaves F.W.) 138
Клосон Дж. (Clauson G.) 40, 50, 51, 52, 54, 100, 158
Козин С.А. 140
Котвич В. (Kotwicz W.) 5, 6, 154, 157, 158
Левицкий М. (Lewicki M.) 8
Лессинг Ф.Д. (Lessing F.D.) 92
Лигети Л. (Ligeti L.) 36, 51, 88, 89, 115, 157, 158
Малов С.Е. 155
Матгазиев А. (Matgъзиев А.) 127
Мейе А. (Meillet A.) 6, 128, 132, 151, 156, 157
Митрошкина А.Г. 77, 90
Мостэр А. (Mostaert A.) 138
Немет Ю. 158
Павлов Д.А. 81
Певнов А.М. 129
Педерсен Х. (Pedersen H.) 150

- Пельйо П. (Pelliot P.) 84
 Поппе Н.Н. (Poppe N.) 8, 10, 21, 87, 94, 97, 99, 106, 107, 117, 122, 132, 139, 145, 147, 150, 151, 154, 158
 Потенбня А. 143, 144
 Раднаев Э.Р. 76
 Рамстедт Г.И. (Ramstedt G. J.) 84, 97, 110, 112, 115, 119, 131, 140, 144, 150, 151, 153, 158
 Расторгуева В. С. 125
 Рахматуллин Г.Р. (Rachmatullin G.R.) 144
 Розыцки В. (Rozycki W.) 137
 Рона-Таш А. (Róna-Tas A.) 31, 135
 Самойлович А.Н. 47, 59, 114, 155
 Санжеев Г.Д. 110, 144
 Севортыан Э.В. 21, 28, 29, 30, 31, 34, 39, 40, 47, 49
 Синор Д. (Sinor D.) 54, 56, 158
 Стрит Дж.Ч. (Street J.Ch.) 139, 140
 Тенишев Э.Р. 155
 Теньер Л. (Tensnière L.) 124, 125
 Тодаева Б.Х. 84, 87, 92, 99, 106, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 120, 138, 145
 Тумашева Д.Г. 8
- Фазылов Э.И. 7
 Фокош-Фукс Д.Р. (Fokos-Fuchs D.R.) 59
 Харькова С.С. 76, 90
 Хаттори Ш. (Hattori Sh.) 134
 Хениш Э. (Haenisch E.) 108
 Хирт Х. (Hirt H.) 143
 Ховдхауген Э. (Hovdhaugen E.) 93
 Шервашидзе И.Н. 21, 24, 26, 31, 46, 49, 61
 Шёнфельдер К.Х. (Schönfelder K.H.) 128
 Широкогоров С.М. (Shirokogoroff S.M.) 137, 149
 Щерба Л.В. 6
 Щербак А.М. (Šcerbak A.M., Şcerbak A.M.) 6, 7, 8, 23, 28, 40, 46, 47, 56, 60, 62, 66, 72, 94, 96, 99, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 114, 121, 130, 135, 144, 149, 150, 153, 154
 Эрен Х. (Eren H.) 21, 23, 25, 26, 34, 36, 48, 49, 50, 54
 Юхас И. (Juhász I.) 128
 Юхансон Л. (Johanson L.) 125, 126, 130
 Яхонтов С.Е. 136

Грамматики, словари

- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983, 97, 106, 107, 111, 146
 Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. I-II. Л., 1975 (I); Л., 1977 (II). — 122, 133

Указатель

словоформ современных монгольских языков

Указатель охватывает три типа словоформ: 1) словоформы, восходящие к тюркским прототипам; 2) словоформы, содержащие корневые или аффиксальные морфемы тюркского происхождения; 3) собственно монгольские словоформы, привлекаемые по мере необходимости.

Бурятский язык

aba 19, 79	altan 21
abal 19	altargana 98
abalalga 19	altaša 71, 95
abaralšan 95	alxa- 101
adag 19, 77, 90	alxam 101
adagal- 19	al'gan 84
adarša- 105	al'ma 21, 69
adlišag 93	amar- 84
adlišā- 105	amarag 21
adūha(n) 119	amtarxa- 105
adū(n) 119	ani- 84
aglag 19	anša(n) 119
agna- 19	aŋ 21
agsaga 19, 79	aŋir 19
agsam 20, 83	ara 21
agta 20, 69	araj 21
agtaša 71, 95	aral 21
aj- 20	aralža- 121
ajaga 20, 79	arān 22, 71, 77, 78, 90, 118
ajl 20	arbaj 22, 83
ajlga 20	arban 84
ajmxaj 20	arga 22
ajra- 20	argahan 119
ajrag 20	argal 119
ajragla- 102	argali 22
ajrhan 20	argamag 22
ajrūl 21	argamža 22
al: al šara 21	arharxa- 105
alag 21	arig 22, 69
altalig 21	arsa 22, 83

- arsalan 23, 79, 83
 arša- 23
 aršan 23, 69
 arxan: arxan xüleg 23
 arxi 23, 118
 asari 23, 75, 79, 83
 ašag 24, 72, 75, 83
 atan 29
 atan: atan temēn 24
 atārxa- 105
 axanar 106, 122
 axanarūd 122
 axašag 93
 axiršag 93
 azarga 24, 72, 79, 83, 122
 ārsan 21
 ārūl 21
 bag 24
 bagada- 104
 багаšag 93
 багаšā- 105
 bagsā 24
 bagša 24, 69, 83
 bagšanar 122
 bagšarxa- 105
 baha 24, 75, 83
 bajalig 25, 83, 92
 bajan 25, 118, 121
 bajarxa- 100
 bajarxag 100
 bajaža- 121
 bal 25
 balajr- 104
 balgāhan 120
 balgān 25, 120
 bašag 25, 72, 74, 75, 83
 bašargana 98
 balta 25, 83
 bandan 84
 bar 25, 79
 baras 25, 79
 bardam 25
 bastarig 26
 baxa 26, 75, 83
 baza 26
 bātar 26, 69
 bātarlig 92
 bederegše 95, 109
 behelig 26, 27
 bel 27
 beleg 27
 belge 27, 72, 84
 belgeše 95
 belig 27, 71, 83
 belšer 27, 72, 77
 belterge 27, 83, 98, 123
 belxūnen 27, 83
 berte- 27
 berxe 27, 75, 79
 berxešeg 93
 beše- 28, 69, 71, 77, 100
 bešeg 28, 71, 83, 100
 bi 137, 138
 bide 137, 138
 bidener 137, 139
 bišen 28, 69
 bog 28
 bogodxo 28
 bojnog 28
 boro 28, 77, 83, 90
 boro: bod boro 107
 borošog 93
 botogon 28, 83, 119
 bozo 29
 bō- 29
 bōrsog 29, 78
 bōre 29, 78
 buda- 29, 77, 91, 100
 budag 29, 72, 73, 91, 100
 budā 29
 bujan 30, 69
 bulad 30, 69, 73, 83

- bulag 30
 bulaŋ 30, 72, 73
 bulaŋir 30
 bular 30, 69, 72, 73
 bulgajr 30
 bulšan 83
 bulšarxaj 83
 burantag 30, 72, 73
 burgi 30
 burū 30, 73, 77, 78, 90
 burxan 31, 69
 butra- 31
 būra 29, 31, 83
 būrsag 31
 būd 31, 69, 83
 būder 84
 būleg 31, 73, 75, 100
 būlgem 32
 būl'ū 32, 78, 84
 būrged 32
 būrxeg 32
 būrxō- 32
 būrxōg 32
 būte- 32, 79
 būten 32
 būžeg 32, 72, 73, 75
 dajn 33, 76, 82, 90
 dajr 33, 76, 82, 90
 dajsan 120
 dalaj 33
 dari 33
 daxin 33
 dāri 33
 debter 69
 degē 33
 deleŋ 33, 90
 delhen 33, 90, 120
 dolgin 33
 dom 34, 76
 domog 34
 domšo 95
 doroxi 97
 duhal 83
 dulān 34, 76, 90
 dūla- 102
 dūrbedexi 96
 dūrbūlen 99
 dūre 34
 dūxerig 34
 dūner 122
 eberlig 92
 ed 34
 ede 138
 elžegen 34, 83, 119
 elšen 34, 72, 74, 119
 em 34
 emä 99
 emäsäg 99
 emgeg 34
 emne- 35
 emšener 106, 122
 em' 35
 endexi 97
 ene 138
 enže 35
 eŋ 35
 eŋin 35
 erdem 35
 erdeni 35, 69
 ere 35, 79
 erlig 35
 erte 35
 ertenxi 35
 erxe 36, 75, 79
 erxi 36
 er'je 35, 79
 er'je- 35
 eše- 71
 exener 106
 exir 36, 75, 77, 84, 90
 ezen 36, 118
 ēre- 36, 78

- ērseg 36
 galda- 104
 galša 95
 gašūnšag 93
 gojomsog 96
 gurbadaxi 96
 gurbaxan 98
 gülzörgene 98
 haba 36
 haba- 83
 habā 36
 hagaldarga 98, 123
 hajn 37
 hala 37, 75, 79, 83
 halgaj 37
 hana- 37
 hanālig 93
 hanān 83
 haxi- 37, 75
 hā- 37, 75
 hādag 37
 hergeg 38
 herxe 75, 158
 hežeg 38, 72, 75
 horgog 38
 hoxorlig 93
 hubag 38
 hudar 38, 69
 huna- 38, 79
 hura- 38, 83
 hurag 38
 hūlga 38, 78
 hūlgansag 97
 hün 39, 75
 hüne- 39, 75, 79
 hūnlig 93
 hüreg 39
 hūderlig 93
 hūderšeg 93
 ildam 39
 inag 39
 jaba-: busāža jaba- 108
 jada 77
 jamān 39, 78, 118
 janza 39
 jaŋ 39
 jara 39, 77
 jargašan 40, 72, 74, 118
 jel 40, 76
 jexe 96
 jexemseg 96
 jexešeg 93
 jil 77
 jorō 76
 jū 139
 laj 40, 69
 lamanar 106, 122
 lamanarūd 122
 lū 40, 69
 mal 40, 69
 manajxi 97
 maxa 99
 maxasag 99
 menze 40, 79
 meŋe 40, 79
 mešen 40, 69, 74
 minī 138
 morirxo- 105
 mūšag 93
 mūxan 97
 münxe 40, 73
 m'aŋan 40, 118
 m'axarxa- 105
 m'axašag 72, 93
 nahan 40
 namaj 138
 namaje 138
 namār 138
 namda 138
 namhā 138
 namtaj 138
 narinšag 93

našan 41
 nādagša 95
 negedexi 96
 negexen 97
 nom 41, 69
 nomšorxo- 105
 nōholig 93, 123
 nōhon 19, 41
 n'udar- 121
 n'udarga 41, 91, 121, 122
 obō 41
 obgūj 101
 ogsomšog 94
 oj 41
 ojlig 93
 ojlo- 102
 ojmhon 41
 ojrto- 104
 oltirog 41, 84
 on 84
 ondōxon 97
 ordon 41, 119
 oroj 84
 oron 41
 oronsog 97
 oroŋ 41
 ošon 42, 71, 74
 oto 42
 otog: otog bajra 69
 otošo 42, 72, 73, 74, 83, 119
 ōdonšog 94
 saba 42
 saban 42, 69
 sabša- 42, 121
 sad 42, 69
 sag 42, 74
 sajla- 102
 sajn 42, 82
 sana 42
 saŋa- 42
 sasa- 42, 74

sasū: sab sasū 107
 saxi- 42, 74, 75
 saxilgān 43, 74, 122
 sāšadaxi 96
 sāxarlig 93
 seberle- 43
 seg 43, 74
 segē 84
 semgen 43, 73, 74, 119
 senxir 43, 69
 sereg 43, 69
 seregše 43
 seseg 43, 74
 seseglig 43, 93
 sog 43
 solboŋ 44, 74
 soxi- 44
 sudar 44
 sū 44
 sū 44
 sūl 44, 69
 šaba: tümer šaba 44
 šaba- 44, 71, 75
 šabar 44, 84
 šabarda- 104
 šagna- 45
 šalbāg 45
 šaltag 45
 šalxamag 101
 šamaj 138
 šamaje 138
 šamār 138
 šamda 138
 šamhā 138
 šamtaj 138
 šana- 84
 šanaga 45, 74
 šara 45, 72, 75, 78, 84
 šara: šab šara 107
 šarabtar 93
 šaraj 45, 70, 71, 74, 82

- šasargana 98
 šata 45, 70, 72
 šatar 45, 70
 šaxa- 45, 71, 75
 šā- 46
 *šeg 46
 šelūhen 46
 šeme- 71, 100
 šemeg 100
 šene 71
 šenže- 46
 šeŋe- 46, 71, 75
 šere 46, 70, 71, 75
 šerem 46
 šešer- 46, 71
 šexer 46, 70
 ši 137, 138
 šinī 138
 šīg 46
 šiŋi 94, 145
 šog 46, 70
 šoglo- 46, 74
 šonolig 93
 šonxor 46
 šordo 46
 šōlo- 102
 šubūla- 102
 šubūlig 93
 šudxagša 95, 109
 šulūn 47, 77, 120
 ta- 137
 tabag 47
 tabagla- 102
 tabgaj 47
 tahama 47
 tajag 47
 tajlag 29, 47
 talalig 93
 talxan 47
 talxi 47
 tama 47, 70, 72
 tamga 47
 tamir 47
 tani- 47, 70
 tara- 48
 tarmūr 48
 tari- 48
 tarig 48
 tarisa 48
 tarxān 102
 tar'ān 48
 tar'āšan 48, 72
 tata- 48, 79
 taxa- 48
 tax'ā 48, 78
 tā- 49, 78
 tābari 49
 tāmāg 101
 tebene 49
 tebše 49, 70, 72, 75
 tede 138
 temēn 29, 49, 119
 teŋ 49
 teŋeri 49, 70, 79
 teŋis: teŋis dalaj 49
 tere 138
 terlig 49
 terte 50
 texe 50, 75
 tērme 50, 78
 toborog 50, 74, 78, 79
 tongon 50, 70, 74
 torom 29, 50
 tošon 50, 74, 119
 toti 50, 70
 toxom 50
 tōdog 51
 tōhon 51, 74, 75, 119
 tōrog 50, 74, 78, 79
 tōrseg 51
 tug 51, 70
 tugārxi 97

- tuha 51, 72, 73, 75
 tura 51
 tura- 51
 turanxaj 51
 turaŋi 51
 tušā 51, 78, 79
 tutraga 51
 tūlaj 52
 tüged 52
 tūjse 52
 tül 52
 tümen 70, 158
 tümer 52, 73
 tümerle- 102
 tümerlig 93, 123
 tümerše(n) 52, 72, 95, 119
 tümerxen 97
 türe 52
 türe- 53, 73
 türhem 53
 tüxer'ēn 53
 uhsansa 53, 70
 ubša 53, 70, 75
 udagan 53, 73, 119
 uhanšū 94
 uhaša 95
 uhašag 94
 ula 53, 79
 ulam 53
 ulas 53, 72, 73
 ulā 53, 78, 79
 ulāgana 98
 ulālzagana 98
 ulān 84
 ulānšag 94
 ulāšan 53, 119
 ulla- 102
 umaj 53
 una- 85
 una-: butarža una- 108
 un'ār 85
 urag 54, 72
 urag: urag tarig 54
 urga 54, 79
 urta 85
 ur'xa 54, 79
 ušar 54
 ušar- 54
 uta 85
 uxālig 93
 uxān 54
 uža- 54
 užag 54
 ūlalig 93
 ūr 85
 ūrag 54, 78
 ūta 85
 ūbdenxejseg 94
 ūbsūndexi 96
 ūge-: šegneže ūge- 108
 ūgesegše 95
 ūgi 101
 ūhōn 54, 83, 119
 ūjelig 93
 ūldegše 95
 ūlge- 55, 101
 ūlgese 73, 74, 101
 ūlgūr 101
 ūnderlig 93
 ūnderseg 94
 ūnderxen 97
 ūnejen 119
 ūnišeg 94
 ūn'ēn 55
 ūŋe 55, 73, 79, 83
 ūŋelig 93
 ūre 55, 85
 ūrge 55
 ūri 55
 ūseg 55
 ūxer 56, 90
 ūze-: bariža ūze- 108

- üzeg 56, 70
 üzem 56
 xabda- 56
 xabša- 56, 100, 121
 xabšag 56, 100
 xabšūr 56
 xabxag 57
 xabxān 57
 xada 57, 91
 xada- 57, 91, 121
 xadalig 93
 xadāhan 57, 120, 121
 xajlamag 101
 xajrag 57
 xajša 57
 xalbaga 57
 xalib 58, 70
 xalzagšan 58
 xalzan 58
 xamag 58, 74
 xana- 58
 xantarga 58, 122
 xara 58
 xara: xab xara 107
 xaranxi 58
 xaranxuj: xab xaranxuj 107
 xarasa 58, 75, 79
 xaraxan 97
 xarā- 59, 78, 79
 xargana 98
 xarla- 102
 xarša 59
 xas 59, 75
 xašarhan 59
 xašxar- 60
 xata- 60, 79
 xatan 60, 70, 72
 xatū 60, 78
 xatūšag 94
 xaxiršag 94
 xazārla- 102
 xā- 60, 78
 xālga 60
 xāmag 101
 xān 60, 70
 xāšag 94
 xeb 61, 75
 xebgūj 101
 xeheg 61
 xeleše 95
 xen 139
 xereg 61
 xereggūj 101
 xerše- 61, 77, 79, 101
 xeršem 61, 101
 xeršemeg 101
 xeseg 61
 xibes 61
 xilgana 61
 xilgāhan 61, 120
 xilenseg 61
 xilensēg 94
 xilenšū 94
 xina- 19, 61
 xire 61, 75, 79
 xirē 19, 61, 78
 xirga- 62, 79
 xirmag 62, 75
 xī 62
 xog 62
 xojmog 62
 xojordoxi 96
 xojordugār 96
 xojorlig 93
 xojorlo- 102
 xojorxon 97
 xolbo- 62
 xoli- 62
 xonin 62
 xono- 62, 74
 xonog 63, 100
 xonoso 63

- xoŋor 63, 72, 73
 xor'ō 63
 xos 63, 75
 xō 63
 xō- 121
 xōhelig 93
 xōhen 63, 74, 120, 122
 xōrge 63
 xuā 63, 78
 xuba 63
 xudag 63, 72, 73, 74, 91
 xudarga 63, 91, 122
 xuhan 19
 xujag 63
 xula 63
 xulan 63
 xulxi 63
 xumxi 64, 79
 xuŋ 64
 xura- 64
 xurmag 64
 xurūd 64
 xur'gan 64, 90
 xusa 64, 74, 79
 xužarlig 93
 xūr 64, 77, 78, 90
 xūra- 64, 79
 xūraj 64, 82
 xūrmag 101
 xūben 64
 xūbeŋ 64
 xūg 64
 xūhe- 64, 75
 xūl 64, 75
 xūleg 64, 72, 73, 74
 xūlgōn 64
 xūlle- 65
 xūmelderge 65, 123
 xūn: xūn šīŋi 94
 xūneg 65, 73, 75
 xūnšeg 94
 xūnšū 94
 xūr 65, 75
 xūrin 65
 xūrme- 65, 73
 xūrše 65
 xūrxe 65, 73, 79
 xūrxir- 65
 xūrze 65, 75
 xūr'gen 65, 77, 90
 xūse- 64
 xūsen 65
 xūše- 65
 xūšege 66, 72, 73
 xūxe 66, 73, 79
 xūxer 66, 70
 xūxer- 66, 104, 121
 xūxerše- 66, 121
 xūxešeg 94
 xūzūn 66
 xūrge 66, 78
 xūšeg см. xūnšeg
 x'urū 66
 zagaharxa- 99
 zagahaša(n) 95, 99, 119
 zal'bar- 66
 zalxū 66, 83, 90
 zalxūšag 94
 zam 66, 70
 zaŋ 66, 90
 zar 67, 90
 zarga 67
 zarim 67
 zarlig 67, 83
 zaxa 67, 76
 zān 67, 76, 78
 zed 70, 76
 *zē 67
 zol 67
 zolgo- 67, 76, 79
 zolig 67, 76
 zori- 67, 100

zorig 100
 zög̃sē 68
 zud 76, 83
 zula 68, 76, 83, 84
 zulag 68, 75, 76
 zulgā- 68
 zura- 100
 zurag 100
 zūra- 68
 zübsöl 119
 zübsöhen 119

zühemeg 101
 züjxemeg 101
 zürhen 68, 76
 züxe- 101
 züxem 101
 žada 84
 žel 68, 76, 90
 žemes 68, 76, 83
 žolō 68, 76, 78, 90
 žorō 68, 76, 78, 90
 žühen 68, 90

Калмыцкий язык

adg 19
 aduč 95
 agč 80
 agh 19
 agt 20, 111
 agtl- 102
 aju 80, 111
 ajrh 24
 aldrš- 104
 alg 21
 alms 80
 alt 111
 altl- 102
 altn 21
 al'k 97
 al'mn 21
 amrg 21
 aŋ 21
 aŋhučl- 113
 aŋhuč 95, 111
 aŋn- 104, 111
 ar 21
 aran 22, 82
 arč- 23
 ard 80, 146
 arh 22

arl 21
 arslŋ 23, 81
 aršan 23
 arts 22
 arva 22
 asxn 80, 81
 atn 24
 axrxn 98
 āh 20, 82
 ärä 21, 82
 ärg 23
 ärk 23, 118
 ärün 22
 ärg 20
 bag 24, 111
 bagl- 102
 bagš 24, 111
 bagšl- 102
 bagšnr 106
 bahr- 104
 bajn 25, 80, 118
 bał 25
 balč 95
 baldr 81
 balhsn 25, 80
 balvr- 104

bal'čg 25
 bardm 25
 bars 25
 bas 24, 81
 baz 26
 bāl- 80
 bātr 26, 82
 bel 27
 belčr 27
 belg (1) 27
 belg (2) 27
 belküsn 27, 81
 bi 33
 bič- 28, 100
 bičā 144
 bičg 28, 100
 bičkxn 98
 bidn 138
 bilg 27
 biltsg 26
 bog 28
 bojar 30
 bold 30
 boldš η 94
 bor 28
 botxn 29
 boz 29
 bō- 29
 bōrtsg 29, 82
 bölg 31
 bōr 31, 82
 bud- 29
 budg 29, 100
 bujn 30
 bulg 30
 bulhar 30
 bul η 30
 burhu 30
 burntg 30
 burxn 31
 butr- 31

būd'a 29
 būr 31
 būlü 32, 82
 bürgd 32
 бүт- 32
 бүтн 32
 čačr 81
 čahr 80
 častr 80
 čavč- 121
 čig 46
 čimgn 43, 119
 čirā 45, 82
 čolun 47, 120
 čolunš η 94
 čolur- 104
 dala 33
 dān 33, 82
 dār 80, 82
 dār 33, 82
 dās \bar{n} 33, 120
 degā 33
 degtr 33
 del 120
 del η 33
 dēr \bar{k} 97
 dol'gan 33
 domnl- 34
 dork 97
 dō η n- 104
 dōrvūln 99
 dulan 34
 dulaxan 98
 durnav 80
 dut- 100
 dutg 100
 dūr 34
 dūnr 106
 ed: ed-tavr 34
 eknr 106
 elč 34, 119

- eļjgn 34, 82, 119
 em 34, 111
 emč 95
 emn- 35, 104
 endk 97
 eŋ 35
 er 35, 111
 er: er halun, er haxa 111
 erdm: erdm-bilg- 35
 erdn' 35
 erg 35
 erk (1) 36
 erk (2) 36
 erkä 36
 erlg 35
 ert 35
 es 144
 etsknr 106
 ezn 38, 118
 ezrk- 105
 ēr- 38
 gertčn' 140
 hasn 57, 120
 hosč 95
 hurvdgč 97, 122
 id- 100
 idg 100
 idš 81
 ig 80, 87
 ikr 36, 82
 im 35, 111
 in'g: in'g amrg 39
 in'gsg 99
 iŋgn 35
 ir- 95
 irg 35, 80
 irgč 95
 irx 110
 irvsg 80, 81
 išk 80
 iškr- 80
- jaman 39, 118
 janz 39
 jaŋhg 85
 jil 40
 jilk 81
 jola 68
 jora 68
 keŋkrg 80
 ker 80
 kerčm 61
 kerg 61
 kev 61, 111
 kevg 81
 kevl- 102
 kevs 61
 kičg 80
 kilhsn 61, 81, 120
 kilnts 61
 kilŋ 80
 kir 61
 kirgo 132
 kirh- 62
 kirü 66
 kö: kö-xag 63
 kök 66
 kökr- 66, 121
 kölg 111
 kölg|- 102
 kölgn 64
 kömrg 65, 132
 kör 65
 körkxn 81
 köšg 65
 kövŋ 64
 kozldur 81
 kö- 121
 körg 63
 kösn 63, 82, 120, 122
 kurmg 62
 küč: küč-kölsn 80
 küčl- 102

- küčn 65, 101, 111
 küčngo 101, 132
 kükr 66
 külg 64
 küñd 80
 kürgn 65, 82
 kürkr- 65
 kürn 82
 kürŋ 65
 kürz 65
 küsl- 64
 kūkn: kūkn halun, kūkn haxa 111
 kūnärk- 105
 la 40
 lal 80
 lu 40
 madn 138
 mal 40
 maldm 140
 maŋhdurk 97
 maxč 95
 maxl'g 93, 123
 maxsg 99
 maxš- 104
 meŋ 40
 miŋhn 40, 119
 modnla 112
 modnšŋ 94
 möčl- 102
 möčn 40
 möŋk 40, 111
 möŋkl- 102
 mörl- 102
 mörnlä- 112
 mösig 111
 nasn 40
 negdgč 97, 122
 nimgr- 104
 nom 41
 noml- 102
 nomtrx- 105
 nōsn 41
 nudrm 41
 očn 42
 ojun 41
 olŋ 53
 oma 54
 orn 41
 orndg 81
 otč 42, 119
 ova 41
 ödmg 80, 81
 ög-: bärülj ög-, keļ ög-, ömsgj ög-
 108
 ölg- 55
 ölgčn: ölgčn aju, ölgčn čon 111
 ölgür 55
 öŋg 55
 örmg 81
 örx-: dävř örx- 108
 öšän 54, 119
 övdgtsä 111
 õmsn 41, 82
 õrxndk 97
 sag 37
 sal 37
 san- 37
 sav 36, 42
 sav- 36
 savŋ 42
 sā 37
 sādŋ 37
 sām 101
 sän 42
 särmŋ 81
 sävür 43
 sävürd- 104
 sār-x- 105
 seŋg 38
 solha 37, 81
 son'rx- 105
 sudr 38

sul' 81	tax 48
sun- 38	tavg (1) 47
sur- 38	tavg (2) 47
sürg 39	tavuln 99
sūlh 38	tā- 49
šahatsa 111	tāl'g 47
šalh 80	tāva 80
šaltg 45	tär- 48, 82
šalvr 80	täräc 48, 82
šanh 45	tärän 48
šar 45	tävli 80
šat 45	tek 50
šatr 45	temän 49, 119
šax- 45	temänlä 112
šaxvr 45	temn 49
šavr 44	teŋgr 49
šikr 46	teŋgs 49
šilüsn 46	terlg 49
šinjl- 46	term 80, 81
šinjlt 46	ters 80
šing- 46	terz 81
šir 46	tevš 49
šŋ 145	tērm 50, 82
šog 46	tohrun 80
šogc̄ 95	tohstn 80, 81
tagt 80	tor 81
tajg 47	torha 80
taka 48	torhn 50
talxn 47	torm 50
tam 47, 81	tortsg 80
tamh 47	tosnla 112
tan'- 47	tosxačnr 106
tan'dgo 101	tot' 50
tan'l 101	tox- 101
taŋsg 81	toxm 101
tar- 48	tov 80
tarvs 80	tovčl- 102
tas 80	tovrg 50
tasm 47, 81	tōdg 51
tašmg 101	tōsn 51, 119
tat- 48	tögä 34

tögrg 34	uga: xajšuga (xajšgo), irxn uga 145
tölg 52	ul 53
tömr 52	ulm 53
törkn 53	uls 53
tsag 42, 81, 111	ul'trg 98
tsagl- 102	unx 110
tsahan: tsab tsahan 107	urdk 96
tsahanšŋ 94	urnl'g 93
tsan 42	urx 54
tsan': xudgin tsan' 146	usn 101
tsaŋh- 42	usngo 101
tsāhar: xudgin tsāhar 146	uxan 54
tsāhas: xudgin tsāhas 146	ūrg 82
tsats- 42	ükr 56, 82
tsatsg 81	ürg- 55
tseg 43	üsn 39
tseŋkr 43	üzg 56
tseŋkr: tseb tseŋkr 107	üzrn 56
tserg 43	xad 57
tsergč 43, 95	xad- 57
tsetsg 43	xadasn 57
tssetsgänčg 43	xadig 111
tsolvŋ 44	xajudk 97
tsōxr 80	xala 80
tsöl 44	xamg 58
tsurx 46	xan 60
tsäk- 82	xanjal 80
tsäkür 82	xar 58
tsāsg 82	xar: xab xar 107
tug 51	xar- 58
tuhlč 95	xara- 59
tulm 82	xarha 80
turŋxa 51	xarm- 80
tuš- 51	xarŋhu 58
tuša 51	xata- 60
tutrh 51	xatn 60
tūla 52, 82	xatu 60
tümn 158	xavč- 56, 121
učr 54	xavčar 56
učr- 54	xavčg 100
uga 132, 145	xavd- 56

xavxg 56, 82
 xā- 60
 xāč 57
 xog 62
 xojrdgč 97, 122
 xolv- 62
 xol'- 62
 xon- 63 —
 xoŋ 63
 xoŋhr 63
 xorhljn 82
 xön 62, 82
 xudg 63, 146
 xujg 63
 xul 63
 xun 64
 xuniġ 111
 xur- 64
 xurg 64
 xurhl- 102
 xurhn- 64, 82
 xuts 64
 xuv 63, 82
 xūr 64, 82
 xūr- 64, 82
 xūrd- 104
 xūxer- 121
 xūxerše- 121
 xūrā 64, 82

zah 67
 zahsč 95
 zalušg 94
 zalxu 66
 zam 66
 zan 67
 zaŋ 66
 zar 67, 111
 zarh 67
 zarl- 102
 zas- 100
 zasg 100
 zax 67
 zaxdk 96
 zä 80
 zärlg 67
 ze 67
 zeg 80
 zem 80
 zemš 68
 zeŋkr 43
 zes 67
 zēgn 80
 zērn 80
 zud 68
 zusl- 102
 zūr- 68
 zürkn 68
 züsñ 68

Монгольский (халха-монгольский) язык

adag 19
 adzragan 24, 83, 122
 agč: agč mod 84
 agna- 21
 agsan 20, 83
 agtan 20
 aj- 20
 ajagan 20

ajrag 20
 alag 21
 alim 21
 altan 21
 altlag 93, 123
 alx- 101
 alxam 101
 alxl- 102

- anč(in) 95, 119
 ančl- 111
 ar 21
 aral 21
 arān 22
 arga 22
 argagūj 132
 arig 22
 ar'un: av ar'un 22, 107
 arslan 23, 83
 aršān 23
 arts 22, 83
 arxin 23, 118
 arvaj 83
 asar 24, 83
 ašig 24, 83
 atan 24
 av 19
 bačl- 102
 badz 26
 bag 84
 bagš 24, 83
 bajalag 25, 83
 bajaĵ- 25
 bajan 25, 118
 bajarx- 105
 balčig 25, 83
 balčirgana 98
 balgas 25, 84, 120
 balt 25, 83
 bandaŋ 84
 bar 25
 bardam 25
 bas 24, 83
 bax 26, 83
 bātarlag 93
 b'arūn 30
 bel 27
 belčir 27
 beleg (1) 27
 beleg (2) 27, 84
 beltreg 27, 98
 belxūs 27, 83
 berx 27
 bex 28
 bexd- 104
 bič- 100
 bičig 28, 83, 100
 bičin 28
 bider 84
 bilčir 27
 bilig 27, 83
 bilū 32, 84
 bitgij 144
 bodz 29
 bog 28
 bold 30
 bor 28
 borlog 93
 botgo 29, 83, 119
 bō- 29
 bōrtsog 29
 bös 31, 83
 bōr 29
 bujan 30
 bulag 30
 bulaŋ 30
 bulčirŋ 83
 bulčirxaj 83
 buligār 30
 burxan 31
 butar- 31
 būr 31
 būrtsag 84
 büleg 31
 bürkeg 32
 bürxij 32
 büsl- 102
 čagna- 45
 čičir 46
 čixer 46
 čömög 43, 119

ĉulūn 47, 120
 dajr 33
 dajsan 33, 120
 dalaj 33
 davxard- 104
 del 33
 deleŋ 33
 domĉ 34
 domn- 34
 domog 34
 dornodox' 96
 dorxi 97
 dōrvūl 99
 dōrvūlen 99
 dulān 34
 durl- 102
 dusal 83
 dūĉin 95
 dūlijr- 104
 dūr 34
 dzagasĉ(in) 95, 119
 dzaj 80
 dzalxū 66, 83
 dzalxūr- 104
 dzam 66
 dzaŋ 66
 dzarim 67
 dzarlig 67, 83
 dzax 67
 dzān 67
 dzesĉ 95
 dzedgene 98
 dzes 67
 dzē 67
 dzol 67
 dzud 68, 83
 dzul 83
 dzur- 100
 dzurag 100
 ed 34
 edzen 36, 118

elĉ 34, 119
 em 34
 eme 99
 emseg 99
 endexi 97
 eŋ 35
 er 35
 erdene 35
 ere 99
 eregdex' 96
 erlig 35
 erseg 99
 erx 36
 erxij 36
 iĵgen 83
 im 35
 imn- 104
 ind- 104
 ireg 35
 irves 81
 ixer 36, 84
 jamān 39, 118
 jandz 39
 ĵims 68, 83
 ĵolōn 68
 ĵorō 68
 gadasan 57, 120
 gašūn: gav gašūn 107
 laj 40
 lūn 40
 mal 40
 maxĉin 95
 meĉin 40
 meŋe 40
 mönx 40
 mörd- 104
 mūd- 104
 mūl- 102
 m'aŋan 40, 119
 naĉin 41
 najrl- 102

nar: bagš nar, dü nar 106
 narijxan 98
 nasan 40
 nojorx- 105
 nomč 95
 nomčirx- 105
 nomxor- 104
 nōson 41
 nōxōr 99
 nōxōrsög 99
 nudar- 121
 nudargan 41, 121, 122
 očin 42
 oj 41
 ojmsan 41
 ojrxī 97
 olom 53
 oltrig 41, 84
 oron 41
 otoč 83
 ovōn 41
 ölgö- 55
 ölgür 55
 öndöglög 93
 öḡö 55, 83
 ös 83
 ösög 83
 öšōn 54, 119
 öšōrx- 105
 sajn 42
 sajšā- 105
 sal 37, 83
 sanān 83
 sarimsag 84
 sax'- 37
 sav 36, 42
 sav- 36, 83
 savaḡ 42
 sā- 37
 sādag 37
 sedergene 98

segeldreg 98
 seḡig 38
 serx 158
 solgoj 37
 sönö- 39
 sudar 38
 suna- 38
 sur- 38, 83
 suvag 38
 sūlga 38
 süreg 39
 sürleg 93
 süxl 102
 sūn 39
 šalbāg 45
 šaltag 45
 šanagan 45
 šar 45
 šar: šav šar 107
 šatar 45
 šav- 44
 šig 46
 šig: ödör šig, xün šig 94
 šilūsen 46
 šinexen 98
 šinḡ- 46
 šinḡe- 46
 šog 46
 šogl- 46
 tajag 47
 tajlag 47
 tam 47
 tanix 101
 tanixgüj 101
 tar'ačin 48
 tar'an 48
 tasam 47
 tax 48
 tax'an 48
 tavag 47
 tavl- 102

tavūl 99	tsolmon 44
tavxaj 47	tsox'- 44
tā- 49	tsurxaj 46
temēn 49, 119	tug 51
teŋ 49	turanxaj 51
teŋer 49	tus 51
teŋes 49	tuš- 51
tesver 101	tūlaj 52
tesvergüj 101	tümen 158
tevš 49	učir 54
tērem 50	učir- 54
tevne 49	ulā 53
torgon 50	ulāč 119
torom 50	ulān: uv ulān 107
toxo- 50	umaj 54
toxom 50	url- 102
tovrog 50	uxa- 54
tōdog 51	uxān 54
tōson 51, 119	ūrag 54
tōgrög 34	ur'dax' 96
töl 52	ügüj 101, 145
tölög 52	ünēn 55, 119
tömör 52	üseġ 56
tömörč(in) 95	üxer 56
tör 52	xad- 57
törö- 53	xadan 57
törxöm 53	xadāsan 57, 120
tsagan: tsav tsagan 107	xalzan 58
tsana 42	xamag 58
tsaŋ- 42	xantraga 58, 122
tsaraj 45	xar: xav xar 107
tsats- 42	xaranxuj 58
tsatsag 82	xarš 59
tsax'- 42	xarts 58
tsaxilgān 43, 122	xata- 60
tsax'ur 82	xatan 60
tsavč- 42, 121	xatūd- 104
tsenxer 43	xatūr- 104
tsereg 43	xān 60
tsetseg 43	xerč- 61
tsetseġleg 43, 93	xerčim 61, 101

xereg 61	xösön 63, 120, 122
xereggüj 101	xudag 63
xev 61	xudraga 63, 122
xevæg 81	xujag 63
xilents 61	xulan 63
xir 61	xulxi 63
xirgüj 132	xumag 64
xivsen 61	xumxi 64
xog 62	xуη 64
xojšxi 97	xurgan 64
xolbo- 62	xuts 64
xonin 62	xuvan 63
xono- 63	xūr 64
xonog 63	xūr- 64
xon' 62	xūraj 64
xoηor 63	xüčgüj 132
xömöldrög 65, 98, 132	xüčün 65
xöηömsög 96	xüjtr 104
xöηön 96	xüleg 64
xös- 65	xürdzen 65
xösüg 66	xüren 65
xöx 66	xürgen 65
xöxör 66, 121	xürxir- 65
xövöη 64	xüxer 66
xō 63	x'algasan 61, 120
xō- 121	x'arga- 62
xörög 63	

Баоаньский язык

ajjɣe 20, 85	bajde 104
almaη 21, 85	baleg 30
altaη 85	bar 44, 84
amaη 85	bas 25
antaη 85	bede 138
aruη 22, 85	belu 32
aseман 85	belude 104
asoηče 95	čina- 84
badaη 29	dem 85
bajaη 25, 85, 118	devše 49

ere 35
 ete 35, 85
 fdu 85
 felaŋ 85
 fene 85
 fuda 85
 fune- 85
 fure 55, 85
 gegar- 104
 hamera- 85
 harvaŋ 85
 hbar 84
 hor 85
 idersede 114
 imaŋ 39, 85, 118
 jaxsa 85
 jiŋa 20, 85
 jaŋŋeg 85
 jare- 85
 jila 68, 84
 jirge 68
 jolŋe- 67
 ker 61
 kereŋ 61
 kitaŋde- 104
 koge 66
 la 53
 mam 34
 moreče 95
 nason 40
 niter- 104
 njesada 114
 njige 85
 noŋson 85
 oron 43, 85
 orse 113

peŋe- 28
 peŋeg 100
 putoŋ 85
 rače 23
 saŋe- 37
 samle- 102
 sulŋe 38
 sumu- 37
 sūsada 114
 šbar 44, 84
 šira 84
 taraŋ 48
 tare- 48
 taše 47, 85
 taxe 47, 85
 tā- 49
 temer 52
 termaŋ 50, 85
 texa 48, 85
 toli 52
 toxom 50, 101
 unaŋ 85
 xaberŋi 107
 xalge 85
 xani- 85
 xara- 59
 xā- 60
 xera 58
 xičele 102
 xodon 85
 xone 85
 xoneče 95
 xon 85
 xoro 85
 xurŋaŋ 64, 85

Дагурский язык

adōci(n) 95	bas 24
adōla- 102	basa 24
ajaga 20	bata- 95
ajl 20	batāci(n) 95
ajlčila- 102	batur 26
ajlčin 95	bā 137
aĵirga 24	bātur 26
alag 21	bāture 26
alim 21	bed 137
alta 21	beleg (1) 27
antala- 102	beleg (2) 27
aŋala- 21	belge (1) 27
ar 21	belge (2) 27
arā 22	berke 27
arān 21	bēre- 100
arči- 23	bēreg 100
aresān 23	bese 26
argada- 104	besle- 102
argi 23, 118	bite- 28
arig 23, 118	biteg 28
arigi 23, 118	bī 137
arkan 87	bodo- 29
arsalan 23	bolot 30
aršān 23	bolto 30
aršāŋ 23	borcō 31, 87
arūn 22	borōšē 105
aulā- 19	bōrto- 104
aulāg 100	bulār 30
aūlā- 19	buri 31, 87
ān 137	buse 26, 31
bajan 25, 118	bute- 32
bajiji- 121	čāci- 42
bajin 25, 118	čagi 42
bajirla- 102	čakilgān 43, 122
baĵa 26	čarči- 61
bar 25	čerči- 61
barkan 31	čičire- 87

čigān: čim čigān 107
 čolō 87
 čolpon 44
 čučug 87
 dagē 87
 dagī 87
 dajē 87
 dajn 33
 dajsan 33, 120
 darxalā- 102
 dauda- 104
 daute- 104
 dāri 33
 dār' 33
 degelē- 102
 degē 33
 devse- 100
 devseg 100
 dilō 68
 dolegien 33
 dolg'ān 33
 dolg'ēn 33
 dulākan 98
 dulān 34
 dur 34
 ejgen 34, 119
 ejin 36, 118
 elči 34, 119
 eljig 34, 119
 em 34
 emeldē- 104
 er 35
 erdem 35
 ergi- 35
 erte 35
 ērel 36
 huē- 121
 huregen 133
 imā 39, 118
 īn 137, 138
 īnī 138

jadagan 53
 jamad 138
 jamār (1) 138
 jamār (2) 138
 jamās 138
 jamda 138
 jamī 138
 jamtī 138
 jansa 39
 jar 39
 jara 39
 ĵaga 67
 ĵahe 67
 ĵalbari- 66
 ĵalkō 66, 87
 ĵān 67
 ĵaŋ 66
 ĵeulēken 98
 ĵē 67
 ĵil 68
 ĵilō 68, 87
 ĵujāla- 102
 ĵulim 88
 ĵurgu 68
 ĵurug 68, 87
 ĵurugu 68
 ĵus 68
 karā- 59
 kasō 59
 katō 60
 katun 60
 katū 60
 kažo 59
 kereg 61
 kese- 64, 88
 kibes 61
 kilgās 87, 120
 kirēdē- 95
 kirēdēči 95
 kirgās 120
 koŋor 63

- kuči 65
 kuēs 122
 kujten: ku kujten 107
 kuke 66
 kukere- 66, 104, 121
 kulug 64
 kurgen 65, 133
 kurub 64
 kuse- 64
 lekdē- 104
 maī 40
 manāci(n) 95
 minādā- 104
 mōšē- 105
 m'aḡan 40, 119
 nas 40
 obō 41
 or 41
 sagi- 37
 sajn 42
 sajšā- 105
 sana- 37, 88
 sanā 88
 sā- 95
 sāgāci(n) 95
 sere- 88
 simūge 43, 119
 solgī 88
 sudur 38
 sū 39
 šar 45
 šara 45
 šara: šav šara 107
 šarā 45, 87
 šarī 45
 šarla- 88
 šavar 87
 šiči- 100
 šičig 100
 šilān: ši šilān 107
 šimehe 43, 119
 šimug 43, 119
 šiḡe- 46
 šī 137
 tajbarla- 102
 tak 88
 take 48
 tani- 47
 tara- 48
 tarē 48, 88
 tarēci(n) 48
 tari- 48
 tata- 48
 tatag 100
 taul'ē 52
 tā- 137
 temē 49
 temēn 49
 teḡer 49
 teḡger 49
 torgo 50
 torho 50
 torog 50
 torogo 50
 toroha 50
 toso 51
 toxo- 50
 tur- 53
 ture- 53
 tus 51
 tuvāci(n) 95
 unenšē- 105
 uḡu 55
 urga 54
 usug 56
 usugu 56
 xad 57
 xada 57
 xada- 57
 xalūn: xab xalūn 107
 xar 58
 xara 58

xaraŋguj 58
 xarā- 59
 xarla- 102
 xata- 60
 xavči- 56, 121
 xavda- 56
 xā- 60
 xān 60
 xergi- 35
 xergī 36
 xev- 61
 xolbō 62
 xoli- 62
 xoni 62
 xono- 63
 xonog 63

xon' 62
 xoŋor 63
 xorō 36
 xudurga 63, 122
 xuē 63
 xuē- 121
 xuēs 63, 120
 xukur 56
 xur 55
 xurgen 65, 133
 xusug 56
 xürgen 133
 vačira- 54
 vala 53
 vāci 88
 wuāla 53

Дунсянский язык

ada 86
 agi- 108
 ala- 108
 alima 21, 86
 ana 86
 antan 21
 apa 22, 86
 arun 22, 86
 aruni 22, 86
 asiman 86
 asunčīn 95
 ata 86
 baŋa 26
 bajaŋe- 25, 121
 bajan 25
 ban 25
 baudej 86
 bašī 25, 86
 baula 102
 bierila- 106
 biŋien 138

bore 29, 86
 boroŋ 28, 86
 boroŋni 28, 86
 bosī 31, 86
 budan 29
 bula 30, 86
 bulun 30, 86
 bute- 32
 butu- 32
 ča 42
 čīŋan: čī čīŋan 107
 čīgi 46
 čīje 43
 čīna- 84
 čīji 108
 čumeŋe 86
 davejčīn 95
 duja 86
 duralaseda 113
 eči- 108
 ečie 35

- eĵen 36, 86, 118
 ere 35
 fuda 85
 fudu 85
 fugier 56, 86
 funie 85
 fure 55, 85
 ġada 86
 ġadu- 121
 ġoni 62, 86
 ġuala 99
 ġudanċin 95
 ġudeu 63
 ġurala 99
 hamura- 85
 hanġa 85
 haruan 85
 hela 106
 ĵije- 108
 ire- 108
 janzi 39
 javu- 108
 javuċin 109
 jidoġo 86
 jiġa 20, 86
 jiman 39, 86, 118
 ĵaġa 86
 ĵaġasunċin 95, 119
 ĵarun 86
 ĵida 84
 ĵue- 68
 ĵula 68, 86
 kiċi- 61
 kiĵie- 108
 kugie 86
 kugiere- 66, 121
 kujċiere- 104
 lun 40
 matan 138
 mauda- 104
 naduseda 113
 nasula 102
 nasuġ 40
 ninkere- 104
 noġon: no noġon 107
 noġora- 104
 noġosun 86
 oġi 108
 oron 41
 qalun: qa qalun 107
 qara 86
 qara: qa qara 107
 qara- 59
 qaranċin 95
 qatasun 57, 120
 qā- 60
 qitun 60
 quajċira- 104
 quġan 64, 86
 quru- 64
 sa- 37
 saġi- 86
 samusa 81
 sana- 37, 86
 sau 108
 sauġa 38
 siġaġan 86
 sugieda- 104
 sumu- 38
 sumuda- 104
 suruġaċin 95
 ŝajtan 86
 ŝar 45
 ŝinaġa 45, 86
 ŝinaġala- 102
 ŝira 84
 ŝirala- 102
 ŝiduda- 104
 ŝieri- 86
 ŝinieċin 109
 ŝupuraġan 107
 ŝuva 44, 84

šuva- 44
 taɣa- 49
 taɣula- 102
 taj- 108
 taja 47
 tani- 47, 86
 taran 48
 tari- 48, 86
 tašī 47, 86, 106
 tašīda- 104
 taulej 86
 tavuala 99
 terela 139
 tiqa 48
 toɣun 50, 101
 tura 50
 tusa 51

ujlječīn 95
 uje- 108
 ujeſe 113
 uju 86
 una- 108
 unduda- 104
 unu- 85
 unuse 113
 uŋje 55, 86
 usula- 102
 xani- 85
 xon 85
 xō 85
 xulan 85
 xupulayan 107
 vita- 108
 vočira- 54

Могольский язык

alō 21
 altōn 89
 arōsun 89
 aslōn 88
 begim 89
 bezgak 89
 borō 28
 bōj 88
 bōz 24
 böärä 29
 bušlōy 89
 būlak 89
 būrī 89
 čaxmōx 89
 čēčak 89
 čōsun 89
 čurak 89
 čusun 89
 čūy 89
 čūl 89

čūq 89
 dūlma 89
 eļjigon 89
 ɣāšlōy 89
 ɣōz 88
 gejbē 115, 116
 jaɣä 88
 jelim 89
 jem 89
 jōɣä 88
 jōl 88
 jōsun 89
 kelin 89
 kema 89
 kēmuk 89
 kēpanak 89
 kēzlik 89
 kūrāgō, 89
 kūč 89
 kūl 89

kūmoč 89
 kūpruk 89
 kūpuk 89
 maɣɔj 89
 miqōn 89
 mōrta- 89
 nüdüñ 89
 orün 22
 ōtōɣ 89
 qablōn 89
 qajmōq 89
 qalqōn 89
 qarō 58, 89
 qattu 115, 146
 qälɣōsu n 89
 qäšlōq 89
 qōš 88
 qōšuuq 88
 qōzuɣ 88
 qōzuq 88
 qudōl 89
 qurɣōn 89
 qūš 89
 sanōč 89
 siŋgōɣ 89
 sōɣlāɣ 88

sōɣloɣ 88
 sōj 88
 südüñ 89
 širō 89
 taɣōj 89
 tajōɣ 89
 telpak 89
 teppa 89
 terlik 89
 tērmōn 50
 tōj 88
 tūɣrī 89
 tūj 89
 tūr 89
 tūrba 89
 tūqłı 89
 tūš 89
 ugeibi 115
 ulō 89
 ulōq 89
 unō- 89
 ūgaj 89
 ūq 89
 ūrdak 89
 ūbül 89
 üdür 89

Монгорский язык

adalla- 102
 alima 17
 arā 118
 ariun 22
 ariunxān 98
 āsenči 95
 badzar 87
 baɣše 24
 bajajia- 121
 bajan 25, 118
 bajān 25, 118

bal 17, 25
 balɣāse 25, 120
 bargase 25, 120
 bas 25
 basa 17, 24
 bātur 26
 boɣonda- 104
 boro 28
 bos 17, 31
 bō- 17
 bōrdzog 29

- bōro 29
 buda 138
 buda- 29, 100
 budag 29, 100
 budā 29
 bulay 17, 30
 buliū 32
 buloŋ 30
 buru 30
 burū 30
 būdi 17, 87
 čīavčī- 42, 121
 čīcaγ 17, 43
 čījāγ 43
 čīmuge 43, 119
 čina- 84
 čīŋla- 45
 čirγā- 62
 čirig 43
 dalē 33
 dāxala- 102
 debji 49
 fān 85
 fen 85
 fudur 85
 fuguor 56
 fulān 85
 funi 85
 funi- 85
 furiē 55, 85
 fūda 85
 fūdala- 102
 γada 57
 γada- 121
 γadarla- 102
 γudalčī 95
 gurjag 17, 65
 imā 39, 118
 jaγa 20
 jāra 17, 87
 jiγ 87
 jūtanxān 98
 jāγa 17, 67
 jārim 17, 67
 jē 67
 jida 84
 jige 34, 119
 jilā 17, 84
 jioro 68
 jirge 68
 jiū- 68
 jiūci 95
 jula 84
 jura- 68
 kajāγ 87
 kavāγ 87
 kerē 61
 kirji- 61
 koni 62
 kō 63
 kōlgo 66
 kōrguo 66
 kōrse 120
 kuguo 66
 kuguorā- 66, 121
 kuji 65
 kuko 66
 kurgen 65
 kurgu- 64
 mara 121
 marājia- 121
 mečin 40
 miŋγan 40, 118
 morila- 102
 mūšā- 105
 narla- 102
 nase 40
 noγōla- 102
 nudurγa 41, 122
 ŋguo 85
 perge 28
 pujaγ 87

*puji- 100
 pujiḡ 28, 100
 purḡān 31
 qara: qa(b) qara 107
 qatoŋ 60
 qoni 62
 rdem 35, 85
 rjiḡe 34, 119
 sad 87
 sagi 37
 sana- 17, 37
 sava 42
 sā- 37
 sāli 87
 sgō- 87
 sogodi- 87
 solḡuē 87
 solḡujči 95
 sorḡuj 87
 sumuda- 104
 suno- 87
 surḡa 38
 sūlḡa 38
 šabar 44
 šavar 44
 šde 35
 šdime 87
 šenaya 45
 šḡā- 45
 šjurā- 54
 šira 45, 84
 šoŋġian 46
 taḡū 17, 48
 talḡa 47
 tamaḡa 17, 47
 tani- 17
 taŋula 145
 taqu 48
 tar 87
 tarā 48, 87
 tarāči 48, 87

tarḡa 47
 tari- 17, 48
 taš 17, 47, 87
 tašči 17, 47
 tašda- 104
 tavay 17, 47
 tā 49
 tādala- 103
 temen 49
 temur 17
 temurči 17, 52
 teŋgeri 49
 terme 17, 50
 timiēn 49
 torḡu 17, 50
 tuḡum 101
 tuli 52
 turo- 53
 tusā 51
 tūlī 52
 ulā 53
 uriē 85
 uroŋ 41
 uruy 54
 ūr 85
 xadā- 60
 xadoŋ 60
 xaldan 21, 85
 xalḡa 85
 xambura- 85
 xani- 85
 xara 58
 xarala- 103
 xaraŋḡu 58
 xarā- 59
 xarvan 85
 xā- 60
 xān 60
 xoli- 62
 xon 85
 xoni 62

xoniči 95	xulō- 62
xoŋγuor 87	xurγa 64
xuḡasa: xuḡasa da 114	valgāse 25, 120
xulan: xu(b) xulan 107	verla- 103

Саньчуаньский диалект

(диалект минхэ монгурского языка из материалов Г.Н. Потанина)¹

balgasi 25, 120	šira 45
bars 25	taran 48
ima 39, 118	taš 47
jima 39, 118	temur 52
ḡerke 68	teŋri 49
lu 40	time 49, 119
kurga 64	toqo 48
mečin 40	torgo 50
piru 30	tusa 51
pori 29	ukur 56
qara 58	ula 53
qoni 62	xara 58
sorgo 38	

¹ См.: Тодаева Б.Х. Монгурский язык. М., 1973. С. 5.

Оглавление

Предисловие	5
Сокращения	7
Заметки об алфавите	10
Введение	11
Общие замечания	11
Цель и задачи исследования	13
Особенности пространственного фактора в историческом аспекте	16
Глава I. Лексические тюркизмы в бурятском языке и в других монгольских языках	18
Общий список лексических тюркизмов	18
Слова нетюркского происхождения среди тюркских заимствований бурятского языка	68
Глава II. Состав заимствованной лексики и особенности фонетического освоения тюркизмов в монгольских языках	71
Раздел 1. Бурятский язык	71
Расширение узких гласных корневой и аффиксальных морфем	71
Сужение широких гласных	73
Лабиялизация неогубленных гласных	73

Делабиализация огубленных гласных	73
Прочие изменения гласных	74
Изменения согласных	74
Ротацизм и ламбдаизм	77
Выпадение γ (g) в интервокальном положении и в конце слова	78
Выпадение сонанта β ($< * p$) в интервокальном поло- жении	78
Структурно-фонетическое освоение тюркизмов	79
Раздел 2. Калмыцкий язык	80
Раздел 3. Халха-монгольский язык (современный мон- гольский язык)	82
Раздел 4. Баоаньский, дунсянский, монгорский языки	84
Раздел 5. Дагурский язык	87
Раздел 6. Могольский язык	88
Заключение к главе II	90
Глава III. Тюркские морфологические элементы в слово- формах бурятского и других монгольских языков	92
Общий список морфологических тюркизмов	92
Раздел 1. Бурятский язык	92
Аффиксы отыменного образования имен	92
Аффиксы отглагольного образования имен	100
Аффиксы отыменного образования глаголов	102
Формы словоизменения	106
Сложные глаголы	108
Причастия и деепричастия	109
Раздел 2. Калмыцкий язык	111

Раздел 3. Халха-монгольский язык (современный монгольский язык)	113
Раздел 4. Баоаньский, дунсянский, монгорский языки (языки так называемой широнгольской группы)	113
Раздел 5. Дагурский язык	115
Раздел 6. Могольский язык	115
Заключение к главе III	116
Глава IV. Особенности морфологического освоения тюркизмов	118
Глава V. Роль контактов в процессе изменения лексического состава и морфологической системы языков	124
Экскурс I. Специфические черты фонетики, морфологии и синтаксиса монгольских языков	133
Экскурс II. Вместо общего заключения	149
Послесловие	157
Приложение	159
Именной указатель	159
Указатель словоформ современных монгольских языков	161
Бурятский язык	161
Калмыцкий язык	170
Монгольский (халха-монгольский) язык	176
Баоаньский язык	181
Дагурский язык	183
Дунсянский язык	186
Могольский язык	188
Монгорский язык	189
Саньчуаньский диалект	192

Александр Михайлович Щербак
ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
В ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Редактор издательства Е. Г. Кашеева
Художник Л. А. Яценко

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 20.04.05.
Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.3.
Уч.-изд. л. 12.8. Тираж 500 экз. Тип. зак. № 978. С 76

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-027002-4

9 785020 270022

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Степанова Л. Г.

**НЕИЗДАННЫЕ МАРГИНАЛИИ XVI ВЕКА
К ТРАКТАТУ ПЬЕТРО БЕМБО**

«Prose della volgar lingua» (1525; кн. III)

Книга представляет собой публикацию новооткрытых рукописных записок на полях первого издания трактата П. Бембо «Беседы о народном языке» (экземпляр обнаружен в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук в Петербурге). Трактат Бембо и его рецепция в XVI веке представляют большой интерес для истории итальянского языка и истории европейского языкознания, поскольку отражает процесс становления и кодифицирования литературного языка, сопровождавшийся в Италии острой полемикой о языковой норме и практике, о роли разных диалектов (особенно тосканского) и разных социальных слоев. Эти и другие проблемы обсуждаются неизвестным оппонентом Бембо на полях третьей книги «Бесед». Издание содержит Введение на русском и итальянском языках, вступительную статью, факсимильное воспроизведение Третьей книги трактата, текст маргиналий, их русский перевод и подробный комментарий.

Для итальянцев, широкого круга филологов.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Домашнев А. И.

**ТРУДЫ ПО ГЕРМАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ**

Издание является итоговой публикацией научного наследия одного из крупнейших отечественных ученых-германистов члена-корреспондента Российской академии наук А. И. Домашнева (1927—2001). Книга охватывает все этапы его почти полувекового научного пути и творчества и включает историко-грамматические исследования, разработку концепции национальных вариантов немецкого языка, результаты всесторонних научных изысканий социофункциональной стратификации немецкого языка и размышлений о судьбах немецкого и других европейских языков.

Для широкого круга лингвистов, специалистов по германскому языкознанию.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

- 121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

- 690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60

- 191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

